

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Никифоров Я. А.** Личность как основание социального изменения в дискурсе Н. Г. Чернышевского 3
- Андрянова Е. А., Новокрещенова И. Г., Аранович И. Ю.** Готовность к роли матери: медико-социологический анализ факторов формирования 5
- Бегина И. А.** Детерминанты амбивалентности политической власти в России 12
- Климов В. А.** Социальные аспекты генеалогического исследования (по работам С. Б. Веселовского) 16
- Ильина Т. Н., Кром И. Л., Новичкова И. Ю.** Медико-социологическое объяснение феномена качества жизни 20
- Гусев В. В.** Моногорода Саратовской области: посткризисные перспективы развития 26
- Николаева О. В.** Стиль жизни пенсионеров как социологическая проблема (на основе конкретно-социологических исследований в г. Казани) 30
- Покатов Д. В.** Отечественная социология политической элиты: этапы развития и эволюция 36
- Голуб О. Ю.** Управление кризисными организационными коммуникациями: теоретические основания изучения 40
- Ивченков С. Г.** Современные риски: проблема типологизации 49

Слово молодым социологам

- Хайруллин Р. Р.** Демографическая политика России и Республики Татарстан: демографическое поведение молодежи в современном обществе 52
- Масленников В. А.** Учение Н. К. Михайловского об общественном идеале 58
- Трембовецкая В. Л.** Особенности становления и современное состояние социологии власти в России 62
- Петрович О. Г.** Проблемы и противоречия российской высшей школы в контексте формирования глобального рынка образовательных услуг 64

Политология

- Вилков А. А., Богданов А. В.** Традиционализм и модернизм в политической культуре студенческой молодежи в современной России 68
- Панкратов С. А., Тельнова Н. А.** Специфика гражданской идентичности в условиях политической модернизации России 75
- Данилов М. В.** Политизация экономических проблем в посланиях президента Федеральному собранию Российской Федерации как механизм конструирования политической повестки дня 79
- Сергеев С. Г.** Потенциально внеконституционные политические институты как «попутный продукт» партийного строительства 83
- Россошанский А. В.** Информационная составляющая политического суверенитета 88
- Морозов С. И., Кулешова Е. Л.** Государство как субъект конструирования национально-государственной идентичности в современной России 92
- Гошуляк В. В.** Политико-правовая природа института собственности в России 97

Слово молодым политологам

- Петров Д. Е.** Политико-ресурсные аспекты реформы органов внутренних дел в современной России 102
- Жильцова О. Н.** «Предел» современной политики административного реформирования в России 106
- Хаутиев Ш. М.** Потенциал и ограничения «транзитологического» подхода к объяснению постсоветской российской политики 108
- Горелик Д. С.** Институциональные предпосылки политической модернизации в России 110
- Соснин Д. П.** Институциональные факторы формирования и эволюции городских элит (на примере Удмуртской республики) 112

Приложения

- Хроника научной жизни** 115

Сведения об авторах

122

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор**
Коссович Леонид Юрьевич
- Заместитель главного редактора**
Усанов Дмитрий Александрович
- Ответственный секретарь**
Клоков Василий Тихонович
- Члены редакционной коллегии**
Аврус Анатолий Ильич
Аксеновская Людмила Николаевна
Аникин Валерий Михайлович
Балаш Ольга Сергеевна
Бучко Ирина Юрьевна
Вениг Сергей Борисович
Волкова Елена Николаевна
Голуб Юрий Григорьевич
Дыльников Геннадий Васильевич
Захаров Андрей Михайлович
Комкова Галина Николаевна
Лебедева Ирина Владимировна
Левин Юрий Иванович
Монахов Сергей Юрьевич
Орлов Михаил Олегович
Прозоров Валерий Владимирович
Прохоров Дмитрий Валентинович
Федотова Ольга Васильевна
Федорова Антонина Гавриловна
Черевичко Татьяна Викторовна
Чумаченко Алексей Николаевич
Шатилова Алла Валерьевна
Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

- Главный редактор**
Дыльников Геннадий Васильевич
- Заместитель главного редактора**
Вилков Александр Алексеевич
- Ответственный секретарь**
Бегина Ирина Александровна
- Члены редакционной коллегии**
Ивченков Сергей Григорьевич
Калинникова Марина Викторовна
Комкова Галина Николаевна
Кузнецов Игорь Иванович
Шахматова Надежда Владимировна
Шестов Николай Игоревич

Зарегистрировано
в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации обще-теоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагаются сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подрисуночные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word предоставляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки предоставляются в виде отдельных файлов в формате PCX, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка

Ковалёва Наталья Владимировна

Технический редактор

Агальцова Людмила Владимировна

Корректор

Певная Татьяна Константиновна

Адрес редакции

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 07.12.2011.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41 (15,5).

Тираж 500 экз. Заказ 82.

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный университет, 2011

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Nikiforov Y. A.** The Person as the Basis of Social Change in N. G. Chernyshevsky's Discourse 3
- Andrianova E. A., Novokreshenova I. G., Aranovich I. Yu.** Readiness for the Role of Mother: the Mediko-Sociological Analysis of Factors of Formation 5
- Beginina I. A.** Ambivalence Determinants of the Political Power in Russia 12
- Klimov V. A.** Social Aspects of Genealogical Research (Based on S. B. Veselovsky's Works) 16
- Ilyina T. N., Krom I. L., Novichkova I. U.** Medico-Social Explanation of Life Quality Phenomenon 20
- Gusev V. V.** Company Towns in Saratov Region: Post-Crisis Development Prospects 26
- Nikolaeva O. V.** Style of Pensioner's Life as the Sociological Problem (on the Basis of Sociological Researches in Kazan) 30
- Pokatov D. V.** Russian Sociology of Political Elite: Stages of Development and Evolution 36
- Golub O. Y.** Crisis Communications Management in an Activity of an Organization: Theoretical Basis of Research 40
- Ivchenkov S. G.** Modern Risks: a Problem of Typology 49

A Word to Young Sociological Scientists

- Khayrullin R. R.** Population Policy of Russia and the Republic of Tatarstan: Demographic Behavior of Youth in Modern Society 52
- Maslennikov V. A. N. K.** Mikhaylovsky's Teaching of Social Ideal 58
- Trembovetskaya V. L.** Formation Features and Present Situation of the Sociology of Power in Russia 62
- Petrovich O. G.** Problems and Contradictions of Russian Higher School in the Context of Formation of the Global Market of Educational Services 64

Politology

- Vilkov A. A., Bogdanov A. V.** Traditionalism and Modernism in Political Culture of Students in Modern Russia 68
- Pankratov S. A., Telnova N. A.** The Specificity of Civic Identity under the Conditions of Political Modernization in Russia 75
- Danilov M. V.** The Politicization of Economic Issues in the Presidential Address to the Federal Assembly of Russian Federation as a Mechanism for Construction of Political Agenda 79
- Sergeev S. G.** Potentially Extraconstitutional Political Institutions as a «Byproduct» of Party Building 83
- Rossoshanskiy A. V.** Information Part of Political Sovereignty 88
- Morozov S. I., Kuleshova E. L.** State as a Subject of Nation-State Identity Construction in Contemporary Russia 92
- Goshulyak V. V.** Political and Legal Nature Institute of Property in Russia 97

A Word to Young Politological Scientists

- Petrov D. E.** Political-Resource Aspects of the Reform of Internal Affairs in Modern Russia 102
- Zhitsova O. N.** «Limit» of Modern Administrative Reformation Policy in Russia 106
- Khautiev Sh. M.** The Potential and Limits of «Transitology» Approach to Post-Soviet Politics 108
- Gorelik D. S.** Institutional Prerequisites for Political Modernization in Russia 110
- Sosnin D. P.** Institutional Factors of Formation and Evolution of City Elites (on an Example of the Udmurt Republic) 112

Appendices

- Chronicle of Scientific Life** 115
- Information about the Authors** 123

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316+929

ЛИЧНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ В ДИСКУРСЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Я. А. Никифоров

Саратовский государственный университет
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматривается понимание Н. Г. Чернышевским базовых черт личности как основания социального изменения. Особое внимание уделяется теоретическим источникам становления взглядов мыслителя на эту проблему.

Ключевые слова: взгляды Н. Г. Чернышевского, проблема личности, социальное изменение.

The Person as the Basis of Social Change in N. G. Chernyshevsky's Discourse

Y. A. Nikiforov

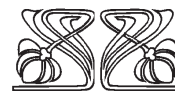
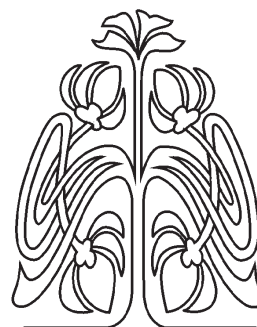
In article N.G. Chernyshevsky's understanding of base lines of the person as the bases of social change is considered. The special attention is given to theoretical sources of thinker's sights on this problem formation.

Key words: N. G. Chernyshevsky's sights, problem of the person, social change.

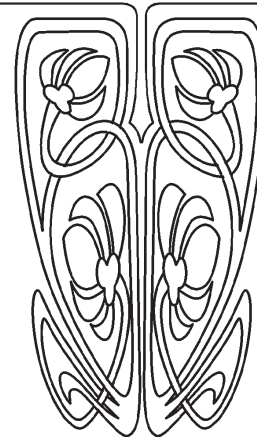
Постановка и решение проблемы личности Н. Г. Чернышевским были связаны прежде всего с потребностью поиска оснований социального изменения.

Среди теоретических источников решения этой проблемы необходимо выделить прогрессивные традиции европейской и русской общественной мысли. Просветительская идеология утверждает необходимость разумного устройства общества, раскрытия природных потенций человека. Сущность человека предполагает его верность «натуре», природе, которая объявляется нормой его существования, полезной и разумной. Эта норма неизменна, а ее реализация и определяет социальный прогресс. В социологическом дискурсе Чернышевского идея «натурального» человека явилась одним из его теоретических источников. Так, он писал: «Только то, что составляет натуру человека, признается в науке за истину; только то, что полезно для человека вообще, признается за истинное добро: всякое уклонение понятий известного народа или сословия от этой нормы составляет ошибку: галлюцинацию...»¹.

Следование естественной норме является добродетельным, разумным и полезным: «Если полезным называется то, что служит источником множества наслаждений, а добром – просто то, что очень полезно, тут же не остается ровно никаких сомнений относительно цели, которая предписывается человеку, – не какими-нибудь посторонними соображениями или внушениями, не какими-нибудь проблематическими предположениями, таинственными отношениями к чему-нибудь еще очень неверному, – нет, предписывается просто рассудком, здравым смыслом, потребностью наслаждения: эта цель – добро. Расчетливы только добрые поступки, рассудителен только тот, кто добр, и ровно настолько, насколько добр»². К просветительской традиции относятся такие понятия, как здравый смысл, потребности и другие, а также успешно разрабатываемая Чернышевским теория «разумного эгоизма».

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В рамках просветительской идеологии, особенно русской начала XIX в. с её вниманием к «природному» человеку и разработкой антропологического принципа, были заложены методологические основы нового подхода к человеку, которые в работах Чернышевского превратились в важнейший методологический принцип. Наиболее четко этот принцип был изложен Чернышевским в его социально-философском произведении «Антропологический принцип в философии», утверждавшем материалистический взгляд на человека. Такой подход обусловлен, по его мнению, всем ходом развития науки, прежде всего материалистической философии в союзе с естествознанием. Антропологический принцип рассматривает сущность человека в единстве материальных, природных процессов.

Н. Г. Чернышевский в своих теоретических рассуждениях говорит о человеке вообще, о личности вообще, о ее природообразности, потребностях и интересах в самом отвлеченном смысле. Это мешало ему показать социальную сущность личности – изменение социальной «природы» человека в процессе прогрессивного развития общества.

Антропологический принцип у Н. Г. Чернышевского сохранил статус отправной точки в разрешении проблемы исторического бытия людей, но дополнился требованием всестороннего анализа различных сторон деятельности человека как участника общественных отношений: «Жизнь рода человеческого, как и жизнь отдельного человека, складывается из взаимного проникновения очень многих элементов: кроме внешних эффектных событий, кроме общественных отношений, кроме науки и искусства, не менее важны нравы, обычаи, семейные отношения, наконец, материальный быт: жилища, пища, средства добывания всех тех вещей и условий, которыми поддерживается существование, которыми доставляются житейские радости или скорби. Из этих элементов только немногие до сих пор введены в состав рассказа о жизни человечества»³.

Стремления человека, цели его деятельности, по Чернышевскому, выводятся из бытия человека. Он подчеркивает при этом, что человек в своей деятельности руководствуется «личной выгодой», собственными интересами, «поступает так, как приятнее ему поступать, руководится расчетом, водящим отказываться от меньшей выгоды или меньшего удовольствия»⁴. С личными запросами Чернышевский связывает заинтересованность человека в труде, посредством которого человек удовлетворяет свои потребности. Русский мыслитель доказывает, что человек заинтересован не во всяком труде, а в таком, «при котором данная масса ценностей производит наибольшую массу благосостояния или наслаждения»⁵. А это возможно лишь в том

случае, когда труд и собственность соединены в одном лице. Труд естествен, он «единственный элемент производства, лежащий в организме самого человека». Кроме того, «труд есть деятельность мозга и мускулов, составляющая природную, внутреннюю потребность этих органов, находящихся в ней свое наслаждение, а внешним своим результатом имеющая приведение сил и предметов природы к производству предметов и явлений, удовлетворяющих нуждам человеческого организма»⁶.

Русский мыслитель раздвигает рамки антропологического подхода, считая, что реализация сущности человека возможна путем преодоления двух объективных препятствий на его пути к прогрессу: «...противных потребностям человека условий внешней природы» и социальных «обстоятельств общественного бытия человека». В данном случае Н. Г. Чернышевский прямо указывает, что «самым изобильным источником обнаружения злых качеств служит недостаточность средств к удовлетворению потребностей»⁷, заостряя тем самым внимание на устранении «зла» в общественном бытии человека. Он пишет: «Жизнь и славу нашего времени составляют два стремления, тесно связанные между собой и служащие дополнением одно другому: гуманность и забота об улучшении человеческой жизни. К этим основным идеям примыкают, от них получают свою силу все остальные частные стремления, свойственные людям нашего века: вопрос о народности, вопрос о просвещении, государственные, юридические стремления оживляются этими идеями, решаются на основании их, вообще интересуют собою современного человека только по мере связи их с тенденциями к гуманности и улучшению человеческой жизни»⁸.

Итак, основными чертами личности, определяющими её значимость для социального изменения в широком смысле слова, Н. Г. Чернышевский считал: верность «натуре», природе, следование естественной норме; постоянное стремление личности к преодолению «противных потребностям человека условий внешней природы» и социальных «обстоятельств общественного бытия человека».

Примечания

- ¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1939–1950. Т. VII. С. 288–289.
- ² Там же. Т. VII. С. 291.
- ³ Там же. Т. III. С. 356.
- ⁴ Там же. Т. VII. С. 285.
- ⁵ Там же. Т. VII. С. 19.
- ⁶ Там же. Т. IX. С. 156.
- ⁷ Там же. Т. III. С. 322.
- ⁸ Там же.

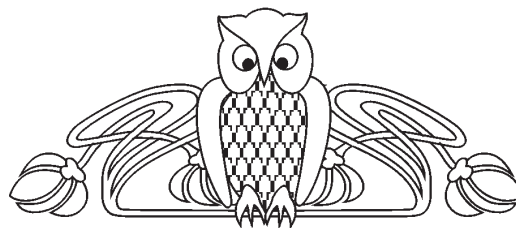

УДК 618.2-055.25:159.922.1:316

ГОТОВНОСТЬ К РОЛИ МАТЕРИ: МЕДИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ

Е. А. Андриянова, И. Г. Новокрещенова, И. Ю. Аранович

Саратовский государственный медицинский университет
E-mail: Aranovich@inbox.ru

В статье изложены результаты медико-социального анализа формирования готовности к роли матери. Предложена авторская модель готовности к материнству. На основе полученного в результате исследования социально-психологического портрета современной беременной женщины были определены факторы формирования готовности к выполнению роли матери. Осуществлен сравнительный анализ готовности к материнству первородящих и повторнородящих женщин. Определены основные направления программы социально-психологической помощи в рамках женской консультации.

Ключевые слова: беременность, готовность к роли матери, модель готовности к материнству, социальный статус беременной женщины, социально-психологическая помощь во время беременности.

Readiness for the Role of Mother: the Mediko-Sociological Analysis of Factors of Formation

E. A. Andrianova, I. G. Novokreshenova, I. Yu. Aranovich

The results of the mediko-sociological analysis of readiness for a role of mother factors are stated in article. The author's model of readiness for motherhood is offered. The factors of readiness for a role of mother formation have been defined on the basis of the socially-psychological portrait of the modern pregnant woman, that was received as a result of research. The comparative analysis of readiness for motherhood is carried out. The basic directions of the program of the socially-psychological help are defined within the limits of female consultation.

Key words: pregnancy, readiness for the role of mother, model of readiness for the role of mother, social status of pregnant women, socially-psychological help for pregnant women.

Первое десятилетие XXI в. ознаменовано фокусированием внимания государства на проблемах повышения рождаемости в контексте социально-демографических изменений российского общества. Специфика медико-социологической рефлексии проблем рождаемости направлена на создание модели помощи беременным женщинам, одной из задач которой является подготовка к роли матери.

Наиболее интенсивно на всех этапах материнства женщина взаимодействует с социальным институтом медицины. К сожалению, современный институт медицины, сопровождая женщину на разных стадиях материнства, зачастую не способствует, а усугубляет неготовность женщины к выполнению роли матери. Как отмечает О. А. Ка-

сьянова на основании результатов анкетирования и опроса женщин, побывавших на стационарном лечении в роддомах г. Саратова, в 87% случаев беременных женщин абсолютно не устраивает внутренняя психологическая атмосфера, обостряемая подчиненным, зависимым положением женщин от «правил роддома». Пространство медицинских учреждений (женских консультаций, роддомов и т. д.) О. А. Касьянова характеризует как травмирующую среду для беременных женщин. Отсюда возникает необходимость изменения методов и качества оказываемой беременной женщине помощи в рамках медицинского учреждения¹.

В период беременности наиболее ярко проявляется весь спектр медицинских, психологических и социальных проблем, влияющих на репродуктивные установки женщин, обостряются многие противоречия, обусловленные воздействием социальной среды на женщину: гендерная дискриминация на рынке труда; потеря экономической самостоятельности; вынужденный отказ от участия в общественной жизни; изменения во внутрисемейных отношениях. Все перечисленное определяет необходимость разработки современной интегративной модели подготовки беременной женщины к выполнению роли матери, основанной на синтезе социальной, психологической и медицинской составляющих.

В настоящее время в нашей стране не развита сеть социальных учреждений, оказывающих данный вид помощи. Однако изучение готовности к материнству в последние годы ведется в разных аспектах достаточно активно. В социологических исследованиях готовность к материнству рассматривается в контексте позднего материнства и материнства несовершеннолетних². В психологическом ключе эта проблема представлена в работах, посвященных исследованию условий психологического риска для будущего развития ребенка³, факторов риска психической патологии ребенка в связи с социальными и психическими аномалиями матери⁴. Достаточно изучены значимые личностные характеристики будущей матери, разрабатываются опросники, выявляющие отношения родителей к ожидаемому ребенку⁵, описаны факторы, влияющие на материнское поведение⁶. С. Ю. Мещеряковой выделены основные составляющие структуры психологической

готовности к материнству: особенности переживания женщиной беременности; ориентация на стратегию воспитания и ухода за младенцем; ранний детский опыт будущей матери (наличие или отсутствие привязанности к матери, стиль родительского воспитания, игровые предпочтения).

Подготовка к выполнению роли матери первоначально базируется на удовлетворении физических и психо-социальных потребностей женщины. Причем оказываемая психологическая поддержка должна базироваться на учете потребностей не только матери, будущего ребенка, но и отца, семьи в целом⁷. Помощь беременным в решении медицинских и социальных проблем составляет содержание и основной вектор медико-социальной подготовки к роли матери в рамках женской консультации.

Беременность – это первый этап материнства, поэтому от того, какой опыт получит женщина в этот период, во многом будут зависеть ее будущие отношения с ребенком и внутри семьи. Формирование системы взаимоотношений «мать – дитя» происходит постепенно с момента зачатия и влечёт за собой серьезные изменения в жизни будущей матери. Беременная женщина сталкивается с новыми адаптационными задачами, для решения которых требуется активная личностная перестройка. В течение беременности она должна постепенно принять роль матери, научиться воспринимать будущего ребёнка, соотносить свои потребности с фактом его существования. Процесс принятия роли матери рассматривается как кризисный этап в развитии личности. Он предъявляет особые требования к личностным ресурсам и несёт в себе как потенциальные возможности, так и потенциальные опасности для личности⁸.

Для большинства женщин на данном этапе необходима профессиональная помощь в решении проблем, в основном связанных с изменением самовосприятия в новой роли, роли матери, неопределенностью ее социального статуса, изменением внутрисемейных отношений. К сожалению, эти проблемы остаются без внимания акушеров-гинекологов, в результате чего формируются отрицательное отношение к опыту беременности, психоэмоциональные и психосоматические расстройства, приводящие к различным осложнениям течения как самой беременности, так и родов⁹, снижению периода лактации и, как следствие, к отказу женщины от повторной беременности, а также росту заболеваемости детей первого года жизни¹⁰.

Нами обоснована авторская модель готовности к роли матери, включающая три взаимосвязанные сферы: медицинскую, социальную и психологическую. Медицинская сфера отражает объективное состояние здоровья и положительную самооценку здоровья беременной женщины. Социальная включает в себя следующие элементы: совокупность ценностей будущего

материнства; опыт отношений в родительской и собственной семье; установку на изменение образа жизни (новый режим труда и отдыха, изменение рациона питания, отказ от вредных привычек, регулярные занятия лечебной гимнастикой); готовность принять на себя ответственность за исход беременности и родов. Психологическая сфера структурирована на эмоциональную, когнитивную и поведенческую составляющие. Эмоциональная составляющая оценивается по уровню тревоги (измеряется с помощью метода цветочных выборов в модификации Л. Н. Собчик и по знаку чувств, испытываемых пациентками по поводу своей беременности). Когнитивная составляющая оценивается по уровню владения необходимой информацией по уходу за будущим ребёнком, её источникам (мать, врач, книги, Интернет). Поведенческая составляющая включает действия, направленные на поддержание нормального протекания беременности (ранняя постановка на диспансерный учет, регулярное посещение акушера-гинеколога, своевременное прохождение УЗИ и лабораторной диагностики).

Ценности и установки беременных, по нашему мнению, являются основными факторами готовности к роли матери и, соответственно, определяющими конфигурацию, структуру и динамику медико-социальной помощи в рамках амбулаторно-поликлинической помощи. Психологическая составляющая медико-социального сопровождения беременности нами рассматривается как способ «перезагрузки» сложившейся годами практики амбулаторной акушерско-гинекологической помощи. Учет выделенных параметров в работе женской консультации позволит не только добиться уравнивания эмоционального состояния беременной женщины, обучить необходимым основам саморегуляции функционального и психического состояния, сформировать навыки и умения адекватного поведения в родах, но и сформировать готовность принять на себя ответственность за течение беременности.

Медико-социальная эффективность женской консультации в обозначенном контексте возможна в первую очередь при наличии обратной связи специалистов женской консультации с потребителями услуг на основе постоянного мониторинга оценочных суждений основных субъектов акушерско-гинекологической службы, и прежде всего беременных женщин. С этой целью нами было проведено сравнительное количественное исследование 599 беременных женщин, которое проводилось на базе женских консультаций г. Саратова в 2008–2010 гг. При составлении анкеты мы опирались на общепринятые положения интегративной концепции готовности к материнству¹¹. Ответы респондентов позволили получить информацию по поставленным в исследовании задачам. С помощью анкеты 1) определили степень осознания ответственности за свою беременность и ребенка будущей матерью, 2) выделили значимые соци-

альные и психологические параметры готовности к материнству, 3) установили значение паритета родов в готовности к роли матери. Вопросы были направлены на выявление эмоциональных, когнитивных, поведенческих и ценностно-нормативных индикаторов, позволяющих сделать вывод об уровне готовности беременной женщины к роли матери.

Первый блок вопросов был направлен на изучение социальных и социально-психологических характеристик респондентов. Он включал вопросы о возрастном, семейном, профессиональном, материальном статусе женщины, что позволило составить медико-социальный портрет современной беременной женщины. Для формирования целостного медико-социального портрета современной беременной женщины был использован метод «выкопировки» сведений из индивидуальной карты беременной. Вопросы анкеты позволили определить паритет ценностей и оценку респондентами отношений в родительской и собственной семье, уровень развития здоровьесохраняющего поведения, содержание досуговых практик.

С помощью второго блока вопросов была получена оценка беременными женщинами основных параметров работы женской консультации, а также определены степень потребности и удовлетворенности/неудовлетворенности медицинскими и социально-психологическими параметрами помощи и основные проблемы, ухудшающие качество жизни наблюдаемых беременных.

Третий блок вопросов направлен на определение готовности респондентов к материнству. Ответы на вопросы данного блока позволили определить уровень ответственности будущих матерей за свою беременность и ребенка, социальные и психологические параметры готовности к роли матери.

Статистическую обработку данных выполняли при помощи программного пакета «Statistica 6.1». Сравнение переменных делалось при помощи критерия парных сравнений Вилкоксона. Сравнение групп проводилось с использованием U-критерия Манна-Уитни. Надежность используемых статистических оценок принималась не менее 95%. В ходе исследования выявлялись социальные и психологические характеристики респондентов, основными из которых выступили возраст, семейный статус, жилищные условия, образование, уровень ежемесячного дохода на одного человека в семье, профессиональный статус, наличие детей, самооценка материального положения, уровень тревожности, приоритетные ценности. Количественные данные (например, возраст, материальный доход) определялись в виде среднего и его стандартного отклонения [$M \pm \sigma$], показатели, измеряемые в балльной шкале, – в виде среднего и его 95%-ного доверительного интервала [M (ДИ 95%)], бинарные показатели – в виде частоты и ее ошибки ($M \pm m$).

По возрасту женщины распределились следующим образом: 17–20 лет – 15,2%; 21–25 лет – 39,4%; 26–30 лет – 26,9%; 31–35 лет – 13,5%; 36–45 лет – 5,2%. Таким образом, средний возраст обследованных беременных женщин составил $26,3 \pm 12,5$ года ($M \pm \sigma$). Среди опрошенных 70,6% женщин ожидали первого ребенка, имели одного и более детей 29,4%.

Большинство женщин замужем – 64,4%, в гражданском браке – 30,5%, не замужем – 5,0%, в разводе – 0,2%. 71,2% респондентов проживают в семьях, где количество членов не превышает 3 человека, 26,9% – в семьях, состоящих из 4–5 человек, 1,9% – свыше 6 человек. Имеют собственное жильё 45% респондентов, 35% проживают с родителями, 20% вынуждены арендовать жилплощадь. Большинство семей предпочитает жить самостоятельно, территориально отделяясь от родителей. Наибольшее количество опрошенных женщин проживает в многоквартирных домах – 57,9%, в собственном доме – 22,1%, снимают жильё – 20,0%.

В основном беременные женщины имеют средний уровень образования: высшее – 39,6%, среднее специальное – 31,9%, среднее – 13,7%, незаконченное высшее – 12,7%, незаконченное среднее и ниже – 1,9%. Только 10,7% женщин имеют больший по сравнению с другими членами семьи доход. Большинство опрошенных имеет средний уровень экономического достатка – 74,1%. Высокий доход в семье имеют 21,3%, с трудом сводят концы с концами – 2,9% и отказались почти от всего, все средства уходят на питание – у 1,7% опрошенных.

Уровень дохода на одного члена семьи у большинства составляет $3,10 \pm 1,49$ тыс. руб. (на момент исследования в 2008 г. прожиточный минимум составил 4537 руб.). У 32,4% он составляет 3000–6000 руб., у 28,6% – 6000–9000 руб., у 14,8% – 9000–12 000 руб. Высокий уровень дохода на одного члена семьи имеют 15,3%: 12 000–15 000 руб. – 8,0%, от 15 000 до 21 000 руб. – 4,9%, более 21 000 руб. – 2,4%. Минимальный доход, менее 3000 руб., имеют 8,9% опрошенных женщин.

Оценивая свое материальное положение, 18,7% опрошенных женщин характеризуют его как «живем в достатке, ни в чем себе не отказываем», «живем прилично, хотя приходится работать изо всех сил» – 72,5%, «с трудом сводим концы с концами» – 3,0%, «отказались почти от всего, все средства уходят на питание» – 1,7%, затруднились ответить 4,1% респондентов.

Состояние собственного здоровья опрошенные женщины оценили в 4,1 балла (ДИ 95,0% 4,07–4,17), мужа – 4,3 балла (ДИ 95,0% 4,56–4,71). Узнав о беременности, только $36 \pm 0,02\%$ ($M \pm m$; здесь и далее) опрошенных женщин изменили свой образ жизни (установили новый режим труда и отдыха, стали больше бывать на природе, уделять больше внимания питанию, заниматься лечебной гимнастикой).

Среди опрошенных женщин, решивших стать матерью, не курит $91,5 \pm 1,1\%$. Партнеры респондентов в основном курят – $63,1 \pm 0,02\%$. Большинство наблюдаемых женщин не употребляет алкоголя – $95,4 \pm 0,01\%$. $80,1 \pm 0,01\%$ партнёров беременных женщин не употребляет алкоголя.

Анализ состояния здоровья беременных свидетельствует о его неблагополучии: страдают экстрагенитальной патологией $76,2\%$, из них анемией – $41,6\%$, болезнями системы кровообращения $11,2\%$, болезнями мочеполовой сферы – $13,4\%$. С сожалением приходится констатировать, что анемия является своеобразным «маркером» качества жизни и уровня патологии как матери, так и плода, поскольку развивающаяся при длительной анемии стойкая гипоксия плода вызывает тяжелое поражение жизненно важных органов плода, и прежде всего нервной системы. При этом важно, что рост анемии беременных в России связан с ухудшением качества питания женщин, и в этом смысле анемия беременных является фактически социально обусловленной патологией – болезнью социально-бытового неблагополучия, потенциально предотвратимой при оказании необходимой социальной поддержки.

Как считают С. Ю. Мещерякова и Н. Н. Авдеева, психологическую готовность к материнству можно прогнозировать по восприятию женщиной своего раннего детского опыта взаимодействия с матерью¹². С нашей точки зрения, не менее важную роль в этом играют и отношения с отцом. Как показывают исследования,¹³ негативный опыт детско-родительских отношений способствует несформированности готовности к материнству, низкому уровню осмысленности жизни, наличию тревожного состояния по поводу протекания беременности. Мы полагаем, что позитивный опыт детско-родительских отношений самой беременной женщины связан с благополучным принятием, освоением, фиксацией и выполнением материнской роли, со сформированной готовностью к материнству, высоким уровнем ее осмысленности.

Сравнительное изучение беременных женщин по паритету родов выявило ряд достоверных различий в их медико-социальном портрете. Средний возраст первобеременных женщин составил $24,4 \pm 5,3$ года, повторнородящих – $31 \pm 21,1$ года. По семейному положению в группе впервые рожавших $59,3\%$ составляют замужние женщины, тогда как во второй группе количество состоящих в браке женщин – $77,3\%$. У 23% женщин этой группы браки являются повторными. Данное обстоятельство требует внимания со стороны социально-психологической помощи, так как дети в этой семье будут иметь разных отцов, что, в свою очередь, может стать причиной внутрисемейной напряженности.

По социальному положению в группе первобеременных (группа 1) преобладают высококвалифицированные специалисты ($22,3\%$), в группе повторнородящих (группа 2) – домохозяйки ($33,9\%$).

Фактор наличия детей смещает ценностные приоритеты женщины с семьи на детей. Как по-

казывают данные, для первобеременных женщин наибольшей значимостью обладает семья, затем идут дети, родители, здоровье, работа, материальное благополучие и, наконец, друзья. Повторнородящие женщины на 1-е место ставят детей, затем семью, здоровье, родителей, работу, материальное благополучие и друзей (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение значимости ценностей для первородящих и повторнородящих

Ценность	Группа 1	Группа 2	p
Семья	1,92 (1,78 – 2,05)	1,86 (1,75 – 1,96)	0,07
Дети	2,26 (2,16 – 2,36)	1,57 (1,47 – 1,67)	<0,001
Родители	3,15 (3,03 – 3,27)	3,59 (3,42 – 3,76)	<0,001
Здоровье	3,38 (3,25 – 3,50)	3,52 (3,34 – 3,71)	0,5
Работа	5,66 (5,57 – 5,75)	5,55 (5,40 – 5,71)	0,1
Друзья	6,19 (6,10 – 6,28)	6,36 (6,24 – 6,48)	0,08
Материальное благополучие	5,56 (5,43 – 5,69)	5,49 (5,30 – 5,67)	0,1

Как и в общей структуре значимых ценностей, для первородящих женщин наиболее важной является семья, как вновь созданная, так и родительская, для повторнородящих – дети. Можно предположить, что первобеременные женщины тесно связаны с родительскими семьями, видят в них поддержку и опору и для них значимы близкие отношения с партнёрами. И только те женщины, для которых дети являются ценностью, решаются на рождение двух и более детей. Оценка влияния возможного появления еще одного ребенка на различные сферы жизнедеятельности, которая в значительной степени формирует репродуктивные ориентации, во многом зависит именно от ценностных ориентаций. Это еще раз свидетельствует в пользу того, что без изменения этих ориентаций невозможны существенные сдвиги в репродуктивном поведении, которые привели бы к повышению рождаемости до уровня, обеспечивающего воспроизводство населения¹⁴.

Для большинства первородящих женщин отношения с матерью и с партнером обладают практически равной значимостью, для повторнородящих такой равнозначностью обладают отношения с партнером и с детьми. При этом большинство из первородящих и повторнородящих женщин невысоко оценивает свои отношения с отцом (табл. 2).

Таблица 2

Характеристика семейных отношений

Оцениваемые отношения	Группа первородящих			Группа повторнородящих		
	Оценка в баллах			Оценка в баллах		
	1–2	3	4–5	1–2	3	4–5
Отношения с матерью	6%	4%	90%	11%	7%	82%
Отношения с отцом	24%	11%	75%	34%	14%	52%
Отношения с партнёром	2%	2%	96%	2%	3%	95%
Отношения с детьми	0%	13%	87%	0%	2%	98%

Ценностные приоритеты, система отношений беременных женщин во многом определяют и структуру их досуга. Основная часть беременных проводит свое свободное время занимаясь домашними делами или вместе с семьей: проводят время с семьей 35,0% первородящих женщин и 42,0% повторнородящих; домашними делами предпочитают заниматься в свободное время 23,0% женщин, имеющих детей, и 27,0% женщин, ждущих первого ребенка. При этом с друзьями в свободное время чаще общаются 15,0% первородящих беременных женщин и 3,5,0% повторнородящих. Время на чтение книг находят 10,5% женщин, имеющих детей, и 5,8% первородящих.

По состоянию здоровья у представителей обеих групп также имеются различия. В группе 2 значительно выше доля лиц с анемией (45,0%) (табл. 3), что может свидетельствовать о более сложном материальном положении этих респондентов. Незначительное преобладание в группе 1 болезней мочеполовой сферы свидетельствует о том, что пациентки, имеющие в анамнезе заболевания мочеполовой сферы, реже решаются на повторные роды.

Таблица 3

**Доля беременных,
имеющих экстрагенитальную патологию**

Заболевания	Группа 1		Группа 2	
	Чел.	%	Чел.	%
Анемия	158	37	77	45
Болезни системы кровообращения	43	10	21	12
Болезни мочеполовой сферы	68	16	17	10

По второму блоку анкеты были получены следующие результаты. У $20 \pm 0,02\%$ женщин из второй группы необходимость наблюдения в женской консультации связана только с получением родового сертификата и листка нетрудоспособности, что отличается от показателя первой группы ($13 \pm 0,03\%$) ($p < 0,04$). Это может свидетельствовать о том, что данная группа повторнородящих женщин оценивает необходимость посещения женской консультации лишь как формальную обязанность, не получая необходимой, в том числе и социально-психологической помощи. При этом респонденты из обеих групп отмечают необходимость во время беременности квалифицированной акушерско-гинекологической, диагностической помощи. Необходимость психологической помощи отметили $48 \pm 0,02\%$, социальной – $3\% \pm 0,01\%$. Это объясняется тем, что многие беременные женщины просто не имеют представления о содержании данного вида помощи.

Степень доверия к врачу оценивается обеими группами на 3,3 балла (ДИ 95% 3,22–3,37),

доброжелательность врача – на 3,7 балла (ДИ 95% 3,71–3,83). Удовлетворенность оказанной медицинской помощью оценивается на 3,4 балла (ДИ 95% 3,33–3,47). В перечень необходимых условий для повышения оценки деятельности женской консультации 100% опрошенных внесли высокую квалификацию персонала, комфортность условий и отсутствие очередей, вежливость персонала, $55 \pm 0,01\%$ – оснащенность современным оборудованием, только $18 \pm 0,02\%$ отметили соблюдение стандартов обследования.

У женщин из 1-й группы преобладают проблемы, связанные с адаптацией к изменению образа жизни, взаимоотношениями с партнёрами, женщины из 2-й группы больше беспокоят проблемы взаимоотношений с близкими родственниками (табл. 4).

«Семейный» характер проблем отметили 42% и 48% женщин из первой и второй групп соответственно. Психологические проблемы существуют у $52 \pm 0,02\%$ респондентов, но потребность в квалифицированной психологической помощи они оценивают на 3,2 балла (ДИ 95% 3,05–3,36).

Третий блок анкеты включал в себя вопросы, направленные на определение психологической составляющей готовности респондентов к роли матери. В разработке вопросов данного блока мы исходили из того, что психологическая готовность к материнству состоит из 3 компонентов: поведенческого, когнитивного и эмоционального. На вопрос «Появились ли у Вас во время беременности проблемы психологического характера?» 34% первородящих женщин ответили утвердительно, 31% отрицательно, а 35% затруднились с ответом. Повторнородящие в 39% случаев ответили утвердительно, 38% отрицательно, затруднились с ответом 23% респондентов. При этом оценка уровня тревожности по методу цветочных выборов Л. Собчик показала, что проблемы психологического характера беспокоят значительно больший процент женщин (табл. 5). Улучшение своего психологического состояния в период беременности отмечают 39% повторнородящих и 26% первородящих женщин, ухудшение – 39 и 38% соответственно, количество затруднившихся с ответом в первой группе было на 14% больше. Это свидетельствует о том, что первородящие женщины воспринимают свою беременность прежде всего как физиологический процесс. Кроме того, первородящие не концентрируются на психологических изменениях, которые вызывает беременность. Во второй группе на 5% меньше женщин, имеющих уровень тревоги 0 баллов; на 6,4% больше женщин, имеющих уровень тревоги 3 балла и более. Данный показатель является закономерным, так как появление еще одного ребенка в семье вызывает больше социально-психологических проблем, с которыми женщина должна справиться.

Таблица 4

Социально-психологические проблемы первородящих и повторнородящих женщин

Основные проблемы (код МКБ-10)	Частота отдельных проблем среди беременных женщин (%)	
	первородящие	повторнородящие
Проблемы, связанные с адаптацией к изменению образа жизни (Z 60.0)	38	30
Проблемы, связанные со взаимоотношениями супругов или партнёров (Z 63.0)	24	17
Проблемы взаимоотношений с родственниками или родственниками жены, мужа (Z 63.1)	18	31
Проблемы, связанные с работой и безработицей (Z 56)	15	12
Проблемы, связанные с обстоятельствами жилищного и экономического характера (Z 59)	5	10

Таблица 5

Уровень тревоги по методу цветочных выборов

Группа беременных	Тревога по МВЦ					
	0 баллов		1–2 балла		3 и более баллов	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Первородящие	79	18,5	106	24,8	242	56,7
Повторнородящие	23	13,4	42	24,4	107	62,2
Итого	102	17,0	148	24,7	349	58,3

Позитивные чувства по поводу беременности испытывает 51% женщин из первой группы, 70% из второй ($p < 0,01$). Женщины, имеющие позитивный опыт предыдущей беременности, психологически более готовы к повторному материнству. Обсуждать проблемы, связанные с беременностью, 75% женщин из обеих групп предпочитают со своими мужьями, 62% женщин из первой группы пользуются советами матерей, среди повторнородящих женщин обсуждают свои проблемы с матерью 50%. Первородящие женщины чаще получают информацию из Интернета (9% по сравнению с повторнородящими – 3%). Женщины, имеющие детей, чаще предпочитают обсуждать возникшие проблемы с наблюдающим их врачом (45% в отличие от женщин первой группы 34%).

Владеет информацией по уходу за новорождённым 61% женщин из первой группы. Изменили свой образ жизни в связи с беременностью 36% женщин из первой группы и 38% повторнородящих. По наличию вредных привычек, занятиям лечебной гимнастикой достоверного различия в группах не обнаружено.

Всего 19% женщин из первой группы и 34% из второй готовы нести ответственность за течение беременности и родов. После рождения ребенка 68% повторнородящих женщин и 32% первородящих готовы принять ответственность по уходу на себя, не надеясь на помощь родственников. Отношение к будущему ребёнку как субъекту демонстрируют 73% повторнородящих

и 66% первородящих женщин, что является еще одним показателем готовности к материнству и ориентации женщины на изначальное восприятие еще не родившегося ребенка как личности.

Таким образом, по результатам данного исследования можно говорить о том, что на формирование готовности к роли матери беременной женщины влияет ряд факторов. Среди них: взаимоотношения с мужем и другими близкими родственниками; материальное положение семьи; интериоризированные ценности; эмоциональное отношение к беременности и будущему ребенку; тревога за состояние своего здоровья. Процесс формирования готовности к роли матери начинается задолго до наступления беременности. Однако далеко не все женщины способны самостоятельно совершить успешный переход к новому статусу матери, выработать в себе ответственность за свою беременность и своего будущего ребенка. Чтобы изменить эту ситуацию, необходимо профессиональное социально-психологическое сопровождение не только женщины, но и в целом семьи в период ожидания и рождения ребенка.

Сравнительный анализ готовности к роли матери первородящих и повторнородящих женщин показал значимые отличия в ценностных ориентациях, в наличии социально-психологических проблем в общении с партнером и родителями, прежде всего с отцом, в готовности брать на себя ответственность за свою беременность и предсто-

ящие роды, в восприятии будущего ребенка как субъекта, личности. Приоритетной ценностью для большинства повторнородящих женщин выступают дети. При этом данная группа характеризуется более низким уровнем материального достатка и жилищных условий, что свидетельствует о вторичности данных факторов в готовности женщин к повторному материнству. В то же время паритет родов не является фактором готовности к роли матери. Исследование также показало, что повторнородящие женщины, в сравнении с первородящими, имеют более высокий уровень тревожности, а следовательно, и социально-психологических проблем.

На основе проведенного исследования мы пришли к выводу, что готовность к роли матери необходимо рассматривать как систему, имеющую внутреннюю организацию. Анализ ответов беременных женщин на вопросы анкеты позволил выделить две основные группы факторов, которые формируют модель готовности к роли матери. Первая группа – это медицинские факторы, связанные с состоянием здоровья беременной женщины. Вторая группа – социально-психологические факторы, наиболее значимыми из которых являются ценность отношений в семье, здоровьесохраняющее поведение, изменение образа жизни. Данные факторы имеют различные проявления. На эмоциональном уровне это наличие тревожности, совокупность чувств, переживаний, связанных с беременностью; на когнитивном – осознанность своего состояния и адекватное понимание происходящих изменений, владение информацией по уходу за новорожденным; на ценностно-нормативном уровне – формирование значимых установок и правил, определяющих дальнейшее взаимодействие с ребенком (субъект-объектное или субъект-субъектное); на поведенческом – реализация в повседневном опыте материнских установок, установка на ответственность за ребенка, готовность принять ответственность за течение беременности и исход родов. Нарушение структуры (конфликт) межуровневых отношений, конкуренция между ценностью ребенка и другими значимыми для женщины ценностями¹⁵ изменяют процесс формирования готовности к материнству, что обуславливает возникновение эмоциональных нарушений в период беременности. Признаком неблагополучия личности является тревога. Для беременности и послеродового периода типично возникновение эмоциональных переживаний, а также различных эмоциональных расстройств. Наиболее это характерно для течения первой сохраненной беременности и связано с осознанием того, что изменяется вся жизненная ситуация: независимое существование заканчивается, и женщина принимает новую для себя социальную роль – роль матери.

Состояние беременности сопровождается кризисом, затрагивающим все перечисленные уровни, включающим в себя осознание и внутреннее принятие себя беременной, симптом противоречивого отношения к беременности, перестройку самосознания женщины с постепенным включением в него образа ребенка, принятие своей новой социальной роли матери, опасение относительно успешности ее реализации. Мы рассматриваем готовность к роли матери как особое состояние женщины в качестве субъекта акушерской помощи, характеризующееся ответственным поведением и отношением к текущей беременности и родам, к будущему ребёнку. Изменение физиологического и социально-психологического состояния женщины приводит к изменению внутрисемейных отношений, что сопровождается семейным кризисом. Поэтому представленная модель обуславливает необходимость использования методов семейной психотерапии в процессе сопровождения беременности в женской консультации.

Эффективность использования практики семейной психотерапии в сопровождении беременности в женской консультации подтверждают следующие данные: сокращается количество самопроизвольных аборт (от 0,9 до 0%), сокращается количество операций кесарева сечения (с 21 до 19,5%), снижается процент осложнений во время родов. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что социально-психологическая составляющая современной практики подготовки беременной женщины к выполнению роли матери является тем жизненно важным звеном, которое на данном этапе способно помочь в решении многих проблем в сфере репродуктивного здоровья.

Очевидно, что назрела необходимость включения в систему здравоохранения социальных работников как специалистов по координации поддержки беременных женщин и их семей всеми заинтересованными учреждениями в рамках медицинской, социальной и психологической помощи. Изменение существующего положения возможно только на основе междисциплинарного подхода к акушерским проблемам. Необходимо сформировать новую парадигму медицинского мышления, допускающего, что не только заболевания, но и такие психические факторы, как отрицательные эмоции, психическое напряжение, утомление, тревога, депрессия, могут являться этиологическими факторами возникновения акушерских осложнений.

Готовность к роли матери можно рассматривать как фактор готовности к повторному деторождению. В целях актуализации данного звена программа психологического сопровождения беременной женщины в рамках женской консультации должна быть направлена на оказание поддержки и помощи женщине в мобилизации физических и психических сил для благополучного течения беременности и рождения здорового ребенка.

Примечания

- 1 См.: Касьянова О. А. Социально-психологические факторы подготовки женщин к беременности, родам и материнству. Саратов, 2009.
- 2 См.: Мещерякова С. Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 55–58.
- 3 Баженова О. В., Баз Л. Л., Копыл О. А. Готовность к материнству: выделение факторов, условий психологического риска для будущего развития ребенка // Синапс. 1993. № 4. С. 35–42.
- 4 См.: Брутман В. И., Ениколопов С. Н., Панкратова М. С. Некоторые результаты социологического и психологического обследования женщин, отказавшихся от своих новорожденных детей // Вопросы психологии. 1994. № 5. С. 31–37.
- 5 См.: Condon J. The Assessment of Antenatal Emotional Attachment: Development of the Questionnaire Instrument // Brit. J. Med. Psychol. 1993. Vol. 66, № 2. P. 110–115.
- 6 См.: Klous M., Jerauld R. Maternal Attachment: Importance of the First Post-partum Days // New Engl. J. Medicine. 1972. Vol. 286, № 9. P. 58–65.
- 7 См.: Овчарова Р. В. Психологическое сопровождение родительства. М., 2003.
- 8 См.: Соколова О. А., Сергеев Е. А. Динамика личностных характеристик женщин в период беременности как фактор психического здоровья матери и ребенка // Психологический журнал. 2007. № 6. С. 71–72.
- 9 См.: Влияние психоэмоционального стресса на течение и исходы беременности / Ф. М. Абдурахманов, И. М. Мухамадиев, З. Х. Рафиева, А. Надырова // Российский вестник акушера-гинеколога. 2008. № 3. С. 38–41.
- 10 См.: Немировская Ю. В. Факторы адаптации беременной женщины к социальной роли матери // Вестник Саратов. гос. техн. ун-та. 2007. № 1. С. 215–219.
- 11 См.: Филиппова Г. Г. Психология материнства. М., 2002.
- 12 См.: Авдеева Н. Н., Мещерякова С. Ю. Особенности психической активности ребенка первого года жизни // Мозг и поведение младенца / под ред. М. А. Адрианова. М., 1993.
- 13 См.: Землюлина И. Н. Переживание беременности в контексте жизненного пути личности женщины как фактор принятия новой социальной роли – роли матери : дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2009.
- 14 См.: Архангельский В. Н., Антонова О. И., Никитина Е. Ю. Основные результаты пилотного обследования «Семья и рождаемость» // Вопросы статистики. 2006. № 10. С. 3–5.
- 15 См.: Морозин В. Г. Ценностно-потребностная сфера личности. Томск, 2003.

УДК 32.019.5

ДЕТЕРМИНАНТЫ АМБИВАЛЕНТНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

И. А. Бегина

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininaI@info.sgu.ru

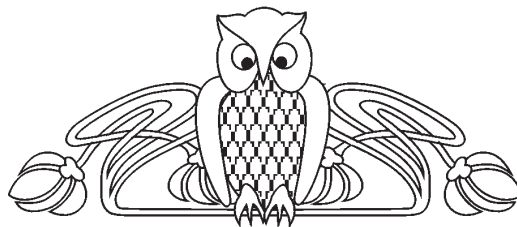
В статье анализируются противоречия во взаимоотношениях власти и общества, неоднозначность и одновременное сосуществование в российском социуме процессов демократизации и авторитаризма политической системы и выявляются основные факторы, определяющие разнонаправленные векторы двойственной динамики политических процессов в современной России.

Ключевые слова: амбивалентность, власть, политическая система, политический режим, демократизация, авторитаризм.

Ambivalence Determinants of the Political Power in Russia

I. A. Beginina

The paper analyzes contradictions in the power-society interrelations, ambiguity and simultaneous coexistence of the processes of democratization and authoritarianism of the political system in Russian society, and reveals basic factors determining variously directed vectors of the dual dynamics of political processes in modern Russia.

Key words: ambivalence, power, political system, political regime, democratization, authoritarianism.

Отношение к власти в любом обществе всегда отличалось парадоксальной противоречивостью. Многочисленные концепции власти в современной и классической научной литературе классифицируются по ряду оснований – по субъектности, атрибутивности, институциональному или системному характеру, специфике властных отношений, по методологическим подходам. Однако все исследователи акцентируют внимание на высокой степени сложности властного механизма взаимодействия управляющих и управляемых. Практически все они рассматривали властные отношения с двойственных позиций: с одной стороны – как целесообразный институт управления обществом, механизм организации общественной жизни; с другой – как инструмент насилия над человеком и отдельными социальными

ми категориями населения. Эта амбивалентность власти прослеживается в идеях практически всех крупных мыслителей, писателей начиная с Античности (Аристотель, Бакунин, Гегель, Гёте, Гомер, Достоевский, Кафка, Конфуций, Кропоткин, Локк, Монтескьё, Ницше, Платон, Полибий, Сартр, Шекспир) и до сегодняшнего дня, проходит практически через все наиболее значимые концепции и теоретические размышления социологов как в России, так и за рубежом. Они рассуждают о политической власти как основном условии сохранения порядка, регулирования человеческих отношений или с позиций ее отчужденности от рядовых граждан, когда обладающие властью используют ее для своей частной пользы вместо общего блага. Последний аспект нашел отражение в появлении термина «приватизация власти».

Термин «амбивалентность» введен Эйгеном Блейлером. Он происходит от лат. *ambo* – оба и лат. *valentia* – сила¹ и обозначает двойственное, противоречивое отношение субъекта к объекту, характеризующееся одновременной направленностью на один и тот же объект противоположных импульсов, установок и чувств, обладающих сходной степенью интенсивности. Обычно одно из амбивалентных чувств вытесняется (как правило, бессознательно) и маскируется другим. Амбивалентность коренится в неоднозначности, отчужденности отношения человека к власти, ее институтам, в противоречивости системы ценностей политической сферы. В ходе социологической диагностики она проявляется и замеряется через эмоциональные (аффективные) проявления чувств к политическим лидерам, институтам, событиям в сфере политики; через противоречивость, двойственность, неопределенность высказываемого отношения к ним, бесконечные колебания между противоположными решениями (например, по поводу участия в выборах), а также – интеллектуальную амбивалентность: чередование противоречащих друг другу, взаимоисключающих идей в рассуждениях человека о фактах политической сферы.

До определенного уровня амбивалентность естественна и вполне нормальна, так как связана с диалектическим характером человеческой, политической жизни. Это внутренняя противоречивость, двойственность политического явления, обусловленная наличием противоположных начал в его структуре. Так, современная российская политическая система определяется Конституцией 1993 г. как демократическая. В реальной действительности политическая система России во многом не отвечает общепринятым критериям демократии, важнейшие из которых – репрезентативность (представительность) власти, ее ответственность перед обществом, наличие действенного общественного контроля над властью. Общеизвестно, что политическая система нынешней России представляет собой симбиоз

демократии и авторитаризма, ограничивающий возможности демократического развития и затрудняющий политическое самоопределение страны. Вполне очевидно, что этот режим не может быть описан только с помощью характеристик «авторитаризм» и «демократия». По мнению одного из реформаторов перестроечной волны А. Яковлева, проблема России заключается в том, что она «находится в состоянии давнего противоборства двух основных тенденций – либерализма и авторитаризма, определяющих на самом деле будущее России»². Поэтому можно согласиться с аналитиками, которые характеризуют эту систему терминами «авторитарная демократия», связывая ее возникновение с незрелостью гражданского общества³.

Особенностью современного развития России является возникновение режима, для которого интересы государства и общества не совпадают. Это означает, что общественная власть на этом этапе не имеет эффективной политической структуры. Такой режим политологи называют гибридным, или переходным. Обладая признаками демократии, он еще не является демократическим⁴. Для него характерны переплетение взаимоисключающих принципов жизнедеятельности, персонификация и нечеткое разделение властных полномочий, которое у некоторых исследователей ассоциируется с исторически сложившейся «русской системой»⁵. Однако персонифицированная власть переходного общества, даже если она формируется и легитимируется демократическим способом, генетически нестабильна. Неразвитость демократических институтов в России неминуемо ведет к разочарованию в них и появлению в обществе тяги к «сильной руке» и к надеждам, что авторитарный лидер гарантирует стабильность и порядок в стране. Поэтому персонифицированная власть в целях выживания должна постоянно перетекать из одного режима в другой, не меняя при этом своей сущности. Чем более институциализирована политическая система, тем более упорядочено государство, что вступает в противоречие с относительно автономным режимом власти переходного типа. В то время как политическая система регулируется конституционными нормами, законами, судебными решениями, политический режим действует в зависимости от личных связей, покровительства и попыток сохранить свою автономию. В постсоветской России политическая интеграция происходила на уровне режима, а не на уровне политической системы. Поэтому создание политических институтов не сопровождалось институционализацией политических процессов и носило излишне формализованный характер.

Корнями постсоветского политического режима являются, с точки зрения исследователей, консервативные особенности российской полити-

ческой культуры – патернализм, этатизм и т.д.⁶ В России исторически сложилось так, что общество и власть сориентированы в разных направлениях. Процесс формирования государственности из разнородных в политическом, культурном, этническом и конфессиональном отношении элементов подразумевал преобладание в политической культуре взгляда на единство государства как на упрочение властной вертикали. Только при такой структуре верховная власть могла доминировать, не вторгаясь в сферу региональной, экономической, культурной и правовой специфики. Следует также отметить негативное отношение общества к навязыванию идеологии, что явилось следствием коммунистического правления⁷.

Для России является актуальным предупреждение, прозвучавшее от аргентинского политолога Гильермо О' Доннелла, относительно двух видов гибели демократии – внезапной (вследствие какого-либо заметного события, которое сразу же привлекает внимание и указывает на точную дату гибели демократии) и медленной, когда постепенно и незаметно происходит эрозия демократических свобод, гарантий и процессов. При этом нельзя указать точной даты, когда можно зафиксировать «гибель» демократии в нашей стране. Можно лишь заметить задним числом, когда насилие и репрессии, сопровождающие редукцию демократии, станут значимыми и актуальными, когда будет окончательно утрачена внутренняя и международная легитимность⁸.

Примерно до середины 1990-х гг. господствующей тенденцией было движение страны в направлении представительной демократии. Конкретными проявлениями такой политики явились высокая политическая активность граждан, формирование легальной оппозиции, децентрализация власти, становление системы выборов. Важнейшая характеристика демократии – переход к выборной системе формирования власти. Свободные альтернативные выборы сохраняют потенциал для превращения российской демократии в реальную. Голоса избирателей являются важнейшим ресурсом режимной системы. В сегодняшней России ни один политик не может построить или завоевать власть без использования голосов в качестве ресурса.

В современной России проявляются характерные черты демократии: строятся основы правовой государственности и создаются основы гражданского общества; власть на федеральном и местном уровне выбираема и сменяема; действуют механизмы непосредственной демократии (референдумы); существует система разделения власти в государстве; гарантированы основные права человека; реально действует политическая оппозиция, в том числе и «непримиримая»; формально судебные органы независимы от исполнительных органов власти; отсутствует ведущая идеология; в экономике складывается свободный и конкурентный рынок при многообразии форм

собственности; существуют независимые средства массовой информации и коммуникации. Выборы в Государственную думу проходят по пропорциональной системе, а в законодательные органы субъектов Федерации – по смешанной, причем не менее половины депутатов избирается по спискам политических партий; политическим партиям, победившим на выборах в региональный парламент, предоставляется право предлагать президенту кандидатуру для выдвижения на пост главы администрации субъекта Федерации; работает Общественная палата, одной из важнейших задач которой является проведение экспертизы наиболее значимых законопроектов в целях реализации интересов общества.

Экономика в России развивается по рыночному закону при дефиците эффективно функционирующей рыночной системы, поэтому предприниматели стремятся использовать существующие законы для обретения независимости от бюрократии в целях защиты своих личных и имущественных прав. Средний класс по мере своего развития мог бы стремиться обеспечить свои имущественные права и личные свободы в системе законов. В результате укрепления законности режимная система постепенно уступала бы место демократическому режиму, когда противостояние оппонентов завершилось бы добровольным принятием всеми сторонами демократических норм и ценностей и согласием институционализировать свои интересы в рамках новой политической системы. Институты демократии (парламент, суды, местное самоуправление) сохранили бы способность независимого функционирования и стали фундаментом перехода к демократическому режиму.

В то же время современная политическая практика создает институты, которые формально являются демократическими, но не несут ответственности перед обществом. Так, политические партии в основном осуществляют связи с элитой и мобилизуют идеологические и политические ресурсы на внутриэлитную борьбу. Создание Народного фронта «сверху» демонстрирует скорее имитацию, нежели стимулирование политической активности населения. Аналогичная ситуация наблюдается в технологиях избирательного института, где результаты избирательных кампаний во многом детерминированы административными ресурсами. В результате складывается ситуация, когда исход выборов становится известным заранее. Постепенно демократизм переродился в популизм, антибюрократизм – в непрофессионализм, децентрализация – в «парад суверенитетов»⁹.

Однако формализация политических процессов привела на практике к тому, что население, выступая за демократические принципы управления и соблюдение демократических прав и свобод на индивидуальном уровне, одновременно на уровне всего общества и значительных социальных категорий населения выдвигает

серьезный авторитарный запрос, проявляющийся в стабильно высоком уровне доверия и рейтинге В. В. Путина.

Обеспокоенность значительной части политологического сообщества авторитарными тенденциями в формировании политического режима в современной России вполне очевидна. Некоторые из этих тенденций субъективны, а какие-то кроются в российском политическом менталитете и в политической практике. В современной России еще сохранились тоталитарные традиции, имеющие свою специфику. В этой связи принципиальное значение имеет тот момент, что в России промышленная революция была осуществлена за счет превращения всей массы населения в наемных рабочих государства и тотальной экономии на оплате труда. Эта экономия, сверхэксплуатация привели к деградации рабочей силы и развитию ее теневого воспроизводства в виде нелегальной миграции, неправовых соглашений, договоров, нелегализованных форм оплаты труда. В результате качество и количество труда перестали соответствовать потребностям индустриально-информационных технологий.

Сложность ситуации в России заключается в том, что для социально-политической модернизации страны необходимо значительно поднять уровень оплаты труда наемной рабочей силы, для чего нужны крупные капиталовложения, дополнительные инвестиции, дефицит которых усиливался в последние, кризисные годы. Повысить уровень инвестирования экономики для ее модернизации и одновременно повысить оплату труда всей массе наемных работников без больших иностранных капиталовложений невозможно. Между тем инвестиционный климат в стране далеко не самый благоприятный. Исходя из этого России требуется новая и мощная система мобилизации наемного персонала, который должен работать лучше, чем при социализме, за значительно меньшую дореформенной оплату труда. Неустойчивость сложившейся ситуации затрудняет процессы демократизации России и создает условия для усиления в стране авторитаризма.

Авторитарность заложена в традициях российского общества. В современных условиях тоска по «сильной руке» усиливается ходом и направленностью реформ, за которые подавляющему большинству населения приходится платить слишком большую цену. В результате реформ в стране образовался огромный разрыв между богатыми и бедными, что при отсутствии стабилизирующего среднего класса ведет к росту авторитарных настроений. Наблюдается не сокращение, а увеличение разрыва в дифференциации доходов самых бедных и богатых. Между тем проблема демократии неактуальна в бедной стране, где люди больше думают о выживании, чем о соблюдении прав человека. Люди, привыкшие все необходимое

получать от государства, не знают, что делать со свободой, которую им обещают демократические преобразования. Еще в начале XX в. Г. П. Федотов по поводу революции 1917 г. отмечал, что русский народ предпочел свободе государственную мощь¹⁰. Свобода, не подкрепленная материальной составляющей, которую должно обеспечить социальное государство, предполагает необходимость проявления инициативы, повышения профессионального уровня, профессиональной и статусной мобильности, самостоятельного решения проблем вместо помощи государства. Соответствующим образом должны работать политические институты и бюрократия, которые призваны с помощью правовых норм обеспечить реализацию свободы гражданина в политической, экономической, социальной, культурной и других сферах. Однако в современных российских условиях они являются главным препятствием на пути становления демократических свобод.

Чувство неудовлетворенности в обществе, низкий уровень доверия россиян к политическим институтам и партиям, политическая пассивность и неверие в возможность влияния населения на их деятельность объясняются не только неадекватным решением проблемы социальной справедливости, но и унижением чувства национального достоинства россиян, оскорбленного чувства патриотизма, которое всегда составляло фундамент духовной жизни России. Именно поэтому современный патриотизм, по данным общероссийских и региональных опросов, проявляется либо как чувство гордости за прошлые достижения российской культуры, спорта, либо как любовь к своему месту жительства, приобретая местнический характер и провоцируя националистические настроения.

Усиление авторитарных тенденций в политическом режиме России обусловлено Конституцией, в которой перераспределение полномочий явно смещено в сторону исполнительной власти, и особенно президента. Реальные рычаги воздействия на политику у других ветвей власти серьезно ограничены. Усилению авторитарных тенденций способствуют и такие факторы, как распространение терроризма, перманентный рост преступности, природные катаклизмы, этнические и конфессиональные конфликты, нестабильность ситуации внутри правящих элит.

В отсутствие массового среднего класса, влиятельных самостоятельных партий и независимого от власти местного самоуправления перспективы демократической трансформации авторитарно-олигархической системы во многом зависят от двух факторов – наличия в самой правящей элите влиятельных групп, заинтересованных в демократизации страны, и воздействия такого нового феномена, как формирующееся «гражданское общество». Вектором развития политической власти в современной России в последние годы стала политика централизма, которая способствует

минимизации политических конфликтов, помогает использовать политический потенциал всего общества, поддерживать стабильные отношения между элитарными слоями и гражданами. Следует отметить, что здоровый государственный консерватизм, помноженный на гражданский консенсус, – это та ценность, приоритет которой способен снизить уровень амбивалентности взаимоотношений общества и власти в современной России и способствовать демократизации ее политического режима.

Примечания

- 1 См.: *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный (онлайн-версия). URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-1242.htm> (дата обращения: 23.05.2011); *Овчаренко В. И.* Амбивалентность. URL: <http://www.slovopedia.com/6/192/770127.html> (дата обращения: 23.05.2011); *Петровский. А. В.* Амбивалентность // Большая советская энциклопедия. URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 23.05.2011).
- 2 *Яковлев А. Н.* Реформация в России // *Общественные науки и современность.* 2005. № 2. С. 8.
- 3 См.: Амбивалентность в политике. URL: <http://political-party.ru/slovar/43-a/292-ambivalentnost-v-politike> (дата

обращения: 21.10.2011); *Красин Ю. А.* Российская демократия: коридор возможностей // *Полис.* 2004. № 6. С. 125.

- 4 См.: *Баранов Н. А.* Политические отношения и политический процесс в современной России : курс лекций : в 3 ч. СПб., 2008.
- 5 См.: *Шевцова Л. Ф.* Смена Режима или Системы? // *Полис.* 2004. № 1. С. 47.
- 6 См.: *Гуторов В. А.* Современная российская идеология как система и политическая реальность. Методологические аспекты // *Полис.* 2001. № 3. С. 80; *Соловьев А. И.* Технологии администрирования: политические резонансы в системе власти современной России // *Полис.* 2004. № 6. С. 105; *Шестопал Е. Б.* Авторитарный запрос на демократию, или Почему в России не растут апельсины // *Полис.* 2004. № 1. С. 28; *Яковлев А. Н.* Указ. соч. С. 13.
- 7 См.: *Шестов Н. И.* Идея единства страны и реформа российской политической системы // *Полис.* 2004. № 6. С. 112.
- 8 См.: *О’Доннелл Г.* Следует ли слушаться экономистов? URL: http://old.russ.ru/journal/predely/97-11-11/o_donn.htm (дата обращения: 14.05.2011).
- 9 См.: *Смолин О. Н.* Политический процесс в современной России : учеб. пособие. М., 2009. С. 197.
- 10 См.: *Федотов Г. П.* Россия и свобода // *Судьба и грехи России* : в 2 т. СПб., 1992. Т. 2. С. 284.

УДК 316.74:9+9(470)+929

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (по работам С. Б. Веселовского)

В. А. Климов

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются социальные аспекты генеалогического исследования на материале трудов академика С. Б. Веселовского (1876–1952). Особое внимание уделяется проблемам социального статуса личности и социальной мобильности в феодальном обществе.

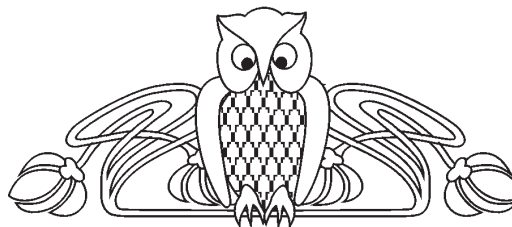
Ключевые слова: генеалогия, историческая социология, феодальное общество, социальная мобильность.

Social Aspects of Genealogical Research (Based on S. B. Veselovsky's Works)

V. A. Klimov

The article deals with the social aspects of genealogical research based on the works by S.B. Veselovsky (1876-1952). The special emphasis is placed on the social status of a person and social mobility in feudal society.

Key words: genealogy, historical sociology, feudal society, social mobility.

Когда речь идёт о генеалогии, обычно имеют в виду сбор и систематизацию сведений о происхождении и родственных связях семей, родов, династий, составление родословных таблиц и росписей. Занятие кропотливое, требующее усидчивости, терпения, аккуратности, но, в общем-то, малоинтересное. Так считают многие. Но когда за это дело берется опытный, вдумчивый и по-настоящему талантливый человек, оно может превратиться в творческий поиск, открывающий много нового и ранее неизвестного в пестром калейдоскопе исторических событий.

Именно таким исследователем был Степан Борисович Веселовский (1876–1952). На первый взгляд в его биографии нет ничего необычного, поражающего наше воображение, хотя он жил в бурный, богатый событиями, драматичный исторический период. Большую часть жизни провел в «пыли архивов», за письменным сто-

лом в своем домашнем кабинете, в общении с немногими друзьями и учениками. «У него был свой, сложившийся годами, устойчивый ритм работы, – вспоминал хорошо знавший Веселовского академик Л. В. Черепнин. – Он работал изо дня в день, с утра и до позднего вечера, размеренно и четко, с небольшими интервалами для отдыха, умея не растрчивать даром время. Терпеть не мог заседательской суеты и, избегая ее, сохранил для науки много часов»¹. Его архивное и домашнее уединение, репутация «немарксиста» ставили его в положение чуть ли не внутреннего эмигранта. «Красные профессора» обычно смотрели на Веселовского как на неисправимого «старого спеца», так и не преодолевшего груза «старой историографии»².

Уникальность творчества этого «специалиста старой школы» состояла в том, что в трудные для отечественной историографии годы сталинского режима Веселовский фактически остался единственным ученым, занимавшимся глубокими и масштабными генеалогическими исследованиями. Генеалогия в тот период была в числе отвергнутых и полузабытых научных дисциплин, многие считали, что эта ненужная для «рабоче-крестьянского» государства «дворянская наука» вообще обречена на постепенное умирание. Веселовский с его «старомодными взглядами» на значение генеалогии казался «белой вороной» в той научной среде, которая формировалась под влиянием идеологических установок партийного руководства.

Конечно, Веселовский занимался не только генеалогией. Диапазон его научных интересов весьма широк. Он – крупнейший специалист по социально-экономической и политической истории России XIV – нач. XVII в. Достаточно назвать такие его публикации, как «Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посощного обложения Московского государства» (т. 1–2, 1915–1916), «К вопросу о происхождении вотчинного режима» (1926), «Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVII вв.» (1936), «Феодальное землевладение Северо-Восточной Руси» (1947), «Исследования по истории опричнины» (1963). Построенные на обширном архивном материале, эти труды по праву считаются выдающимся достижением российской историографии, они вошли в золотой фонд отечественной науки. В системе исторических построений Веселовского генеалогические изыскания занимают почетное место. Это определялось рядом объективных причин.

Прежде всего нужно учитывать, что одной из центральных задач, которые Веселовский поставил перед собой еще в начале своей научной деятельности, было исследование «происхождения, состава и социальной природы класса служилых землевладельцев». И это не случайно. Он считал, что именно этот класс сыграл решающую роль в процессе становления нового государственного образования, возникшего на месте разоб-

щенных и враждующих между собой княжеств Северо-Восточной Руси, то есть Московского государства. Борьба с Тверским княжеством, жестокая междоусобица второй четверти XV в. были тяжелым испытанием не только для власти московских великих князей, но и для всего класса феодалов. «При такой длительной смуте никто не мог остаться в стороне, все так или иначе, одни в большей, другие в меньшей степени были втянуты в борьбу князей между собой... Интересы служилого класса, в особенности боярства, были настолько тесно связаны с интересами князей, что ему, так же как и князьям, история поставила вопрос: быть ли Великороссии единым государством или по-прежнему делиться на уделы и страдать от этого; на чью сторону стать и что делать? И если в результате борьбы победа осталась за Московским великим княжением, за принципом государственного единства, то это объясняется не столько политикой великокняжеской власти, сколько интересами и сознательностью боярства и всего служилого класса. Правда, что в этой борьбе, как и во всякой, некоторые лица преследовали свои личные цели, другие с самого начала признавали интересы своего класса, но в общем после непродолжительных колебаний линия поведения определилась и определила исход борьбы»³. Опираясь прежде всего на служилый класс, Иван III впервые смог назвать себя государем «всёя Руси», а его внук Иван IV принял царский титул.

Изучая социальную природу класса служилых землевладельцев, Веселовский пришел к важному методологическому выводу: не лица и не семьи, а роды составляли основные ячейки, из которых складывался класс. «Родовое строение, родовые традиции и весь уклад жизни, – пишет он, – представлялись мне как явление перво-степенной важности, как одна из характерных черт класса в XIV–XV вв.»⁴. Отсюда вытекает необходимость реконструкции и анализа генеалогической истории отдельных родов, путей и форм их генезиса, взаимодействия друг с другом, что позволяет показать роль каждого из них в общественно-политической жизни. На основе скрупулезного анализа и сравнения архивных документов, летописей, родословных книг Веселовский составил 47 очерков («монографий») о наиболее выдающихся служилых родах, активно действовавших на исторической арене в обозначенный выше период (из них 28 опубликованы уже после смерти историка). Важно отметить, что исследователь не только рассматривает родственные связи феодалов, но и также стремится выяснить размеры и расположение их владений, формы вознаграждения за службу (кормленья и поместья), продвижение по служебной лестнице и другие факты, характеризующие их социальный статус и его изменение.

Умело сочетая различные аспекты исследования, Веселовский, по сути дела, применяет социологический подход, позволяющий воссоздать

целостную и объективную картину изучаемого им общественного прогресса. Судьбы отдельных родов сливаются с общей бурной и драматической историей становления централизованного государства. Анализируя структуру, роль и функции класса служилых землевладельцев в контексте социального целого, Веселовский, на наш взгляд, продолжает линию исторической социологии, намеченную еще великим русским историком В. О. Ключевским. Предметом исторической социологии Ключевский считал «историческое изучение строения общества, организации людских союзов, развития и отправления их отдельных органов, – словом, изучение свойств и действия сил, созидающих и направляющих людское общежитие...»⁵. Эти задачи и решает Веселовский на конкретном генеалогическом материале, раскрывая особенности структуры и исторической эволюции класса служилых землевладельцев.

Собирая и анализируя все доступные факты, устанавливая их достоверность и репрезентативность, Веселовский стремился составить объективное представление о конкретной исторической эпохе во всем ее своеобразии и неповторимости. Таким образом, он выполнял миссию историка, раскрывающего уникальность каждого отдельно взятого момента в развитии общества. Однако в его трудах можно найти и ряд общезначимых выводов, важных с точки зрения исторической социологии. Они способствуют сравнительно-историческому и типологическому анализу различных этапов эволюции конкретного общественного организма.

Так, на примере служилых людей Московской Руси Веселовский показывает роль и место личности в традиционном обществе. В Московской Руси место человека на служебной лестнице определялось не одними его личностными качествами и не только происхождением, но и сочетанием служебной годности и служб человека с его родовой, то есть служебным уровнем его «родителей», родичей вообще, а в первую очередь его прямых предков – отца, деда и т. д., – по главной и ближайшим боковым линиям. «Люди Московской Руси ценили в человеке более семейные, родовые и сословные добродетели, чем яркую индивидуальность. Карьеристы (в лучшем смысле слова), “самовыдвиженцы”, если можно так выразиться, не находили у книжников и современников вообще ни сочувствия, ни даже правдивого изображения»⁶.

Тем не менее очень многое зависело от личных качеств служилого человека, от его усердия, настойчивости, стойкости, чувства долга. По неспособности, нерадивости, отмечает Веселовский, человек мог потерять свое «место» или, как тогда говорили, свою «честь». «Понятие служебной чести (в указанном выше смысле) порождало идею связи и преемственности поколений. Дружинник, служа князю и отдавая ему свой труд, а иногда и жизнь, проходил жизненный путь с мыслью, что его верность присяге и радетьельная служба принесут пользу и все возможные блага жизни не только ему

самому, но и его семье и дальнейшим поколениям его рода, а нерадивость и тем более измена навлекут опалу князя и кары не только на него самого, но и на его потомство». Таким образом, вступающий в жизнь молодой человек из служилой семьи должен был понимать свою ответственность и перед своим сувереном, и перед родом, проявлять такие качества, как исполнительность, верность, а в некоторых ситуациях – инициативность. «Служебная родовитость, – подчеркивает Веселовский, – вовсе не обеспечивала всякому бездельнику выгодного служебного положения, она открывала ему жизненные пути, но как он использует эту “путевку в жизнь” – это зависело от него самого»⁷.

В работах Веселовского можно найти немало интересных наблюдений и выводов о механизмах и способах вертикальной и горизонтальной социальной мобильности в условиях феодально-сословного строя. Сословные границы в этом обществе были довольно жесткими, но, тем не менее, возможности для продвижения индивидов или целых родов в вертикальном направлении (вверх или вниз) были довольно значительны. Под вертикальной социальной мобильностью (по П. А. Сорокину) обычно подразумеваются те отношения, которые возникают при перемещении индивидов или социальных групп из одного социального слоя (группы, страты) в другой. В зависимости от направления выделяют два вида вертикальной мобильности: восходящую и нисходящую⁸. В Московской Руси, как отмечал Веселовский, во всех княжеских и боярских родах были семьи и целые отрасли родов, которые «закоснели» в низах служебной иерархии и потеряли свое «место». Разумеется, тогда, как и во все времена, было немало «худородных» честолюбивцев, стремившихся пробиться «наверх» любой ценой.

Тогдашние обычаи вовсе не закрывали таким людям пути и возможности подъема по служебной лестнице, но требовали, чтобы возвышение происходило постепенно, с учетом служебных интересов других, честно добившихся своего положения лиц и родов. «Без идеи родовой чести, без представлений и обычаев, сложившихся на почве наследственности службы, княжеская дружина была бы не крепким аппаратом власти, каким она была в действительности, а сбродом случайных людей <...> Местнический распорядок родов и лиц ... ограничивал княжеский произвол, но важно отметить, что одновременно он обуздывал и дисциплинировал дружинника. Люди нашего средневековья не верили в исключительные таланты и не ценили их. Да это и понятно, так как тогдашняя служба требовала от человека не исключительной талантливости и ярко выраженной индивидуальности, а знаний и навыков в ратном деле, выносливости и мужества, доступных рядовому служилому человеку. Поэтому они не любили ни княжеских выдвинутых, ни тем более чересчур энергичных самовыдвиженцев. Только такое продвижение по службе считалось нормальным,

которое происходило постепенно, с прохождением всех чинов и “мест” и с соблюдением законных интересов соседей по службе»⁹.

Однако этот нормальный порядок все чаще нарушался по мере того как расшатывалась и деградировала система местничества, которая сложилась и успешно функционировала в XIV–XV вв. Особенно часто это происходило в условиях деспотического режима Ивана Грозного, который имел обыкновение «перебирать людишек», казнить и возвышать их по своему произволу, без оглядки на традиционные отношения между сувереном и вассалами. За это, в частности, и осуждал его в своих знаменитых посланиях князь-публицист Андрей Курбский.

«Опалы царя Ивана, – пишет Веселовский, – уничтожили множество крупных лиц и целые отрасли служилых родов. Это открывало путь к возвышению захудалым фамилиям, которые на протяжении нескольких поколений коснели в низах служебной иерархии. Таким фамилиям при возвышении приходилось, однако, энергично бороться за места и восстановление чести своего рода»¹⁰. При царе Иване не только честолюбивые выходцы из захудалых родов и люди вообще без родословной, но даже представители знатных старых родов порой «не удерживались от соблазна быстро сделать карьеру путем отказа от личного достоинства и безоговорочного угодничества. В огромном большинстве случаев успех на этом пути и царские милости быстро кончались опалой и даже насильственной смертью»¹¹. Исследователь, который пытается разобраться в запутанном клубке истории опричнины и судьбах людей, попавших в ее кровавый водоворот, обязательно должен иметь представление об их происхождении и родственных связях. «Без основательного знания родословия всех тех лиц, которые, как в вихре, крутились вокруг Ивана Грозного в несколько лет опричнины, а также несколько лет до нее и несколько лет после нее, совершенно невозможно понять события, связанные с этим вопросом. Только внимательное изучение генеалогии позволяет вскрыть все значение этих фактов»¹².

Случаи индивидуального проникновения в более высокие пласты или падения с высокого социального уровня на низкий, как указывал Сорокин, «привычны и понятны». Карьеристы-одиночки, самовыдвиженцы с авантюрными наклонностями известны во все времена и у всех народов. С. Б. Веселовский исследует более сложные формы вертикальной мобильности, когда целый род или клан продвигается вверх по лестнице социальной иерархии, а точнее, когда один представитель рода, который отличается особыми талантами или энергией или которому просто повезло, «тащит» за собой своих родичей, помогая им достичь вершин власти, а затем использует их поддержку, укрепляя свое положение и положение всего своего клана. Типичный пример – возвышение рода Годуновых. В XV–XVI вв. этот сплоченный род медленно, но

неуклонно продвигается по ступеням служебной лестницы, становясь все более влиятельным и известным, его члены исправно и честно служат, крепко держатся за свои костромские вотчины, преумножая состояние и полезные родственные связи. Одному из них, Борису Федоровичу Годунову, невероятно повезло: сначала он стал зятем всеильного главы опричников Малоты Скуратова, затем его сестра Ирина сделалась женой царевича, а впоследствии царя Федора Иоановича. Как известно, при царе Федоре он становится, по сути дела, правителем государства.

Существенно важно то, что Борис Годунов не просто удачливый выскочка, фаворит-одиночка. Тщательно исследуя генеалогические и иные документы, Веселовский показывает, как Годунов – сначала всеильный временщик, потом царь – заботится о продвижении своих родственников: более десятка из них попадают в высший орган власти – Боярскую думу. «В истории Боярской думы это было совершенно небывалым явлением. Царь Борис не только не боялся соперничества своих сородичей, как это часто бывало, но, очевидно, был уверен в их родовой дисциплинированности и неизменной поддержке не за страх, а за совесть». Успех сопутствовал Годуновым потому, что они делали карьеру «умнее других соратников царя Ивана, а главное – продвигаются не в одиночку, а дружной фалангой»¹³.

Родовая дисциплина и солидарность, по мнению Веселовского, имели огромное значение в условиях политических интриг и борьбы за власть, которыми полна история того времени. Династические, родственные связи всегда выступали мощным фактором в этой борьбе, но «суть вопроса в том, что княжата и боярство были способны в то время только к образованию партий и временных коалиций и одни лишь Годуновы и Захарьины-Кошкины вступили в борьбу сплоченными родами, сумевшими сохранить на протяжении трех веков родовую дисциплину и верность родовым традициям»¹⁴.

Однако названным выше родам довелось пережить не только взлет, но и падение (то, что социологи называют «нисходящей вертикальной мобильностью»). П. А. Сорокин выделял два ее вида: индивидуальную и групповую. «В первом случае “падение” напоминает нам человека, упавшего с корабля, во втором – погружение в воду самого судна со всеми пассажирами на борту или крушение корабля, когда он разбивается вдребезги»¹⁵. Подобную катастрофу пережил род Захарьиных-Юрьевых (Романовых), подвергшийся жестокому репрессиям при царе Борисе (среди немногих уцелевших был Михаил Федорович, будущий царь). Род Годуновых также потерпел крушение в 1605 г., пришел в упадок и угас в начале XVIII века.

Таким образом, генеалогическое исследование, образцы которого дал Веселовский, помогает раскрыть движущие силы и факторы социальной динамики, мотивы поведения действующих лиц

на исторической арене. Модели социальной структуры и социальной мобильности, созданные социологами, наполняются полноценным жизненным содержанием. Это уже не сухие схемы, а живые исторические картины с избытком подробностей, деталей, нюансов. Но к чему это дотошное выискивание, казалось бы, незначительных подробностей? На этот вопрос можно ответить словами историка и философа А. В. Гулыги: «Люди должны знать свое прошлое во всей полноте, во всех деталях. Это своего рода категорический императив, заставляющий ученого копнуть в архивах, художника вживаться в эпоху, подыскивая для ее воспроизведения выразительную форму, любителя древностей собирать их <...> Радость историка – знание правды, “подправленная” история не может служить целям воспитания и культуры, скорее это путь к духовному растлению личности, к цинизму и лицемерию»¹⁶. В деятельности Веселовского мы видим образец ученого, всегда честного перед собой и перед наукой. Он шел по избранному пути без оглядки на идеологические авторитеты, с чувством высокой ответственности перед будущими поколениями.

Огромной заслугой ученого явилось сохранение и продолжение традиции генеалогических исследований, начало которой было положено Н. М. Карамзиным, П. М. Строевым, А. П. и Н. П. Барсуковыми, Н. П. Лихачевым, Ю. В. Арсеньевым, Н. В. Мятлевым, Л. М. Савёловым, В. Л. Модзалевским и другими корифеями отечественной науки. Если бы не усилия таких энтузиастов, как академик Веселовский, эта традиция могла бы заглохнуть в те трудные для исторической науки годы. Труд С. Б. Веселовского не пропал даром, его наследие не осталось достоянием лишь узких специалистов. Проведенные ученым

масштабные исследования в области источниковедения, разработанные им методические подходы подготовили почву для возрождения и развития новых направлений генеалогии в нашей стране. Эти исследования создают и новые возможности для социальных исследований, способствующих более глубокому пониманию прошлого и осмыслению проблем современного общества.

Примечания

- ¹ Черепнин Л. В. Степан Борисович Веселовский (Творческий путь) // История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 39.
- ² См.: Дубинская Л. Г. Ученый и его наука в письмах // Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками. М., 2001. С. 11.
- ³ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 509.
- ⁴ Там же. С. 7–8.
- ⁵ Ключевский В. О. Сочинения : в 8 т. М., 1956. Т. 1. С. 15.
- ⁶ Веселовский С. Б. Исследования по истории... С. 335.
- ⁷ Там же. С. 474.
- ⁸ См.: Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 374.
- ⁹ Веселовский С. Б. Там же. С. 475.
- ¹⁰ Там же. С. 103.
- ¹¹ Там же. С. 194.
- ¹² Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 210.
- ¹³ Веселовский С. Б. Исследования по истории... С. 195.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 374.
- ¹⁶ Гулыга А. В. Искусство истории. М., 1980. С. 32–33.

УДК 316.334:616.89

МЕДИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ ФЕНОМЕНА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Т. Н. Ильина¹, И. Л. Кром², И. Ю. Новичкова³

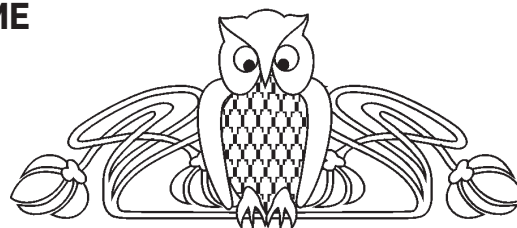
¹Саратовский государственный медицинский университет

²Центр медико-социологических исследований, г. Саратов

³Институт социального образования (филиал) Российского государственного социального университета в г. Саратове
E-mail: KromIL@km.ru

В статье качество жизни, релевантное здоровью, рассматривается как оценочная категория состояния субъекта в ситуации болезни, характеризующая параметры всех составляющих его жизни, представлены подходы к оценке качества жизни. Приводятся результаты авторского исследования качества жизни пациентов, страдающих болезнями системы кровообращения.

Ключевые слова: качество жизни, болезни системы кровообращения, опросник ВОЗ КЖ-100.

Medico-Social Explanation of Life Quality Phenomenon

T. N. Ilyina, I. L. Krom, I. U. Novichkova

The article life quality, relevant to health considers an estimated category of subject's state in illness situation, characterizing parameters of all components of his life. Approaches to an estimation of life quality are also described. The results of author's

research of life quality of the patients with cardiovascular diseases are given.

Key words: life quality, cardiovascular diseases, a questionnaire WHO «Life Quality-100».

В 2004 г. Президент России впервые определил качество жизни как целевой критерий социально-экономического развития России¹. В последующие годы в выступлениях первых лиц государства неоднократно подчёркивалась важность ориентации социально-экономической политики на повышение качества жизни населения².

Качество жизни определяется прежде всего возможностями человека (или социума) осуществлять жизненные процессы – жизненным потенциалом. Вторым фактором являются процессуально-результативные характеристики жизнедеятельности по отношению к имеющимся у людей потребностям, интересам, ценностям и целям. Третьим фактором качества жизни выступают внешние возможности, то есть свойства окружающей среды, объектов и субъектов. Они должны быть такими, чтобы жизненные функции первой направленности могли осуществляться безусловно, а функции второй имели бы значимую вероятность достижения целей для людей, которые хотят это сделать и готовы приложить для этого необходимые усилия.

Таким образом, «качество жизни» – это оценочная категория жизни человека, обобщённо характеризующая параметры всех составляющих его жизни – жизненного потенциала, жизнедеятельности и условий жизнедеятельности (инструментов, ресурсов и среды) – по отношению к некоторому объективному или субъективному эталону³.

Термин «качество жизни» получил широкое распространение в странах с рыночной экономикой в середине XX в. и в конце этого же столетия стал доминантой перестроечных процессов в России. Возросший интерес к данному термину за рубежом был обусловлен углублением социальных и экономических проблем, неравномерностью условий жизнедеятельности различных социальных групп. В России причины концентрации внимания на термине «качество жизни» были связаны не только со сложной ситуацией в социальной сфере, но также с объективной необходимостью отказа от сложившихся в прошлом традиций и стереотипов в решении социальных проблем. По мере перехода к рыночным отношениям постепенно пришло осознание того, что дальнейшее поступательное социально-экономическое развитие страны будет определяться качеством жизни различных слоев общества⁴. Организация Объединённых Наций (ООН) с целью интегративной оценки качества жизни населения страны – члена ООН предложила Human Development Index (HDI) – Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) – в странах и регионах мира, который определяется на основе следующих показателей: ожидаемой

продолжительности жизни, уровня образования, реального душевого валового внутреннего продукта. ИРЧП отражает средний уровень обеспечения страной базового человеческого потенциала и свидетельствует о том, сколько еще предстоит сделать для достижения некоторых определенных целей: средней продолжительности жизни в 85 лет, доступа к образованию для 100% населения, обеспечения населению достойного уровня доходов. В 1990 г. ООН опубликовала свой первый доклад с оценкой экономического и социального прогресса стран мира, в котором было сформулировано понятие человеческого развития: «Развитие человека является процессом расширения спектра выбора. Наиболее важные элементы выбора – жить долгой и здоровой жизнью, получить образование и иметь достойный уровень жизни. Дополнительные элементы выбора включают в себя политическую свободу, гарантированные права человека и самоуважение»⁵. Данная система взглядов ориентирована на повышение качества жизни человека.

Впервые дефиниция «качество жизни» была использована Пигон в 1920 г. в работе, посвященной вопросам экономики и благосостояния населения.

С середины XX в. предпринимаются попытки создания индикаторов качества жизни. Первые модели социальных индикаторов качества жизни были созданы в США в 60-е гг. XX в. специальной комиссией по проблемам национальных целей при президенте США. (Одна из существующих формулировок понятия «социальные индикаторы» принадлежит М. Бунге. Социальный индикатор характеризуется им как «наблюдаемая переменная, необходимая для определения (или оценки) какой-либо другой (обычно наблюдаемой) переменной. Взаимосвязь индикатора и того, что он характеризует, может быть выражена в функциональной форме либо в статистической корреляции. Индикатор представляет собой корректируемую гипотезу, а не произвольную формулировку, и в силу этого его лучше всего определять в рамках той или иной теории или математической модели. Социальный индикатор является показателем, относящимся к определенному социологическому контексту. Он позволяет определить степень благосостояния»⁶. Попытки измерения качества жизни по объективным индикаторам содержатся в работах Д. Джонстона, Дж. Форрестера, Д. Медоуза, А. А. Пионтковского, О. Г. Дмитриевой, В. А. Егорова, Ю. И. Калистратова и др. Однако наиболее важным представляется интегрированный, основанный на объективных и субъективных критериях подход к оценке качества жизни.

Созданием социальных индикаторов для сравнительного анализа качества жизни в различных странах и разработкой глобальных моделей качества жизни занимались Организация экономического сотрудничества и развития, Статистическое бюро ООН, предложившие про-

ект составления систематических обзоров статистической информации по важнейшим аспектам общественной жизни для определения «всемирного качества жизни». В 90-е гг. XX в. ООН разрабатывает показатель индекса качества жизни по 173 странам мира. Индекс качества жизни учитывает следующие показатели: состояние здравоохранения и образования, продолжительность жизни, занятость населения, его покупательную способность и доступ к политической жизни⁷.

С 70-х гг. XX в. увеличивается число и расширяется тематика исследований, посвященных качеству жизни населения. Складывается впечатление, что проблематика качества жизни стала играть такую же роль в осмыслении жизни общества, как стремление построить обобщающий показатель развития экономики (как известно, таким показателем был признан валовый внутренний продукт)⁸.

Определяя качество жизни, П. С. Мстиславский отмечал, что это «прежде всего социологическая категория, охватывающая все сферы общества, поскольку все они заключают в себе жизнь людей и ее качество. Соответственно – это предмет внимания всех, кто соприкасается с жизнью людей»⁹.

Современные исследователи определяют качество жизни как интегральную характеристику жизнедеятельности субъекта и социума. По данным Всесоюзного центра уровня жизни, структура качества жизни содержит:

- трудовую жизнь;
- жизнеобеспечение людей, здоровье и здравоохранение;
- развитие способностей людей;
- семейную жизнь;
- социальную защиту и социальное страхование;
- досуг;
- окружающую среду;
- экстремальные ситуации;
- заботу о будущем;
- качество жизни в целом¹⁰.

Л. А. Фиглин выделяет две существующие концепции категории качества жизни: «индивидуалистическую» и «трансцендентальную»¹¹. В первом случае качество жизни определяется степенью, в какой субъект преуспевает в исполнении своих желаний, несмотря на существующие ограничения (религиозные, этнические, социальные и т. д.). При «трансцендентальном» подходе качество жизни подразумевает степень реализации функций субъекта в широком социальном контексте. Обе концепции, по мнению автора, не могут «ни адекватно определить качество жизни в непротиворечивых терминах, ни указать на такое общественное устройство, которое наилучшим образом обеспечило бы высочайшее качество жизни для общества в целом и для индивидуумов»¹². Упоминание о качестве жизни, связанном со здоровьем, впервые встречается лишь в 1966 г.

в «Annals of internal medicine», где Д. Р. Элкинсон опубликовал статью «Medicine and the quality of life» по проблемам трансплантологии¹³.

Показатели качества жизни, определяемого состоянием здоровья, обычно отражают уровень функционирования субъекта и субъективно воспринимаемое им состояние своего здоровья и/или благополучия¹⁴.

Всемирная организация здравоохранения характеризует качество жизни, связанное со здоровьем, как «индивидуальное восприятие своей позиции в жизни в контексте с культурной средой и системой ценностей, в которой проживает индивид, и в соотношении с его целями, ожиданиями, стандартами и воззрениями»¹⁵. Качество жизни, связанное со здоровьем, определяется как способность индивидуума функционировать в обществе соответственно своему положению и получать удовлетворение от этого¹⁶.

По мнению М. Эдиунда и соавт.¹⁷, интерес к проблеме качества жизни в медицине объясняется следующими причинами.

1. Прогресс медицинской науки, совершенствование медицинских технологий в последние десятилетия XX в. привели к тому, что нередко в клинической практике встречаются ситуации, когда пациент является биологически живым и одновременно «мертвым» в социальном отношении.

2. Все в большей степени основополагающим принципом медицины становится уважение личности и прав пациента. Гарантии права пациента на сознательный выбор между лечением и нелечением, на утешение и т. д. связаны с «оптимальным качеством жизни больного».

3. Структура заболеваемости кардинально меняется. Все больше становится хронических больных, которые не могут быть излечены, несмотря на прогресс медицины. В отношении таких больных терапия направлена на улучшение их качества жизни.

Д. Ф. Селла отличает два фундаментальных свойства качества жизни – многокомпонентность и субъективизм в оценке. Он подчеркивает, что качество жизни, во-первых, многогранное понятие, которое включает физические, психические, социальные аспекты жизни человека; во-вторых, это результирующий показатель, который зависит от степени тяжести заболевания, от воздействия лечебных мероприятий. В-третьих, показатель качества жизни является количественным и оценивает ухудшение или улучшение состояния больных при помощи определенных процедур; в-четвертых, особую важность представляет тот момент, что качество жизни отражает субъективную оценку больным своего состояния в результате воздействия болезни или лечения¹⁸.

Как оказалось, качество жизни, связанное со здоровьем, более конкретно можно выразить в количественных показателях. С этой целью оценивают физическое, психическое и социальное функционирование пациента, для чего созданы

многочисленные опросники. С их помощью исследуют общее состояние здоровья, «профиль влияния болезни»; измеряют тяжесть течения, симптоматику, функциональную недостаточность при том или другом заболевании.

Анализ существующих методик оценки качества жизни показывает, что большинство из них охватывает пять основных аспектов этого понятия:

1) физическое состояние (физические ограничения, физические способности, физическое благополучие);

2) психическое состояние (уровень тревоги и депрессии, психологическое благополучие, контроль эмоций и поведения, познавательные функции);

3) социальное функционирование (межличностные контакты, социальные связи);

4) ролевое функционирование (на работе, дома);

5) общее субъективное восприятие состояния своего здоровья (оценка настоящего состояния и его перспективы)¹⁹.

Для объективизации показателя качества жизни наиболее удачным оказался тестологический подход, который был заимствован из психологии и получил дальнейшее развитие и широкое распространение. Имея некий количественный показатель качества жизни (общий или его составляющих), полученный при тестировании (заполнении опросника), можно судить о качестве жизни больного в целом или о его динамике²⁰.

Наиболее важна оценка медицинских аспектов качества жизни у пациентов с хроническими заболеваниями. Во-первых, само заболевание не может не отразиться на всех сторонах жизнедеятельности больного, во-вторых, длительное, порой постоянное медикаментозное лечение так или иначе оказывает влияние на качество жизни пациента. Так, Н. Венгер и соавт. отмечают, что цель терапии для большинства пациентов с хроническими заболеваниями состоит не в лечении как таковом, а в улучшении их функционирования в результате уменьшения выраженности симптомов или ограничения прогрессирования болезни. Становится все более очевидным, что оценка эффективности лечебно-профилактических мероприятий у пациентов с хроническими заболеваниями должна включать следующие характеристики: активность в повседневной жизни, работоспособность, способность выполнять социальные роли, интеллектуальную способность, эмоциональную удовлетворенность, удовлетворенность жизнью, то есть качество жизни пациента²¹.

Значение определения качества жизни, релевантного здоровью, связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, прямая связь качества жизни с выраженностью болезни существует далеко не всегда, так как оно во многом определяется субъективным представлением больного о тяжести своего заболевания, а также о возможных ее

последствиях. При этом имеют значение необходимость снижения трудовой активности, угроза инвалидности, изменение жизненных привычек. Во-вторых, нередко оценка эффективности лечения врачом и его пациентом может не совпадать²².

Очевидно изменение содержания клинической медицины в связи с введением в нее понятия «качество жизни». И прежде всего это связано с возрастанием значения субъективного фактора, отношения самого пациента к болезни. С ориентацией медицины на качество жизни пациента происходит гуманизация клинической практики. В контекст истории болезни включается в большей мере индивидуальность пациента, жалобы больного перестают играть вспомогательную роль, но учитываются как важнейший самостоятельный элемент. Неслучайно возрастающее число исследований по качеству жизни совпадает с трансформацией медицинской этики, в которой на первый план выдвигаются принцип уважения личности пациента, предоставление ему необходимой информации, возможность осуществления контроля за ходом исследования и (или) лечения, «терапевтическое сотрудничество» – участие больного в процессе оказания ему медицинской помощи.

По мнению А. А. Новика и соавт., следует выделить три основных признака, характерных для концепции качества жизни²³.

Многомерность. Качество жизни содержит информацию об основных сферах жизнедеятельности человека – физической, психологической, социальной, духовной и финансовой – и позволяет определить влияние болезни и лечения на состояние больного.

Изменяемость во времени. Качество жизни не является постоянным и меняется в зависимости от состояния больного. Данные о качестве жизни позволяют осуществлять мониторинг состояния пациента.

Участие больного в оценке его состояния. Эта характеристика качества жизни является особенно важной. Оценка качества жизни, сделанная самим пациентом, является достоверным показателем его состояния. Данные о качестве жизни, наряду с традиционным медицинским заключением, позволяют составить полную и объективную картину болезни.

Болезни системы кровообращения (БСК) были одной из первых групп заболеваний, которые подверглись исследованиям качества жизни. В современных исследованиях используют стандартные опросники, характеризующиеся высокой степенью валидности, надежности и воспроизводимости результатов.

На уровень качества жизни влияют многие факторы. Его нарушение может быть следствием самой болезни, ее диагноза, лечения и профилактики, наблюдения и контроля проводимого лечения. Влияние болезни очевидно при клинически выраженных проявлениях, вызывающих субъек-

тивное и объективное нарушение состояния здоровья, снижение функциональных возможностей и физиологических функций. Лечение больных с БСК, как и многими другими хроническими заболеваниями, проходит длительно, нередко в течение всей жизни субъекта. Поэтому эффективность его предполагается оценивать не только по динамике клинических, лабораторных и инструментальных показателей, но и по влиянию на качество жизни больного²⁴. При лечении больных с БСК ставятся задачи увеличения продолжительности жизни и ее качества²⁵.

Исследование качества жизни, релевантного здоровью, больных (БСК) проводится в Центре медико-социологических исследований с 2008 г.

В исследование было включено 240 респондентов мужского и женского пола трудоспособного возраста, страдающих БСК, в том числе 100 человек с установленной вследствие БСК группой инвалидности. Контрольную группу составили клинически здоровые лица. Выборочная совокупность – 340 респондентов. Исследование качества жизни проводилось нами с использованием международного опросника WHOQOL-100 (ВОЗ КЖ-100). Опросник ВОЗ КЖ-100 является субъективной мерой благополучия респондентов и их удовлетворенности условиями своей жизни. Он имеет модульную структуру, где ядерный модуль измеряет те аспекты качества жизни, которые являются общими для всех людей, а специфические модули применяются для оценки качества жизни тех, кто имеет определенные болезни или живет в особых обстоятельствах.

Качество жизни рассматривается авторами опросника как многомерная, сложная структура, включающая восприятие индивидом своего физического и психологического состояния, уровня независимости, своих взаимоотношений с другими людьми и личных убеждений, а также отношения к значимым характеристикам окружающей его среды.

С помощью опросника осуществляется оценка шести крупных сфер качества жизни: физических функций, психологических функций, уровня независимости, социальных отношений, окружающей среды и духовной сферы, а также измеряется восприятие респондентом своего качества жизни и здоровья в целом (таблица). Внутри каждой из сфер выделяется несколько составляющих ее субсфер. В рамках физического функционирования жизнь индивида может ухудшаться из-за проблем, вызываемых физической болью либо физическим дискомфортом, усталостью и недостатком энергии и сил, а также невозможностью в достаточной мере отдохнуть. Трудности в психологической сфере, отрицательно влияющие на жизненное благополучие, могут возникать из-за недостатка положительных или избытка отрицательных эмоций, проблем с мышлением, памятью или вниманием, из-за снижения самооценки или беспокойства об ухудшении внешности, вызванном болезнями или

их лечением. Уровень независимости (обеспечивать и обслуживать себя) определяется в первую очередь сохранением у индивида способности двигаться, самостоятельно справляться со своими повседневными делами и работой. Социальное функционирование включает в себя близкие личные взаимоотношения индивида, возможность оказывать поддержку другим людям и получать поддержку от них, а также возможность удовлетворения сексуальных потребностей²⁶.

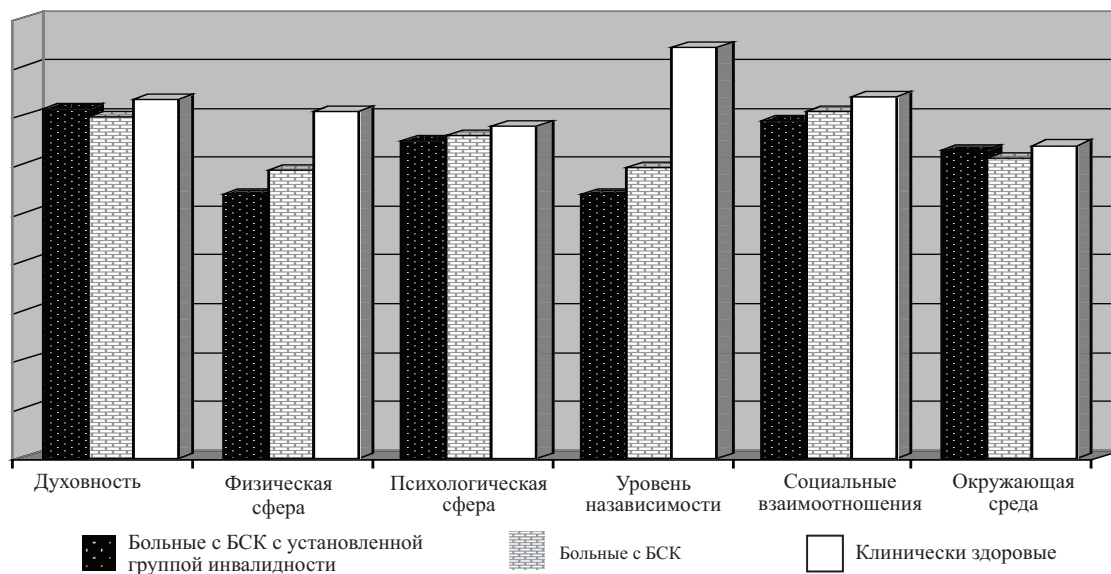
Критерии и составляющие оценки качества жизни²⁷

Критерии	Составляющие
Физические	Сила, энергия, усталость, боль, дискомфорт, сон, отдых
Психологические	Положительные эмоции, мышление, изучение, запоминание, концентрация внимания, самооценка, внешний вид, негативные переживания
Уровень независимости	Повседневная активность, работоспособность, зависимость от лекарств и лечения
Общественная жизнь	Личные взаимоотношения, общественная ценность, сексуальная активность
Окружающая среда	Благополучие, безопасность, быт, обеспеченность, доступность и качество медицинского и социального обеспечения, доступность информации, возможность обучения и повышения квалификации, досуг, экология (шум, климат и др.)
Духовность	Личные убеждения, религия

При исследовании качества жизни больных, страдающих БСК, проблемы респондентов выявлены нами в физической, психологической и социальной сферах. В «психологической» сфере, в сферах «социальных взаимоотношений», «окружающей среды» и «духовной» различия в показателях качества жизни больных с БСК и клинически здоровых лиц минимальны. В группе больных с БСК выявлено значительное снижение качества жизни в «физической» сфере и сфере «уровень независимости», в большей степени – у больных с установленной группой инвалидности (рисунок).

Результаты нашего исследования находят подтверждение в работе А. Г. Гладкова и соавт.²⁸, которые сравнивали данные о качестве жизни двух сопоставимых по возрасту групп больных с восстановленной трудоспособностью. Суммарный показатель качества жизни у инвалидов был ниже, чем у больных, не имевших инвалидности.

При исследовании качества жизни в «психологической» сфере нами выявлено снижение показателя качества жизни в субсфере «мышление, обучаемость, память и концентрация» у респондентов, страдающих БСК, в большей степени – у больных с установленной группой инвалидности.

Качество жизни больных с БСК по основным шкалам опросника ВОЗ КЖ-100

Одной из причин нарушения социализации и инвалидизации больных с БСК является связанное с основным заболеванием нарушение когнитивных функций. Усвоение субъектом социальных установок, включающих социально сложившееся отражение «реального мира», связано с состоянием когнитивных функций, в частности с мышлением в качестве процесса, связывающего субъекта и общество в ходе взаимодействия (П. Бурдьё). В ходе проведённого исследования²⁹ установлено, что инвалиды, вследствие ишемической болезни сердца, одновременно страдают цереброваскулярной патологией (в 94% случаев – дисциркуляторной энцефалопатией), которая не только утяжеляет клинический прогноз, но может явиться причиной развития социальных ограничений. Имеющиеся у инвалидов, страдающих цереброваскулярной патологией, когнитивные расстройства (нарушение памяти, внимания, восприятия, мышления разной степени выраженности) обуславливают ограничение способности к обучению, общению, трудовой деятельности, определяют социальное поведение индивида.

В заключение следует отметить, что показатель качества жизни, определённый на основании опросника ВОЗ КЖ-100, объективизирует внутреннюю картину болезни и является многофакторным критерием оценки состояния больных при БСК. Метод оценки качества жизни, связанного со здоровьем, можно рассматривать как показатель эффективности реабилитационных программ. Возможность выздоровления больного и эффективная социализация в значительной степени определяются качеством жизни пациента на этапах реабилитации. Медико-социальная реабилитация больных, страдающих БСК, предполагает коррекцию нарушения показателей качества жизни, на величину которых оказывают влияние соматические ограничения и нарушение социализации индивида.

Установленная в ходе математического исследования зависимость показателей качества жизни от влияния болезни и эффективности социализации субъекта позволяет объективизировать разработку подходов к медико-социальной реабилитации больных, страдающих БСК.

Примечания

- 1 См.: Выступление Президента РФ на встрече с членами Правительства, руководством Федерального собрания и членами президиума Госсовета 05.09.05. [Официальный сайт Президента РФ]. URL: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2005/09/93296.shtml> (дата обращения: 24.04.2011).
- 2 См.: Российская газета. Федер. вып. № 5038 (214). 2009. 13 нояб.
- 3 См.: Задесенец Е. Е., Зариковский Г. М., Пенова И. В. Методология измерения и оценки качества жизни населения России // Мир измерений. URL: 2010 <http://ria-stk.ru/mi/adetail.phpID=37667> (дата обращения: 10.06.2011).
- 4 См.: Родина Д. Ю., Алдаркина Ю. А. Проект «Государственное регулирование качества жизни населения. [Сайт Полномочного представителя Президента РФ в ПФО]. URL: <http://www.pfo.ru/?id=20153> (дата обращения: 12.07.2011).
- 5 См.: Новости гуманитарных технологий. Гуманитарное развитие в России и за рубежом. Экспертно-аналитический портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info> (дата обращения: 10.06.2011).
- 6 См.: Bunge M. What is a quality of life indicator? // Social indicators research. Dordrecht, 1975. Vol. 2. № 1. P. 65.
- 7 См.: Политика расходов и качество жизни населения / под ред. Н. А. Горелова. СПб., 2003. С. 101.
- 8 См.: Косов В. В. Динамика качества жизни в субъектах Российской Федерации и направленность социальной политики // Мир России. 2001. № 2. С. 50.

- ⁹ Мстиславский П. С. Вопросы теории и методологии анализа качества жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2002. № 2. С. 5–17.
- ¹⁰ Там же. С. 9–12.
- ¹¹ См.: Фиглин Л. А. Социальное управление и развитие на основе качества: дис. ... д-ра социол. Саратов, 2003. С. 266.
- ¹² Там же. С. 267.
- ¹³ См.: Elkinton J. Medicine and the quality of life // Annals Int. Med. 1996. № 64. P. 711–714.
- ¹⁴ См.: Изучение качества жизни больных с хронической сердечной недостаточностью: современное состояние проблемы / С. Р. Гиляревский, В. А. Орлов, Н. Г. Бенделиани и др. // Российский кардиологический журнал. 2001. № 3. С. 58–72.
- ¹⁵ Study protocol for the World Health Organization project to develop a Quality of Life Assessment instrument // Quality of Life Research. 1993. № 2. P. 153–158.
- ¹⁶ См.: Кон Я. И., Лубис П. А. Качество жизни у больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями // Кардиология. 1993. № 5. С. 66–72.
- ¹⁷ См.: Edlund M. Quality of life: an ideological critique / M. Edlund, L. Tancredi // Perspectives in Biology and Medicine. 1985. № 85. P. 591–607.
- ¹⁸ См.: Cella D. F. Quality of life: concepts and definition // J. Pain and Symptom Manag. 1994. № 9 (3). P. 186–192.
- ¹⁹ См.: Хетагурова А. К. Вопросы качества жизни в современной паллиативной медицине // Вопросы управления здравоохранением. 2003. № 6 (13). С. 50.
- ²⁰ См.: Андреева Г. Ф. Изучение качества жизни у больных гипертонической болезнью // Терапевт. архив. 2002. № 1. С. 8–16.
- ²¹ См.: Кон Я. И. Указ. соч.
- ²² См.: Померанцев В. П. Диагноз, лечение и качество жизни // Клиническая медицина. 1989. № 9. С. 3–8.
- ²³ См.: Новик А. А., Ионова Т. И., Кайнд И. Концепция исследования качества жизни в медицине. СПб., 1999. С. 8–12.
- ²⁴ См.: Померанцев В. П. Указ. соч.
- ²⁵ См.: Новик А. А., Ионова Т. И., Кайнд И. Указ. соч.
- ²⁶ См.: Диагностика здоровья: психологический практикум / под ред. Г. С. Никифорова. СПб., 2007. С. 454–484.
- ²⁷ См.: Сравнительные исследования качества жизни больных саркоидозом с использованием опросника ВОЗ «КЖ-100» и интернет-технологий // Казанский медицинский журнал. 2004. № 1. С. 11–19.
- ²⁸ См.: Оценка качества жизни больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями / А. Г. Гладков, В. П. Зайцев, Д. М. Аронов и др. // Кардиология. 1982. № 2. С. 100–103.
- ²⁹ См.: Кром И. Л. Медико-социологическая концептуализация феномена инвалидности при болезнях системы кровообращения: дис. ... д-ра мед. наук. Саратов, 2007.

УДК 316.334.52 + 316.334.2 (470.44)

МОНОГОРОДА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПОСТКРИЗИСНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В. В. Гусев

Поволжский институт им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)
E-mail: vladgus2006@yandex.ru

В статье рассматриваются основные проблемы функционирования поселений особого типа – моногородов, оказавшихся в результате мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. в весьма сложном экономическом положении. На примере конкретных моногородов Саратовской области исследуются перспективы диверсификации их деятельности и возможные точки роста в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: моногород, цемент, экология, электроэнергетика, социальная нестабильность.

Company Towns in Saratov Region: Post-Crisis Development Prospects

V. V. Gusev

The article examines the main problems in the functioning of a special type of settlements – one-company towns, found themselves in the global financial crisis of 2008–2009 in a difficult economic situation. Examples of specific single-industry towns of Saratov region studied the prospects of diversification of their activities and possible points of growth in the short term.

Key words: one-company town, cement, ecology, energy, social instability.

В стране, созданной по модели мобилизационной экономики, имелись определенные особенности ее развития и функционирования. Огромные территориальные просторы, суровый климат, низкая плотность населения – все эти факторы заставляли сначала царскую, а затем и советскую власть искать какие-то альтернативы эволюционному развитию территорий. Одним из таких способов было умышленное строительство в отдаленных и труднодоступных местах так называемых моногородов – населенных пунктов, в которых жители сильно зависели от какого-либо одного или нескольких предприятий, которые, в свою очередь, были привязаны к ресурсам, инфраструктурным объектам самой территории. В настоящее время в моногородах проживают 24,5 млн человек, или 17,2% населения страны, в них функционирует более 900 промышленных предприятий, которые производят около 30% всего объема промышленной продукции в Российской Федерации¹. Моногорода, созданные в условиях плановой экономики, оказались серьез-

нейшей проблемой для экономики современной, рыночной. Подобная часть планового наследия в настоящее время может оказаться для России тяжелой и дорогостоящей.

Моногород представляет собой сложную структуру, в которой город и предприятие неразрывны. Причем последнее несет на себе не только экономическую, но и социальную нагрузку, в преобладающей мере обеспечивая условия жизнедеятельности в населенном пункте. В моногородах, оказавшихся в сложной ситуации из-за кризиса на градообразующем предприятии, складывается тяжелая финансовая ситуация, проявляющаяся в недостаточном финансировании основных социальных статей. Городской бюджет дефицитен, недостаточно вкладывают средств в поддержку инфраструктуры городов. Кроме того, многие моногорода являются крайне неблагоприятными в экологическом отношении, в них традиционно высоки показатели индекса загрязнения атмосферы (ИЗА) и почвы, питьевая вода часто является непригодной для употребления. Вопросы экологии находятся в настоящий момент в центре внимания Президента Российской Федерации Д. А. Медведева: в своем Послании от 30 ноября 2010 г. он призвал государственные и общественные организации оценить реальное экологическое состояние всех загрязненных территорий, разработать новые нормативы качества окружающей среды, более ориентированные на человека, повысить роль экологического воспитания и образования².

В процессе участия в межвузовском сетевом проекте «Российские моногорода: конструирование социально-экономических перспектив» (заказчик – Саратовский МИОН при СГУ

им. Н. Г. Чернышевского) в 2010 г. было проведено исследование ситуации в Саратовской области на базе двух моногородов: Вольска и Балаково.

По данным сайта «Общественное мнение – Саратов», в Саратовской области в федеральный список моногородов включен единственный город Вольск, в котором расположены крупнейший в европейской части РФ цементный завод (ОАО «Вольскцемент») и один завод поменьше (ЗАО «Волгацемент»), на которые в той или иной степени ориентировано все население города³. Вольск с 1780 г. является административным центром Вольского района Саратовской области (материал из Википедии). Население составляет 78,6 тыс. человек. Город расположен на правом берегу Волги в 147 км к северо-востоку от Саратова.

Так как производство цемента является для города основополагающим, то целесообразно рассмотреть показатели развития цементной отрасли в Вольске (табл. 1). Производство цемента и сопутствующих железобетонных изделий на предприятиях города до кризиса неуклонно росло, что было вызвано увеличением объемов строительных работ в Саратовской области в результате реализации Приоритетного национального проекта «Доступное жилье». Кризис 2008–2009 гг. больно ударил по деятельности цементных предприятий, например, прибыль ОАО «Вольскцемент» снизилась в 2009 г. в 46 раз по сравнению с 2008 г., объем производства упал почти на 30%. В настоящее время новые инвестиционные проекты по обновлению производства только лишь реализуются, действующее с советских времен производство устарело не только морально, но и физически.

Таблица 1

Показатели развития цементной отрасли в г. Вольске

Показатели	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2009 г. в % к 2005 г.
Производство цемента на предприятиях, тыс. т	2267	2608	2675	2410	1697	74,8
Производство изделий из бетона и цемента, тыс. куб. м	400	424	485	576	383	95,7
Использование производственной мощности, %	84,4	80,0	82,0	72,0	52,0	61,6

Заслуживает внимания низкий размер пенсий в городе Вольске, который составляет 42% от средней заработной платы в промышленности. В интервью по проекту работающий пенсионер, главный технолог ЗАО «Волгацемент» С. А. Подройкин сказал: «Если бы пенсия была достойная, я бы не работал. Предполагим, получает пенсионер пенсию 7 тыс. рублей (а это не самая маленькая пенсия). Заплатил за услуги ЖКХ, и того, что у него осталось, едва хватает на еду. Хорошо, если пенсионеры вдвоем – муж и жена, а когда остается один, то он влачит жалкое существование. Нет смысла говорить о достойной старости».

Актуальной для города является проблема ветхого и аварийного жилья. Вот что сказала

по этому поводу первый заместитель главы муниципального образования Г. П. Зинова: «При отсутствии генерального плана у нас все превратилось в хаотичное строительство, у нас остались незастроенные массивы около детской поликлиники, но земли уже отданы кому в аренду, кому в собственность, под жилищное строительство. Когда выделяли земли, не думали о том, что надо прокладывать новые газопроводы, новые водопроводы. Из-за этого у нас сейчас все останавливается, в центре города невозможно многоэтажное строительство, жилье ветхое, его нужно менять. До революции 1917 года у нас 200 домов построено, и люди до сих пор в них живут. То есть жилой фонд у нас на 45% старше

60 лет, возраст домов от 60 до 200 лет, жилье надо менять, по любым стандартам оно уже будет непригодным для проживания».

Таким образом, основными проблемами города Вольска являются (в порядке убывания по значимости): 1) экологическая ситуация, 2) старение населения (по сути, Вольск превращается в «территорию доживания»), 3) репродуктивная ресурсная база (в будущем город может развиваться прежде всего на базе сырьевых источников для производства цемента, которых хватит на ближайшие 100 лет).

При осуществлении сетевого проекта на территории Саратовской области было проведено исследование в Балаково, который обладает многими признаками моногорода. Город Балаково в феврале 2010 г. стал известен на всю страну благодаря массовым акциям протеста населения против проводимой экономической политики. События в городе носили настолько резонансный характер, что сравнивались с протестными выступлениями в Калининграде и балаковская ситуация обсуждалась в начале марта 2010 г. на встрече Президента РФ Дмитрия Медведева с вице-премьером Дмитрием Козаком. Весной 2010 г. Правительством РФ одобрены программы развития и модернизации трех моногородов, было подписано соответствующее постановление правительства. Речь шла о Тольятти, Нижнем Тагиле и Соколе Вологодской области. На очереди еще четыре монопрофильных населенных пункта – Набережные Челны, Камские Поляны, Байкальск

и Гуково³, то есть ни Вольск, ни Балаково Саратовской области в число моногородов, в которых были приняты первоочередные антикризисные меры, не вошли.

Балаково – город с 1911 г., административный центр Балаковского муниципального района (материал из Википедии – Свободной энциклопедии) с населением 198,0 тыс. человек (данные 2008 г.). Город расположен на левом берегу Волги в 161 км к северо-востоку от Саратова. В период с 1956 по 1971 г. в Балаково строилась Саратовская ГЭС, что привело к разливу Волги, затоплению части прибрежной территории из-за появления Саратовского водохранилища. В сжатые сроки, за двадцать лет, был создан балаковский индустриальный комплекс, насчитывающий более полутора десятков предприятий химии, машиностроения, энергетики, строительной индустрии, пищевой промышленности. В 1985 г. ввели в эксплуатацию Балаковскую атомную электростанцию, крупнейшую в России и имеющую к настоящему времени 4 действующих энергоблока мощностью 1 ГВт каждый.

Город Балаково по праву является энергетической столицей не только Саратовской области, но и Приволжского федерального округа, и России в целом. Здесь расположены сразу три крупные электростанции – атомная станция, гидроэлектростанция и тепловая станция, от которой отапливается большая часть города. Основные показатели развития энергетической отрасли Балаково представлены в таблице 2.

Таблица 2

Показатели развития предприятий электроэнергетики в г. Балаково

Показатели	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2009 г. в % к 2005 г.
Производство электроэнергии, млрд кВт/ч	35,8	37,0	37,2	38,3	42,3	118,1
Структура, %	100	100	100	100	100	–
В том числе: АЭС, млрд кВт/ч	28,8	30,4	30,0	31,1	35,1	121,8
Структура, %	80,5	82,1	80,6	81,2	82,9	102,9
Тепловой станцией, млрд кВт/ч	1,1	1,1	1,0	1,1	1,4	127,3
Структура, %	3,0	3,0	2,7	2,9	3,3	110,0
Гидроэлектростанцией, млрд кВт/ч	5,9	5,5	6,2	6,1	5,8	98,3
Структура, %	16,5	14,9	16,7	15,9	13,7	83,0

Из таблицы видно, что, несмотря на кризисные явления в экономике, производство электроэнергии в г. Балаково выросло за анализируемый период на 18,1%, прежде всего за счет увеличения объемов производства энергии на АЭС и особенно на тепловой станции. Следует отметить, что выработка электроэнергии и цены на нее увеличиваются постоянно, несмотря на кризисные явления в экономике. Например, плановое задание ноября 2010 г. Балаковская АЭС выполнила на 102,9%, на станции было выработано 3 млрд кВт/час электроэнергии, коэффициент использо-

вания установленной мощности (КИУМ) составил 105%. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что энергетики в любой ситуации, независимо от кризиса, чувствуют себя стабильно⁴.

Несмотря на энергоизбыточность, в Балаково, да и в целом в Саратовской области, сохраняются одни из самых высоких тарифов на электроэнергию (особенно для промышленных предприятий – до 5–6 руб. за 1 кВт/ч) и на услуги ЖКХ. Ситуация дошла до того, что в настоящее время премьер-министр России В. В. Путин выразил обеспокоенность ростом тарифов на электроэнергию в

Саратовской области, о чем он сказал на заседании президиума Правительства РФ 17 февраля 2011 г.: «Я хочу напомнить: мы определили, что рост цены на электроэнергию для конечных потребителей не должен превышать 15%. Однако по информации, которая поступает из регионов, рост гораздо более высокий: например, по Тверской области – 32,9%, по Курской области – 33,2%, по Саратовской области – 32%, по Омской области – 30%, по Астраханской области – 46,5%, по Пензенской области – 37%»⁵. Таким образом, безудержный рост тарифов на электроэнергию приводит к удорожанию жизни населения и промышленному спаду в области в целом.

Безусловной проблемой для города является экологическое загрязнение территории. Он традиционно является одним из самых «грязных» городов Поволжья. Вот что в рамках вышеупомянутого проекта сказала А. М. Виноградова, председатель Балаковского городского отделения Всероссийского общества охраны природы, по поводу экологической ситуации в Балаково: «Ситуация сложная. Индекс загрязнения атмосферы высокий, несмотря на заявления власти. Сейчас выбросы, вместе с выхлопными газами, составляют 29–30 тысяч тонн (данные 2009 года). В 1980-е эта цифра была около 100 тыс. тонн. Однако есть такой показатель – индекс загрязнения атмосферы (ИЗА), на 2009 год он составляет 10,2. Выше пяти – уже считается высокий уровень. В районе очень плохая вода, пьют в основном из открытых источников, как могут очищают ее. У нас 14 потенциально опасных объектов, почва содержит всю таблицу Менделеева: цинк, медь, свинец, мышьяк, кадмий, фтор в количествах, значительно превышающих ПДК. Эти вещества обуславливают высокую заболеваемость населения».

Таким образом, основными проблемами города Балаково являются (в порядке убывания по значимости): 1) экологическая ситуация, 2) высокие издержки проживания, что диктуется монополистами в энергетике, 3) нестабильная политическая ситуация и высокая социальная активность населения.

Проведенные в моногородах России социологические исследования показывают крайне высокий уровень психолого-политической нестабильности. Федеральный центр определенно боится социальной нестабильности в моногородах, где экономические условия в кризис могут очень быстро ухудшиться, поэтому данной проблеме и было уделено в 2008–2009 гг. столь большое внимание⁶.

Отсутствие работы в моногороде на фоне психолого-политической нестабильности провоцирует население на любые общественные выступления. Показателен случай, произошедший в Республике Алтай. 10 июля 2009 г. внимание власти попытались привлечь работники дорожного предприятия «Магистраль», расположенного в Горно-Алтайске. Воодушевленные примером жителей Пикалево, рабочие, протестовавшие

против сокращения кадров и невыплаты зарплаты, перекрыли федеральную трассу М-52, но были разогнаны сотрудниками ОМОНа. В отношении организаторов пикета и нескольких его участников были составлены административные протоколы по статье 20.2 Кодекса об административных правонарушениях РФ «Нарушение установленного порядка пикетирования», в качестве санкций здесь предусматривается штраф до 20 минимальных размеров оплаты труда или административный арест на срок до 15 суток⁷.

Также в качестве примера можно упомянуть поселок Светлогорье Приморского края, в котором расположен крупнейший вольфрамный комбинат – ООО «Русский вольфрам», вокруг которого и строилось поселение. Жители поселка – работники комбината, не получавшие зарплату семь месяцев, оказались доведены до такой степени, что были вынуждены в 2009–2010 гг. заниматься народными промыслами – охотой, сбором грибов и ягод, – чтобы выжить. Профсоюз предприятия обратился с письмом к премьер-министру Правительства РФ В. В. Путина с просьбой помочь в разрешении ситуации: работники просили не отключать в их квартирах свет и тепло, обеспечить их детей двухразовым питанием в местной школе, поскольку у родителей нет денег для того, чтобы кормить детей⁸.

Как отправную точку в процессе поиска решения проблем конкретных моногородов можно рассматривать три сценария действий:

1) потребности в продукции градообразующего предприятия (предприятий) данного моногорода в настоящее время нет, но есть достаточные основания полагать, что она может возникнуть. В этом случае помощь федерального правительства должна быть направлена на консервацию данного моногорода;

2) потребности в продукции данного моногорода в настоящее время нет и нет достаточных оснований полагать, что она может возникнуть. Однако сам населенный пункт расположен в регионе, позволяющем обеспечить нормальные условия для жизнедеятельности людей без чрезмерно высоких затрат. В этом случае помощь федерального правительства должна быть направлена на содействие диверсификации экономики данного моногорода. По нашему мнению, города Вольск и Балаково входят в эту группу, так как Саратовская область является относительно благополучным регионом по природно-климатическим условиям и географическому положению;

3) потребности в продукции данного моногорода в настоящее время нет и нет достаточных оснований полагать, что она может возникнуть. При этом населенный пункт расположен в регионе, позволяющем обеспечить нормальные условия для жизнедеятельности людей только за счет чрезмерно высоких затрат. В этом случае помощь федерального правительства должна быть направлена на содействие переселению граждан.

В результате устранения основных причин негативных явлений в моногородах и реализации мер по диверсификации экономики должны быть выявлены различные пути развития подобных поселений и определены их перспективы в ближайшей и среднесрочной перспективе.

Примечания

- ¹ См.: Тургель И. Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. Екатеринбург, 2010. С. 31.
- ² См.: Послание Президента Федеральному собранию 30 ноября 2010 года. URL: <http://news.kremlin.ru/media/> (дата обращения: 03.12.2010).

- ³ См.: Вольск не попал на денежный транш. URL: www.om-saratov.ru (дата обращения: 21.02.2011).
- ⁴ Балаково. Ру [информ. сайт] (дата обращения: 22.02.2011).
- ⁵ Путин обеспокоился повышением цен на электроэнергию в Саратовской области. [информ. сайт] Saratovnews (дата обращения: 18.02.2011).
- ⁶ См.: Депрессивные города исчезнут с карты России. URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-311126.html (дата обращения: 11.04.2011).
- ⁷ См.: Радикальный метод ОМОН. URL: <http://Lenta.ru> Бизнес (дата обращения: 07.06.2011).
- ⁸ См.: Жители Приморья последовали примеру рабочих Пикалево. URL: <http://Lenta.ru> Бизнес (дата обращения: 07.06.2011).

УДК 316.346.32-53.9

СТИЛЬ ЖИЗНИ ПЕНСИОНЕРОВ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА (на основе конкретно-социологических исследований в г. Казани)

О. В. Николаева

Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, г. Казань
E-mail: olgakuzmi@yandex.ru

В статье рассматривается стиль жизни пенсионеров как одна из актуальных проблем в современном обществе, поскольку от него зависит их социальное самочувствие и качество жизни и они являются одной из наиболее многочисленных групп населения. Представлены результаты авторского социологического исследования, посвященного изучению образа и стиля жизни пенсионеров, на основе которых стиль жизни пенсионеров рассматривается как социологическая проблема.

Ключевые слова: стиль жизни пенсионеров, образ жизни пенсионеров, качество жизни, социальная политика, пенсионное обеспечение, пенсионеры как социально-демографическая группа.

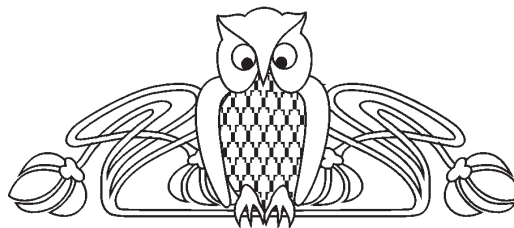
Style of Pensioner's Life as the Sociological Problem (on the Basis of Sociological Researches in Kazan)

O. V. Nikolaeva

In article style of pensioner's life, as one of actual problems in a modern society is considered, because of their social state of health and quality of life depends on it, and they are one of the most numerous groups of the population. Results of the author's sociological research devoted to studying of an image and style of pensioner's life are presented. On the basis of the received results style as a sociological problem is considered.

Key words: style of pensioner's life, way of life of pensioners, quality of life, social policy, provision of pensions, pensioners as social demographic group.

Переход России к рыночной экономике кардинально изменил общество, его экономическое

положение и образ и стиль жизни всех социально-демографических групп, особенно пенсионеров. Современные преобразования в системе власти, политической и экономической сферах неизбежно ведут к существенным переменам в общественном сознании и ценностных ориентациях населения, значительную часть которого составляют пожилые люди.

Проблемная ситуация образа и стиля жизни пенсионеров состоит в переплетении нескольких тенденций. Прекращение или ограничение трудовой и общественной деятельности влечет изменение ролевых функций, места в социальной структуре, социальных институтах, отношений и связей с другими группами. Распад социальных связей приводит к утрате значительной части социально-культурного потенциала для общества, при этом одной из важнейших его характеристик является то, как живут люди этого общества: как они питаются, одеваются, чем занимаются. В любом обществе существуют определенные, характерные для его членов взаимосвязанные способы поведения. Именно концепция стиля жизни объясняет, как и почему происходит формирование таких достаточно устойчивых структур поведения. С теоретической точки зрения дифференциация стиля жизни проявляется на уровне различных групп общества, в частности пенсионеров.

Одним из первых в социологии термин «стиль жизни» использует М. Вебер при разработке теории стратификации общества, основанной на трех показателях: собственности, власти и престиже¹. Согласно его концепции, статусные группы стратифицированы именно по своим принципам потребления благ, выраженных в образе жизни, в отличие от классов, стратифицированных по уровню экономического положения. При этом стиль жизни отражает, по его мнению, особенности субкультуры статусных групп, проявляющиеся в наборе черт, принципов, навыков поведения, на основании которых воздаются почести на уровне общества в целом, а также происходит дистанцирование статусных групп. Стиль жизни, реализующийся в социальных практиках, выступает, таким образом, в роли инструмента, приписывающего индивиду социальный статус, обозначающий его причастность к группе.

Т. Веблен обращается к стилю жизни при изучении демонстративных практик потребления, которые описывают механизм борьбы за социальные позиции, открывающие доступ к разного рода ресурсам и почестям². Демонстративное потребление, ассоциируемое с определенным жизненным стилем, символизирующим социальные достижения, жизненный успех, позволяет индивиду воспроизводить свою принадлежность к избранному сословию, классу. Таким образом, Т. Веблен рассматривает стиль жизни в контексте потребительского поведения. Г. Зиммель изучает стиль жизни в контексте изучения идентификационных процессов в условиях прогрессирующей стилевой дифференциации культуры³. Таким образом, поиск личностью собственной идентичности путем достижения баланса между общественными и внутренними импульсами и представляет собой, по версии Зиммеля, стиль жизни.

П. Бурдьё определяет стиль жизни через два других понятия – «социальное пространство» и «габитус»⁴. Согласно его концепции «стиль жизни» – это структурированная система позиций социального пространства, занимаемых индивидом, принадлежащим к определенной группе (классу), а также его представление об этих объективно занимаемых позициях. Сами же позиции определяются свойствами индивидам практиками, то есть видами деятельности и используемыми вещами. Особое место в этой системе принадлежит вкусу – системе схем восприятия и оценивания своих и чужих практик. В этом теоретическом подходе класс, или социальная группа, понимается как совокупность агентов, занимающих сходную позицию, и позволяет объяснить и предвидеть практики и свойства агентов и поведение, ведущее к объединению в группу. Таким образом, стиль жизни – это система практик, то есть повторяющееся в повседневном поведении и определяющее положение человека в социальном пространстве. В стиль жизни включаются практики в самых разнообразных полях:

это потребление и досуг, труд и доходы, здоровье, участие в политике и религии и пр. Выделить или обнаружить определенный стиль жизни – это значит дифференцировать людей на группы, которые различаются набором свойственных им практик в каждом поле. Согласно концепции П. Бурдьё различия в стиле жизни обусловлены объемами и соотношением экономического и культурного капиталов агентов.

Концепция стиля жизни Г.-П. Мюллера напрямую связана с изучением социальной стратификации общества⁵. Ученый предлагает дополнить и конкретизировать социально-структурный анализ социального неравенства анализом жизненных стилей, что, по его мнению, может позволить увязать макро- и микроуровни социальной жизни, сочетать структурные и процессуальные аспекты. В данном случае стиль жизни определяется как структурированные в пространстве и времени образцы жизнедеятельности, зависящие от материальных и культурных ресурсов и проявляющиеся в способах устройства дома, потреблении и т. п.

Динамика стиля жизни в последнее время имеет тенденции рассматриваться в контексте скорее культурных, чем социальных трансформаций.

Рассматривая стиль жизни российских пенсионеров, мы видим, что, несмотря на то что современные информационные технологии создают возможность для людей старшего возраста оставаться включенными в экономическое, социальное и политическое пространство, реальная повседневная жизнь большинства из них остается очень тяжелой. При этом важной особенностью современного российского социума пенсионеров является их неоднородный социально-демографический состав. Российские пенсионеры различаются по демографическим и социальным признакам. Как социально-демографическая группа пенсионеры имеют свои социально-психологические особенности: верность традициям, дисциплинированность, морально-нравственные качества, ценностные ориентации, социально-психологический настрой. Данная крупная социальная общность является важнейшим элементом социальной структуры российского общества, их поведение и социальные установки, обусловленные новым экономическим положением, оказывают влияние как на социально-экономические и политические процессы в обществе, так и на функционирование и развитие социальных институтов.

Значительное увеличение доли пожилых людей в составе населения остро ставит вопрос о стиле и образе жизни современных пенсионеров, какие факторы и в какой степени их определяют. Резкая дифференциация населения по уровню доходов, увеличение числа малообеспеченных граждан, к которым в первую очередь относятся пожилые люди, актуализируют проблему их социальной адаптации и защиты. Продолжающийся рост числа социально дезадаптированных граждан требует особого внимания к пожилым

и престарелым людям, ибо при резком падении жизненного уровня старики страдают больше всего. Материальные трудности, психологические, медицинские, социальные проблемы усугубляются крушением прежних идеалов, ценностей, пониженной адаптационной способностью, ощущением своей социальной невостребованности. Как результат – сокращение продолжительности жизни (особенно мужчин), рост смертности, озлобленности, агрессивности, снижение уровня положительного социального самочувствия.

У каждого этапа жизни человека есть свои достоинства и свои недостатки, свое время и свое пространство, свои цели, ценности, состояние, качественно отличающее один возраст от другого. Специфика жизни людей пожилого возраста в сегодняшней России определяется не только индивидуальной историей каждого конкретного человека, но и социальными условиями, которые в нашей стране за предыдущие 10–15 лет претерпели существенное изменение, что, очевидно, не могло не сказаться и на особенностях старения россиян.

Для более подробного изучения стиля жизни пенсионеров авторами в январе–марте 2010 г. был проведен социологический опрос. Выборочная совокупность исследования составила 1000 респондентов пенсионного возраста с учетом гендерного, этнического и возрастного распределения населения г. Казани.

В целом большинство опрошенных пенсионеров (44,2%) оценивает свою жизнь как удовлетворительную, 37,9% не удовлетворены положением пенсионеров в Республике Татарстан. Среди респондентов менее 10% оценивают положение пенсионеров на «хорошо» и «отлично» (7,7 и 1,6% соответственно).

Наиболее положительно свою жизнь оценивают пенсионеры из старших возрастных групп. При этом чем выше доход респондента, тем лучше оценивается общее положение пенсионеров (на «отлично» оценивают те, чей материальный доход превышает 20 тыс. руб. в месяц). Среди пенсионеров, посчитавших себя в той или иной степени счастливыми, на «отлично» и «хорошо» положение пожилых людей оценили 3,5 и 19,6% респондентов соответственно, в то время как среди несчастливых хорошим его считают 9,1% опрошенных. Неудовлетворительно оценивает жизнь 81,8% респондентов, считающих себя полностью не счастливыми. Оценили положение пенсионеров относительно удовлетворенности условиями жизни в настоящее время на «хорошо» 36,4%, «удовлетворительно» – 36,4% и на «неудовлетворительно» – 21,2% респондентов.

Согласно авторскому социологическому исследованию среди основных ценностей, формирующих стиль жизни пенсионеров, несомненно, преобладает «хорошее здоровье» – очень важным его посчитали 86,2% пенсионеров, а не важным лишь 0,2%. На втором месте в иерархии ценно-

стей находится наличие семьи, детей и внуков (очень важным этот фактор посчитали 80,2%, а не важным – 0,5% опрошенных пенсионеров). Следующая наиболее важная ценность в жизнедеятельности пенсионеров – материальное благосостояние и достаток, значимость которого отмечают 78,6%, а не считает таковым лишь 1% опрошенных. Остальные же ценности оцениваются по-разному. Так, например, «общение с людьми» очень важным считает 41,2%, скорее важным – 50%, а не важным вовсе – 6,6%; «независимость в жизни» очень важна лишь для 33,4% респондентов, «полезность людям» очень важна для 35,1% респондентов, уважение окружающих как одну из главных ценностей отмечают 43,8% опрошенных, а полезный досуг – лишь 21,1%. Необходимость покоя и отдыха важна для 40,9%, осознание чувства выполненного долга – для 32%, общественная работа – для 10,4%.

Что касается основных жизненных ценностей, то женщины оценивают хорошее здоровье выше (89,9%), чем мужчины (77,2%); семью, детей, внуков (83,6%), мужчины 71%. Материальное благосостояние и достаток одинаково высоко оцениваются представителями обоих полов (76% мужчин, 79,5% женщин), также одинаково оцениваются такие ценности, как уважение окружающих, покой и отдых. Мужчины же, по сравнению с женщинами, выше оценивают общение с людьми (45,2 и 39,7% соответственно), независимость в жизни (39,6 и 31,2%), полезность людям (42 и 32,6%), полезный досуг (28,6 и 18,4%), осознание чувства выполненного долга (38,9 и 29,6%), труд, работа на производстве (32,2 и 22,3% соответственно).

Ценность здоровья несомненно высока для пенсионеров всех возрастов, но с возрастом респондента она несколько снижается (с 91,7% в возрасте 55–59 лет до 82,5% в возрасте 70 лет и старше). Также высоко значение семьи, но мы видим, что оно возрастает в возрасте 55–59 и 70 лет и старше; это вызвано тем, что особое внимание к людям пенсионного возраста со стороны семьи необходимо на начальном этапе, когда происходит перестройка на новый образ жизни, и в период, когда в силу физиологических изменений пенсионерам необходимы помощь и уход. Материальное благополучие и достаток актуальны независимо от возраста респондента. К 70 годам и старше возрастает важность таких ценностей, как общение с людьми (52,8%), полезность людям (43,9%), уважение окружающих (62,9%), покой и отдых (57,0%).

Рассматривая иерархию ценностей пенсионеров в зависимости от брачного состояния, мы видим, что ценность семьи выше на 20% у тех, кто находится в браке (81,4%) или овдовел (84,6%), чем у тех, кто не находится в браке (66,7%). Общение с людьми более важно для одиноких (42,4%) и овдовевших пенсионеров (51%), чем для женатых (37,1%). Также для овдовевших возрастает по-

ребность в уважении окружающих (58,2%), покое и отдыхе (51,5%). Наше исследование показывает, что чем выше образование респондента, тем более важна семья и менее – материальное благополучие и достаток. Также с ростом уровня образования повышается значимость таких ценностей, как полезность людям (54,5%), уважение окружающих (54,5%), полезный досуг (50,0%), труд и работа на производстве (54,5%).

Однако основными формирующими факторами, необходимыми для нормальной жизнедеятельности, большинство пенсионеров считает деньги (73,1%), семью (40,9%), семейное благополучие (33,8%), наличие жилья (32,2%), лекарства (25,9%), стабильность в экономике страны (20,4%).

Лишь 16,5% опрошенных пенсионеров предпочитают оставаться в одиночестве, нежели жить с семьей. Однако большинство все-таки ценит семейный образ жизни, поскольку у семейных пенсионеров больше свободного времени, чтобы заниматься не только хозяйством, но и любимым делом. Например, среди одиноких пенсионеров ни один не отметил занятия спортом и художественной самодеятельностью как свой досуг, в то время как у пенсионеров, живущих в семье, есть возможность и время этим заниматься. Также среди основных факторов, необходимых для нормальной жизни, пенсионеры называют семью вслед за материальным достатком, независимо от того, есть у данного респондента семья или нет.

Для пенсионеров естественный процесс возрастного кризиса усугубляется тем, что одновременно переживается кризис социальный, который, накладываясь на индивидуальный, делает процесс поиска смысла жизни еще более сложным. Кроме нарушения личностной идентичности происходит изменение социальной идентичности, и человек, попавший в этот кризис, не может понять, с каким именно обществом он должен себя отождествлять. Таким образом, человек пожилого возраста сталкивается в основном со следующими трудностями: потеря смысла жизни, цельности личности и того общества или общественной группы, с которыми он может идентифицироваться, чьи ценности и устремления он разделяет и эмоционально принимает. Благополучно переживают критический период, как правило, люди, для которых характерны устойчивая система мотивов и интересов в структуре их личности и такие индивидуальные особенности, как гибкость и пластичность, то есть умение достаточно быстро переходить от одной схемы поведения к другой, более адекватной настоящему времени. Важно, что такой переход совершается бессознательно и безболезненно для человека, который естественным образом переориентируется на новую систему отношений и деятельности. Но людей с подобными индивидуальными особенностями не так уж и много. Несколько больше людей с такой структурой личности, которая дает возможность действовать под влиянием собственной, а

не внешней, «полевой» мотивации. Например, заниматься какой-либо творческой, значимой и интересной для них деятельностью, которая не связана непосредственно с их рабочим местом и на выполнении которой не может отразиться выход на пенсию. Это занятие может быть основной работой человека в течение всей жизни, а может идти всю жизнь параллельно с основной работой как увлечение, а на пенсии стать доминирующим интересом. Кризис проходит достаточно благополучно и у людей, основной смысл жизни видящих в семье, в которой царят взаимопонимание, поддержка и эмоциональная близость. Однако по результатам исследования в г. Казани лишь 13,6% пенсионеров отмечают необходимость работы для нормальной жизнедеятельности и 4,7% – необходимость возможности заниматься любимым делом. Свой же досуг пенсионеры проводят следующим образом: занимаются домашним хозяйством (69,4%), смотрят телевизор (58,9%), работают на приусадебном, дачном участке (45,7%), занимаются с детьми, внуками (37,2%), отдыхают, ходят гулять и общаются по телефону (по 23%), читают книги (22%), лечатся (20%), читают газеты, журналы (17%), посещают театры, концерты (6,7%), отдыхают, путешествуют (2,4%), ходят в музеи и на выставки (1,6%), занимаются спортом (1%).

Как правило, это люди, о которых А. Маслоу говорил как о самоактуализированных личностях, то есть таких, которые нашли свою цель в жизни. Самое главное, что эта цель или смысл их жизни и деятельности действительно совпадают с их реальными способностями, индивидуальными особенностями, а потому могут ими выполняться на высоком уровне и определять стиль их жизни. Поскольку подобная реализация своих стремлений и интересов, как правило, не зависит от социального окружения и должности таких людей, она и не изменяется с возрастом, с выходом на пенсию или переменной статуса. Можно сказать, что именно эти люди, их личностные качества и делают ту должность, то место, которое они занимают, значимым, а не наоборот. Поэтому кризис пожилого возраста у них проходит практически безболезненно.

Лишь небольшое число пожилых людей мимолетно негативную фазу кризиса пожилого возраста. Большинству из них необходима внимательная и квалифицированная помощь специалистов, близких людей и общества в целом. В нашей стране использовать общественное мнение для организации помощи людям позднего возраста легче, чем во многих странах Западной Европы. Это объясняется тем, что в нашем обществе существуют достаточно устойчивые положительные стереотипы пожилых людей, в которых позитивно оцениваются их опыт, знания и умение выстоять в сложных житейских ситуациях. Значит, у пенсионеров возможно сформировать установку на их значимость для молодых, на помощь им, а у молодых – на принятие этой помощи, причем не

столько в домашнем хозяйстве, сколько в профессиональной и социальной деятельности.

Так, по результатам авторского опроса 27,7% пенсионеров отмечают необходимость в дополнительной помощи, 35,6% в ней не нуждаются. При этом лишь 16,3% говорят о том, что нуждаются в помощи учреждений социального обслуживания граждан, в то время как более половины (54,8%) утверждает, что такой необходимости нет. Среди опрошенного населения 71,9% никогда не обращались в учреждения социальной защиты, 8,1% обращались однажды, 12,8% – несколько раз и лишь 6,1% обращаются постоянно. Среди наиболее востребованных услуг социального обслуживания пенсионеры отмечают социально-медицинские (54,6%), социально-бытовые (14,2%), социально-правовые (6,5%).

60,9% респондентов отмечают тот факт, что им помогают их дети, при этом очевидно, что чем старше респондент и чем больше у него детей, тем больше оказываемая помощь. Однако мы видим, что среди полностью счастливых людей помощь детей отмечает 71,4%, в то время как среди тех, кто считает себя полностью не счастливыми, – лишь 27,3%. Это свидетельствует о том, что помощь и внимание детей являются неотъемлемой составляющей душевного благополучия пенсионера. Аналогичная зависимость наблюдается и в плане удовлетворенности условиями жизни в целом: среди полностью удовлетворенных помощью детей отмечают 72,7% респондентов, среди тех, кто не удовлетворен условиями жизни, – только 50%.

Около 20% опрошенных отмечают помощь других родственников, помимо детей. Однако чем больше эта помощь, тем счастливее себя чувствует респондент. Так, среди полностью счастливых помощь отмечает 21,4%, среди не счастливых – 9,1%. Данная помощь выражается в регулярной материальной поддержке (11,7%), материальной поддержке по мере возможности (26,1%), регулярной помощи по дому (18,6%), помощи по дому по срочной необходимости (25,7%), регулярной помощи на садовом участке (13,8%), помощи по мере необходимости (сбор урожая, подготовка к посеву) (17,4%). Среди полностью счастливых респондентов отмечаются в большей степени регулярность оказываемой помощи, то есть регулярная помощь по дому и на садовом участке, а также материальная поддержка.

Мужчины в большей степени нуждаются в дополнительной помощи (32,9%), чем женщины (25,5%). Среди тех кто считает себя полностью счастливыми в дополнительной помощи нуждаются 19,6% респондентов, в то время как среди тех, кто считает обратное, – 72,7%. Рассматривая необходимость дополнительной помощи в зависимости от удовлетворенности условиями жизни в целом, видим, что среди полностью удовлетворенных данную необходимость отмечают 15,2% респондентов, а среди полностью неудовлетворенных – 58,1%.

На вопрос, что значит жить хорошо, 91% респондентов отвечает: «Иметь хорошую работу». Среди опрошенных пенсионеров более трети (31,6%) после выхода на пенсию продолжают работать полный рабочий день, работают на полставки 7,9%, подрабатывают 7,5%, однако мы видим, что, согласно исследованию, среди полностью счастливых людей работают полный рабочий день 33,9%, среди скорее счастливых – 32,7%, в то время как среди полностью не счастливых – лишь 9,1% опрошенных.

Говоря о планах, респонденты отмечают, что будут работать настолько, насколько это возможно, при этом ни пол, ни возраст практически не имеют значения, поскольку физическое состояние каждого индивидуально и в зависимости от специфики труда каждый сам рассчитывает свои силы.

Если рассматривать постпенсионную занятость вообще, то есть всех тех кто работал после выхода на пенсию пусть даже непродолжительный период времени, мы можем увидеть, что в последнее время число продолжающих работать выросло более чем на 20%. Так, среди тех, кому за 70 лет, продолжали работать 53,2%, кому 65–69 лет – 47,1%, а вот у 60–64-летних показатель возрастает уже до 71,8%, и в возрасте 55–59 лет таких уже 76,3%. Подтверждением тому, что работа приносит определенное удовлетворение и положительно отражается на жизни пенсионеров, стали следующие данные: среди тех, кто полностью удовлетворен, как складывается его жизнь, 805 респондентов продолжали работать полный рабочий день, а совсем не работали лишь 5% опрошенных.

Проанализировав материальное положение пенсионеров, мы видим, что материальный доход имеет важное значение при формировании стиля жизни пенсионеров. При этом большинство отмечает несоответствие пенсии их ожиданиям, поэтому треть пожилых людей работает полный рабочий день и собирается еще как минимум три года. При этом, согласно проведенному автором исследованию, более половины всех опрошенных (55,4%) отмечает, что ежемесячной пенсии хватает на покупку продуктов питания и оплату коммунальных услуг, 15% пенсионеров не в состоянии купить даже недорогие продукты, позволить себе покупку недорогих вещей могут 22,1% и лишь 7,5% респондентов денег хватает на все, что им необходимо для полноценной жизни.

Более 70% опрошенных отметили тот факт, что размер ежемесячной пенсии не оправдал их ожиданий. При этом видно, что чем моложе респондент, тем он в большей степени не удовлетворен размером выплачиваемой пенсии. Несмотря на относительно невысокий материальный доход, большинство опрошенных пенсионеров (около 60%) остается основными кормильцами в семье. Несмотря на то что пенсия большинства участников опроса не превышает 10 000 рублей, 59,6% из них отмечают, что именно на них падает основная

нагрузка по материальному содержанию семьи, 21,2% респондентов ответили, что груз материальной ответственности ложится на среднее поколение, и 2,6% – на младшее поколение, то есть на внуков. Лишь 15,3% опрошенных отмечают улучшение материальной обеспеченности после выхода на пенсию, в то время как ухудшение заметили 49,8% пенсионеров. При этом распределение среднего размера пенсии таково: от 7000 до 8000 руб. – 23,5%, от 8000 до 9000 руб. – 22,3%, от 6000 до 7000 руб. – 17,9%, от 5000 до 6000 руб. – 14,6%, от 4000 до 5000 руб. – 7,9%, от 9000 до 10000 руб. – 7,5%, от 3000 до 4000 руб. – 2,8%, более 10000 руб. – 2,8%.

В рамках исследования рассматривалось мнение пенсионеров об основных общественных институтах, формирующих стиль жизни общества, а также об отношении и доверии к ним.

Среди основных социальных институтов, групп и организаций наибольшим доверием со стороны людей пенсионного возраста пользуются: Правительство РФ (полностью доверяют 22,3%, в основном доверяют 44%, совершенно не доверяют 19,6%), Правительство РТ (полностью доверяют 18,7%, в основном доверяют 46,1%, совершенно не доверяют 23,3%). Наименьшим же доверием опрошенных пользуются: милиция (полностью доверяют 6,2%, а совершенно не доверяют 44,4%), средства массовой информации (полностью доверяют 2,9%, совершенно не доверяют 43,6%), политические партии (полностью доверяют 1,7%, совершенно не доверяют 50,5%), суды (полностью доверяют 2,7%, совершенно не доверяют 42,3%), коммерческие банки (полностью доверяют 1%, совершенно не доверяют 56,4%).

Пожилые люди вносят многогранный вклад в социальное развитие России, приветствуют позитивные изменения в современном обществе, проявляют интерес к социальной, культурной и экономической жизни, поддерживают солидарность поколений и являются хранителями духовных и нравственных ценностей, сохраняют способность к активной трудовой деятельности, готовность передавать опыт и восполнять ресурсы, затраченные на обеспечение их жизнедеятельности.

Пенсионеров, принявших участие в опросе, на сегодня беспокоят следующие общественные проблемы: рост цен на товары и услуги, опережающий рост доходов населения (77,7%), проблемы ЖКХ (66,4%), плохое материальное положение большинства населения (59,7%), низкий уровень медицинского обслуживания населения (49,4%), плохая экологическая ситуация (40,9%).

Большинство опрошенных пенсионеров замечает ухудшение основных сторон жизни после выхода на пенсию. Так, материальная обеспеченность после выхода на пенсию ухудшилась у 49,8% опрошенных, питание – у 34,4%, обеспеченность одеждой – у 44,9%, жилищные условия – у 17,2%, возможности для развлечения и отдыха – у 43%, ухудшение же условий жизни

в целом отмечает 41,7% респондентов. При этом улучшилась материальная обеспеченность у 15,3% респондентов, а у 28,2% не изменилась, питание улучшилось у 9,1%, и не изменилось у 52,4%, обеспеченность одеждой улучшилась у 7%, и у 40,2% осталась неизменной. Жилищные условия у большинства опрошенных (70,9%) остались неизменными, а улучшились лишь у 5,8% опрошенных пенсионеров. Согласно проведенному опросу 87,9% респондентов живут в собственных квартирах, 7,8% – в собственных домах, 2% – в квартирах детей, 0,6% – в домах детей, 0,8% – в съемных квартирах, 0,2% – в съемных комнатах.

Возможности для развлечения и отдыха улучшились у 6,3%, у 29,3% остались неизменными. Условия жизни в целом улучшились у 8,2% пенсионеров и остались неизменными у 34% респондентов.

Переход к пенсионному обеспечению нередко сопровождается сильным стрессом, негативно сказываясь на здоровье и продолжительности жизни человека, и наоборот, сохранение возможности заниматься посильным добровольным трудом на производстве может привести к увеличению продолжительности жизни.

По результатам авторского исследования, для нормальной жизни большинство пенсионеров считает главным все же недостаток (деньги) – 73,1%. Но это далеко не единственный фактор хорошего социального самочувствия людей пожилого возраста, необходимыми для нормальной жизнедеятельности опрошенные отмечают: хорошие жилищные условия (32,2%), наличие семьи (40,9%) и семейное благополучие (33,8%). Также немаловажными являются, по мнению пенсионеров, стабильность в экономике страны (20,4%), доступность продуктов питания (19,6%), лекарств (25,9%). С возрастом респондента несомненно повышается значимость следующих показателей: деньги (69,8% в 55–59 лет и 74,1% в 70 лет и старше), доступность лекарств (7,5% в 55–59 лет и 49,6% в 70 лет и старше), продуктов питания (15,1% в 55–59 лет и 27,3% в 70 лет и старше). Понижается значимость таких показателей, как хорошие жилищные условия (37,7% в 55–59 лет и 25,9% в 70 лет и старше), наличие работы (22,6% в 55–59 лет и 3,6% в 70 лет и старше), стабильность в экономике страны (29,2% в 55–59 лет и 9,4% в 70 лет и старше). Однако важность и необходимость таких факторов, как семья и семейное благополучие, остается на протяжении всей жизнедеятельности пенсионера.

Таким образом, автор выделяет стиль жизни пенсионеров как важнейшую составляющую процесса развития личности, при которой индивид вырабатывает те или иные свойства, обретает то, чего не имел раньше, в том числе и новую профессию, модели поведения, нередко у пенсионеров проявляются творческие способности. При этом под стилем жизни автор понимает совокупность образцов поведения индивида или группы, ориен-

тированную на повседневную жизнь и определяющую способность человека сформировать себя как личность в соответствии с собственными представлениями о полноценной и интересной жизни.

Стиль жизни людей изменяется с выходом на пенсию. При этом стиль жизни пенсионеров имеет ряд отличительных черт, свойственных различным стадиям, среди которых важную роль играет прекращение трудовой деятельности или изменение её характеристик, таких как снижение интенсивности, переход на другую работу, выполнение новых функций. Вследствие изменения социального статуса отмечаются избыток свободного времени, сужение привычного круга общения, утрата ведущей роли в семье, ослабление или изменение воспитательных функций и др. Комплекс только перечисленных факторов неизбежно вызывает нарушение жизненного стереотипа, ведёт к необходимости его смены, адаптации к новым внешним условиям. В каждом обществе складываются специфические условия формирования стиля жизни пенсионеров на каждом возрастном этапе, которые зависят от особенностей гендерной, возрастной и социальной структуры общества, а также от уровня его экономического и культурного развития и социального климата.

По результатам авторских социологических исследований можно сделать следующие выводы. Пенсионеры являются активной социально-демографической группой населения, где более трети продолжают полноценно трудиться после выхода

на пенсию, занимаются спортом, посещают культурно-досуговые учреждения, занимаются творчеством. Несмотря на то что почти во всех сферах жизни пенсионеры отмечают ухудшение, в целом жизнь оценивается ими как удовлетворительная и большинство не нуждается в услугах учреждений социального обслуживания.

Среди основных сфер, формирующих стиль жизни пенсионеров, наиболее значительны следующие: физическое самочувствие, семейное благополучие, творческая и трудовая самореализация, экономическое благополучие, социальная защищенность, уважение окружающих и общение. Современным пенсионерам свойственны инновационные потребности, такие как овладение навыками работы с компьютером и Интернетом, умение пользоваться мобильным телефоном, владение автомобилем.

Примечания

- 1 См.: Вебер М. Основные понятия стратификации // Социс. 1994. № 5. С. 146–156.
- 2 См.: Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
- 3 См.: Зиммель Г. Философия культуры. М., 1996.
- 4 См.: Бурдые П. Социология политики. М., 1993. 336 с.
- 5 См.: Mueller H. P. Sozialstruktur und Lebensstile. Der neuere theoretische Diskurs ueber sozial Ungleichheit. Frankfurt/Main, 1997.

УДК 316.342.5

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ

Д. В. Покатов

Саратовский государственный университет
E-mail: dvpokatov@gmail.com

В статье рассматриваются этапы формирования и развития взглядов отечественных социологов на одну из ведущих страт современного общества – политическую элиту. Дается краткая характеристика каждого из этапов в изучении элиты, особое внимание обращается на современное состояние развития отечественной социологической теории политической элиты.

Ключевые слова: элита, политическая элита, меритократическое и национально-государственное (почвенническое) направления в изучении элиты.

Russian Sociology of Political Elite: Stages of Development and Evolution

D. V. Pokatov

In the article stages of forming and development of Russian sociologists' views on one of the leading stratum of modern society – political elite

are considered. Short description of every stage in the study of elite is given; special attention is paid on the modern condition of development of Russian sociological theory of political elite.

Key words: elite, political elite, meritocratic and nation-state (nationalistic) directions in the study of elite.

Политические элиты как в центре, так и в регионах России продолжают оставаться сегодня одним из влиятельных субъектов власти, не только участвующих в распределении ресурсов, реорганизации властной вертикали, но и оказывающих существенное влияние на социальный механизм осуществления власти и управления.

Значение данной группы напрямую связано с потребностями всего общества в целом и отдельных его подсистем и уровней в стабильном развитии, эффективном управлении и рационально

организованной системе власти, которые и должна в идеале реализовать политическая элита.

Вопрос об этапах развития представлений отечественных социологов о политической элите является одним из наименее изученных в отечественной социологической науке. Среди исследователей, затрагивавших в своих исследованиях этот вопрос, можно назвать В. П. Мохова. Он выделяет следующие этапы развития российского элитизма: вторая половина XIX – начало XX в. – зарождение российского, а затем и российского коммунистического элитизма; 1917–1920-е гг. – зарождение советского элитизма, а также его антисоветских, социал-демократических и некоммунистических вариаций; 1920–1950-е гг. – функционирование советского элитизма, временное инобытие элитологии в форме теории партийного строительства и других партийно-политических дисциплин, обосновывающих особое место и особую роль КПСС в советской политической системе; 1950–1980-е гг. – развитие советского элитизма, внутренняя эволюция советской элитологии в форме критики буржуазной элитологии; начало концептуальных изменений в советском марксизме на основе поиска компромисса с элитологией и элитизмом¹.

Как думается, данный подход нуждается в серьезной корректировке. Вряд ли оправданно говорить о функционировании и развитии советского элитизма в 1920–1980-е гг. Существовавшие партийно-политические дисциплины по своей структуре, целям и задачам были весьма далеки от современной социологии политической элиты и элитологии. В них не было глубокого и систематизированного анализа параметров, состава, форм рекрутирования политической элиты. Они были далеки от тех достаточно глубоких и лишенных догматизма элементов социологической публицистики, содержащихся в работах видных представителей ортодоксального марксизма и создателей Советского государства, какими являлись В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин.

В этой связи можно, на наш взгляд, выделить три периода в развитии представлений о политической элите в трудах отечественных социологов: I – возникновение первых элитных теорий (60–70-е гг. XIX в. – середина 20-х гг. XX в.); II – период «консервации» (середина 20-х гг. XX в. – 1985 г.); III – восстановительный (с 1985 г. по настоящее время).

Границы данных этапов соответствуют в целом наиболее значимым этапам развития российского общества и отечественной социологии. Начало первого периода, зарождения представлений о политической элите, совпадает с возникновением и постепенным распространением первых социологических теорий в российском обществе. Завершается он в середине 20-х гг. XX в., когда теория политической элиты превращается в философскую по форме и идеологическую по содержанию концепцию партийного

лидерства и руководства, что во многом связано с постепенным утверждением режима единоличной власти и фактическим негласным запретом на проведение социологических исследований. Только в середине 80-х гг. прошлого века, после начала в СССР перестройки, вновь становится заметной активизация социологических исследований, восстанавливается преподавание социологии в вузах. Все это создало основу для возобновления социологического изучения элиты вообще и политической в частности.

Остановимся теперь на краткой характеристике названных выше этапов. Этап возникновения первых элитных теорий был достаточно сложным и противоречивым. Он включал в себя несколько периодов, которые в основном соответствовали происходившим в российском обществе, как одним из «полицентричных», мобилизационных типов обществ, значимым социально-политическим процессам и некоторым этапам институционализации отечественной социологической науки.

Первый период начинается с 60-х гг. XIX в., что напрямую связано с реформами Александра II, способствовавшими изменениям в экономической сфере, социальной структуре общества, а также некоторой либерализации политического режима, ослаблению цензуры и тотального контроля государства над жизнью общества. Как уже отмечалось выше, все это благоприятствовало появлению первых социологических работ, в которых с публицистических позиций рассматривалась проблема элитных слоев. Как правило, все эти первые социологические исследования политической элиты отличались значительной долей утопизма, гуманистической направленностью, оппозиционностью и связью с политическими процессами и явлениями общественной жизни.

С началом 80-х гг. XIX в., которые ознаменовались отходом от реформаторского курса, начинается второй, «патриархальный» период, когда господствующие позиции занимают «официально-идеологические» теории, представлявшие позиции самого правящего слоя и пытавшиеся стать альтернативой оппозиционным концепциям.

Завершается данный этап в начале XX в., после революции 1905 г., когда вновь происходит некоторая либерализация политического режима, что дало возможность вновь развиваться меритократическим, идеально-гуманистическим по своей сути, теориям политической элиты, которые разрабатывались представителями христианской и идеалистической философии и социологии, неопозитивизма, а также некоторыми представителями ортодоксального марксизма (в частности Г. В. Плехановым). Данный этап продолжается вплоть до Октябрьской революции 1917 г., когда главенствующим становится ортодоксальный марксистский «вождистский элитизм», выступающий не только как теория политической элиты, но и как реальная практика её воспроизводства в «полицентричном», мобилизационном обществе.

Практически на всех отмеченных выше этапах, что является неотъемлемой характерной чертой развития отечественной социологической теории политической элиты, наблюдается борьба двух направлений – западно-меритократического и национально-государственного (почвеннического).

Примечательным является тот факт, что на Западе теория политической элиты формировалась изначально как позиционная, макиавеллистская. И лишь с середины XX в. её позиции были существенно подорваны теориями демократического элитизма и плюрализма элит.

В российском обществе в условиях относительной либерализации 60-х г. XIX в. получают распространение умеренные западно-меритократические концепции, представленные социологией народничества и теориями представителей раннего позитивизма, рассматривавшими политическую элиту как наиболее продуктивную часть общества, обладающую наивысшими показателями, не связанную напрямую только с властными институтами и призванную реализовать политические и общественные проекты, в которых нуждается общество.

Постепенно под влиянием объективных причин, связанных с усилением мобилизации общества и централизации власти и политических институтов, происходит закрепление позиций национально-государственного (почвеннического) направления, представители которого (от социальных мыслителей до идеологов ортодоксального марксизма) стали рассматривать политическую элиту с позиционных, альтиметрических, функциональных позиций, все больше абстрагируясь от ценностных характеристик и реального предназначения данной социальной группы.

С приходом к власти в 1917 г. идеологов марксизма позиции национально-государственного направления, основанного на функциональных интерпретациях сущности политической элиты, значительно укрепляются.

При этом научное социологическое изучение элитной проблематики с середины 20-х гг. XX в. практически прекращается, что было напрямую связано с отрицанием её существования в советском обществе якобы по причине отсутствия в нём неравенства.

В этот период элита рассматривалась исключительно как «понятие буржуазной социологии, которое употреблялось для обозначения классового неравенства»². Несмотря на официальное неприятие понятия элиты, сами идеи элитизма не были чужды многим марксистским общественным деятелям и мыслителям.

Так, в частности, В. И. Ленин отмечал: «...если не закрывать глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не её составом, а громадным, безраздельным авто-

ритетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией»³. Несмотря на это, утверждение В. И. Ленина о наличии в советском обществе «тонкого» слоя, слоя вождей, так и не привело к легализации элитной теории.

Вышедшие вплоть до середины 1980-х гг. прошлого века исследования ограничивались в основном описанием статусных характеристик руководителей и критическим разбором теорий политической элиты⁴.

Только с конца 80-х гг. XX в. под влиянием перемен стали появляться исследования, в которых ставились и анализировались различные аспекты достаточно многогранной элитной проблематики. Особенно хорошо были представлены публикации историко-политического и философского характера.

Не столь многочисленные (по сравнению с ними) социологические исследования велись по нескольким направлениям.

Достаточно большую группу составляли работы, в которых делалась попытка общесоциологического рассмотрения данной группы, анализа её природы, статуса и функций. Прежде всего здесь необходимо отметить исследования Л. В. Бабаевой, Л. А. Резниченко, Е. Я. Таршис, а также О. В. Гаман-Голутвиной, Ю. В. Ирхина, Р. Х. Симоняна⁵.

Серия работ посвящена рассмотрению теорий политической элиты и выявлению ценностных установок данной группы⁶.

В последние годы достаточно быстро растёт число публикаций, дающих общее представление о причинах, характере и направленности процесса трансформации старой политической элиты в новую. Среди авторов, активно работающих в этом направлении, следует назвать Г. К. Ашина, И. Е. Дискина, Д. Ривера и Ш. Ривера⁷.

По теоретическому обоснованию и, главное, собранному эмпирическому материалу, отражающему динамику состава, половозрастных, образовательных изменений нескольких поколений политических элит, особенно ценными являются работы О. В. Крыштановской.

Наряду с исследованиями, отражающими наиболее общие вопросы формирования и развития российской политической элиты, в последнее время появилась и специализированная литература по региональной элитной проблематике. Достаточно хорошо представлены исследования, в которых рассматриваются сущность, условия формирования, персональный состав, признаки, структура и функции, а также тенденции развития региональной политической элиты⁸. Особую группу составляют исследования, в которых даётся характеристика моделей и особенностей рекрутирования и функционирования политических элит на региональном уровне. К ним в первую очередь следует отнести работы М. Н. Афанасьева, Д. В. Бадовского, А. Ю. Шутова⁹.

По мнению М. Н. Афанасьева, структурными компонентами, образующими ткань властвующей элиты, являются клиентелы, или «команды». Исходя из данного положения, он останавливается на трех проблемах воспроизводства элит: административном предпринимательстве, государственном строительстве и выборах¹⁰.

В статье Д. В. Бадовского и А. Ю. Шутова ставятся важные вопросы о способах формирования и легитимации региональных политических элит. В их понимании отличительная особенность формирования элит в регионах состоит в том, что оно осуществляется не столько посредством активной публичной деятельности через выборы, сколько путем преодоления своеобразного трамплина – «через попадание в государственно-политическую корпорацию»¹¹.

Среди работ, появившихся за последние 10–15 лет, нельзя не назвать исследований, посвящённых анализу элит ряда российских регионов. Среди них особо ценным является основанное на богатейшем статистическом материале исследование Ю. С. Тарасова, посвящённое анализу политической элиты Республики Саха (Якутия)¹².

Нельзя также не отметить работ С. И. Барзилова, А. Г. Чернышова, Э. Б. Куприянычевой, М. Х. Фарукишина, С. Семедова, О. С. Новиковой, раскрывающих характерные черты и особенности рекрутирования и функционирования политических элит Саратовской и Самарской областей, Ставропольского края, а также Республики Татарстан и Республики Дагестан¹³.

Ряд исследований проведен в виде сопоставления признаков элитных групп различных регионов¹⁴. Особо отметим здесь сравнительный анализ политических элит Поволжья (Нижегородской, Саратовской и Ульяновской областей), содержащийся в монографии известного элитолога А. К. Магомедова. Несомненным её достоинством является не только подробная характеристика социальных показателей элиты, но и весьма успешная попытка сравнения управленческих парадигм и практик, используемых политическими элитами ряда областей Поволжского региона¹⁵.

В целом проведённый анализ показывает, что, несмотря на свою молодость, отечественная социология элиты имеет давние традиции. Формирование и развитие многих из существующих ныне направлений в изучении элиты шло параллельно со становлением самой российской социологии, вследствие чего они постепенно избавлялись от аморфности и публицистичности и приобретали необходимую методологическую чёткость и обоснованность. Если на Западе эволюция изучения политической элиты шла в направлении от позиционного к ценностному и меритократическому подходам, то в России, возникнув как умеренно-меритократический подход, анализ политической элиты эволюционировал к патриархальным, а затем и позиционным интерпретациям.

Примечания

- 1 См.: *Мохов В. П.* Региональная политическая элита (1945–1991). Пермь, 2003. С. 26–27.
- 2 Краткий политический словарь. 4-е изд. М., 1987.
- 3 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1965–1980. Т. 45. С. 20.
- 4 См.: *Ашин Г. К.* Миф об элите и «массовом обществе». М., 1966 ; *Гуревич П.* Современный элитизм: истоки, версии, тенденции // Социально-политические теории современной буржуазной идеологии: критический анализ. М., 1981 ; *Ашин Г. К.* Современные теории элиты : критический очерк. М., 1985.; *Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А.* Современный Левиафан. М., 1985 ; *Пискотин М. И.* Советский руководитель. М., 1988 и др.
- 5 *Бабаева Л. В., Тарихис Е. Я., Резниченко Л. А.* Методологические проблемы изучения российской элиты // Общество и экономика. 1994. № 11–12 ; *Гаман-Голутвина О. В.* Политическая элита – определение основных понятий // Полис. 2000. № 3 ; *Ирхин Ю. В.* Политические элиты вчера, сегодня, завтра // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2 ; *Симоныя Р. Х.* Элита или все-таки номенклатура (Размышления о российском правящем классе) // Общественные науки и современность. 2009. № 2.
- 6 *Головачев Б. В., Косова Л. Б.* Ценностные ориентации советских и постсоветских элит // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / общ. ред. Т. И. Заславской. М., 1995. Вып. 2 ; *Либман Г. И., Варбузов А. В., Сухарев Э. О.* Теория элит // Социально-политический журнал. 1997. № 5.
- 7 *Ашин Г. К.* Смена элит // Общественные науки и современность. 1995. № 1 ; *Дискин И. Е.* Россия: трансформации и элиты. М., 1995 ; *Ривера Ш., Ривера Д.* К более точным оценкам трансформаций в российской элите // Полис. 2009. № 5.
- 8 *Гаман-Голутвина О. В.* Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // Полис. 2004. № 2 ; *Коргунюк Ю. Г.* Политическая элита современной России с точки зрения социального представительства // Полис. 2001. № 2 ; *Мохов В. П.* Региональная политическая элита России (1945–1991). Пермь, 2003 ; *Понеделков А. В., Старостин А. М.* Формирование путей рекрутации административно-политических элит в современной России // Власть. 2007. № 6 ; *Федин А. В.* Особенности социальной природы, организации и функций административной элиты в контексте переходного состояния общества. Саратов, 2004.
- 9 *Афанасьев М. Н.* Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит // Полис. 1994. № 6 ; *Бадовский Д. В., Шутов А. Ю.* Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического участия // Кентавр. 1995. № 6.
- 10 См.: *Афанасьев М. Н.* Указ. соч. С. 35.
- 11 *Бадовский Д. В., Шутов А. Ю.* Указ. соч. С. 3.
- 12 *Тарасов Ю. С.* Правящая элита Якутии: штрихи к портрету // Полис. 1993. № 2.
- 13 *Барзилов С. И., Чернышов А. Г.* Политическая структура современной российской провинции. М., 1997 ;

Куприянычева Э. Б. Особенности политической элиты Самарской области // Политические исследования. 1999. № 3 ; Фарушкин М. Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. № 6 ; Семедов С. Современная политическая элита Дагестана // Государственная служба. 2007. № 6 ; Новикова О. С. Мнение региональной элиты (Социологическое исследование в Ставропольском крае) // Социс. 2001. № 9 ; Устинкин С., Полякова Ю. Нормативная составляющая позиционирования поли-

тических элит Приволжского федерального округа во власти // Власть. 2009. № 11.

¹⁴ См.: Магомедов А. К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России. М., 2000 ; Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / под ред. А. В. Дуки. СПб., 2001 ; Россия регионов: трансформация политических режимов. М., 2000.

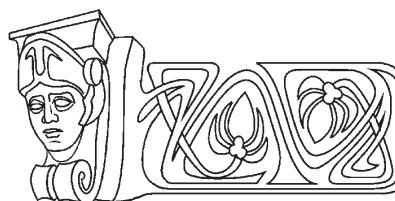
¹⁵ См.: Магомедов А. К. Указ. соч.

УДК 316.354:351/354

УПРАВЛЕНИЕ КРИЗИСНЫМИ ОРГАНИЗАЦИОННЫМИ КОММУНИКАЦИЯМИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ

О. Ю. Голуб

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: Golub@ssea.runnet.ru

В статье дается определение кризиса с точки зрения теории коммуникации, раскрываются его основные характеристики, рассматриваются методологические подходы к изучению кризисных коммуникаций: системный, информационный, теория игр, социолингвистический нарративный анализ, социально-психологические и ситуационные теории.

Ключевые слова: кризис, кризисная ситуация, кризисная коммуникация.

Crisis Communications Management in an Activity of an Organization: Theoretical Basis of Research

O. Y. Golub

The definition of a crisis in terms of communication theory is given in the article, as well as its core features are revealed and methodological approaches to crisis communications research are considered: system and informational approaches, game theory, sociolinguistic narrative analysis, socio-psychological and situational theories.

Key words: crisis, crisis situation, crisis communication.

Современная стадия развития общества требует пристального внимания к коммуникационному аспекту управления кризисами. Усложнение социальных систем и информационных связей, повышение роли знаний, разнообразие рисков и возрастание уровня конфликтности и рискогенности в обществе – эти факторы обуславливают рост научного и практического интереса к разработке технологий управления кризисными ситуациями и использованию возможностей связей с ответственностью для достижения целей индивидов, организаций, социальных групп, а также целых государств.

Кризисные коммуникации как сфера связей с общественностью – это коммуникации между организацией и её общественностью до, во время

и после негативных воздействий, направленные на минимизацию репутационных рисков¹. Это целый комплекс коммуникативных технологий, связанных с прогнозированием, диагностированием, управлением кризисом, адаптацией к новым условиям и нейтрализацией негативных последствий. Поддержание устойчивой репутации организации должно осуществляться постоянно, вне зависимости от периода развития экономики или цикла организационного развития. Хотя понятно, что в условиях кризисной ситуации идет процесс более активного расходования кредита доверия организации, происходит оценка эффективности работы по созданию репутации.

В современной теории менеджмента сложилось понимание того, что даже организации с четко выстроенной стратегией управления периодически сталкиваются с непредвиденными кризисами. Более того, признается, что кризисы являются неотъемлемой частью существования любой организации. В литературе часто встречается достаточно общее толкование, в соответствии с которым под кризисом понимается некое переходное состояние, когда существующие средства достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредвиденные ситуации и проблемы, которые представляют угрозу существованию организации и наносят ущерб репутации. В учебниках по антикризисному менеджменту дается определение, согласно которому кризис характеризуется обострением противоречий в социально-экономической системе (организации), угрожающим ее жизнестойкости в окружающей среде². А. Н. Чумиков приводит определение М. Роджестера, где делается акцент на коммуникационной составляющей кризиса: «Кризис – это событие, по вине которого компа-

ния попадает в центр не всегда доброжелательного внимания СМИ и других внешних целевых аудиторий, в том числе акционеров, политиков, профсоюзных организаций, движений в защиту окружающей среды, которые по той или иной причине вполне законно интересуются действиями организации»³.

Западными учеными наработан достаточно внушительный массив знаний относительно природы и характеристик кризиса. Так, К. Фирн-Бэнкс высказывает мнение, что кризис – это происшествие, которое может вызвать негативные последствия как для организации, так и для индустрии в целом, а также её общественности, продуктов, услуг или её репутации⁴. С. Финк рассматривает организационный кризис как нестабильное время или состояние, при котором неминуемы кардинальные изменения⁵. Крупный исследователь кризисных коммуникаций У. Т. Кумбс, обобщая различные мнения, рассматривает кризис как непредсказуемую угрозу, которая может оказать отрицательный эффект на организацию, индустрию или общественность⁶. Однако, по мнению Р. Литлджона, это понятие субъективно и каждая организация формулирует свое собственное понимание кризисного явления, основанное на изучении окружающих потенциальных рисков и оценке возможности достижения корпоративных целей в данном контексте⁷. Р. Улмер, Т. Селлау и М. Сиджер предлагают трактовать организационный кризис как особое, неожиданное и нестандартное событие или ряд событий, которые создают высокий уровень неопределенности и угрозы или воспринимаются как угроза для приоритетных (первоочередных) целей организации⁸.

Основу практически всех кризисов составляют следующие характеристики⁹. 1. Неожиданность, обусловленная разоблачением в средствах массовой информации. Однако следует иметь в виду, что в настоящее время большое значение приобретают латентные кризисы, которые зачастую представляют собой нерешенные, отложенные управленческие проблемы, которые при соответствующих внешних условиях могут привести компанию к гибели. 2. Недостаток информации об относящихся к делу фактах и стихийно формирующееся общественное представление о проблеме. 3. Нарастающий поток событий, мешающий руководителям быстро осознать происходящее и быстро сформулировать убедительный ответ. 4. Утрата контроля как над восприятием развивающегося кризиса, так и над воздействием, которое он оказывает на компанию. 5. Приспальное внимание со стороны как внешней, так и внутренней аудитории, включая средства массовой информации, регулирующие органы, партнеров и потребителей, ключевых стейкхолдеров, и главное – саму управленческую команду. 6. Тактика «начала осадь», означающая попытки руководства компании «спрятаться» за незначительными или

малозначительными аспектами кризиса, вместо того чтобы сконцентрироваться на решении основной проблемы. Такие действия чаще всего приводят к увеличению репутационных издержек. 7. Паника, осложняющая и/или парализующая процесс принятия решений. 8. Публичное разрешение проблемы, сконструированное с учетом интересов внешней аудитории (масс-медиа, государственных структур, групп влияния), но отнюдь не интересов самой компании. 9. Наконец, нестандартность. Кризис есть нечто отличное от ежедневной работы компании и, следовательно, требует уникальных, а зачастую чрезвычайных мер.

Таким образом, кризис – это, прежде всего, результат нарушения информационных связей. Кризисы угрожают не только текущей деятельности организации, они создают угрозу для ее дальнейшего функционирования. Именно данное обстоятельство, на наш взгляд, является ключевым в понимании кризисных коммуникаций, поскольку акцентирует внимание на факторе неопределенности. Ситуация неопределенности, что главным образом выражается в неполноте или неточности информации, характеризуется тем, что вероятность наступления результатов решений или событий неизвестна. Неопределенность может привести к ситуации, не имеющей однозначного исхода, обуславливает усложнение коммуникационной функции управления в организации. Поэтому кризисные коммуникации должны быть направлены в первую очередь на снижение неопределенности.

При теоретическом осмыслении кризисных коммуникационных процессов (принимая во внимание фактор неоднородности последних) может применяться несколько теоретико-методологических подходов. Во-первых, системный подход, позволяющий не только учесть особенности организации и структуры, но и выявить влияние факторов внешней среды. В соответствии с ключевыми положениями теории систем организации функционирующие как открытые системы обладают более высоким уровнем жизнеспособности, в отличие от закрытых систем. Если организация функционирует как открытая система, она должна поддерживать постоянное взаимодействие между своими внутренними структурами и внешними объектами. Адаптируясь к изменениям во внешней среде, организация тем самым повышает свою жизнеспособность в длительной перспективе.

Рассматривая кризисные коммуникации в открытых системах как коммуникационную деятельность, необходимо подчеркнуть двусторонность передвижения информации и смысла в коммуникативном пространстве. Это означает не только транслирование ключевых сообщений вовне, но и анализ обратной связи. Оценка реакций различных целевых аудиторий общественности на действия специалистов по коммуникациям организации необходима, так как позволяет своевременно выявлять неэффективные ключевые

сообщения, корректировать их, адаптируя к сложившейся ситуации. Иначе говоря, кризисные коммуникации представляют собой коммуникационную деятельность, подразумевающую взаимодействие коммуникантов, рассматривающих друг друга как равноправных обладателей определенных смыслов, между которыми складываются субъект-субъектные отношения.

Очевидно, что такое взаимодействие есть не просто процесс принятия или непринятия условий, предлагаемых другой стороной. Речь идет о взаимовлиянии, взаимоучете интересов и потребностей противостоящих сторон. В ходе такого взаимодействия выявляются тенденции и закономерности социальной адаптации, возникают конфликты и противоречия, которые, как известно, составляют механизм поступательного развития.

Возможно выделение трех групп факторов, обеспечивающих адаптивное взаимодействие: институционализованных, нормативно-регулятивных и личностных. Институционализованные средства позволяют направлять деятельность адаптантов за счет усилий со стороны социокультурной среды. К данным средствам относятся средства массовой информации, конкретные организации и институты, в рамках которых адаптируется субъект. Назначение нормативно-регулятивных средств – поддержать функционирование системы «адаптант – адаптирующая среда» на заданном уровне и обеспечить достижение цели. С помощью нормативно-регулятивных средств (социальных нормативов, норм культуры, обычаев) дается направление адаптивной деятельности, осуществляется социальный контроль хода взаимодействия сторон. Личностные средства адаптации подразделяются на три группы: мотивационно-волевые (мотивы, навыки, привычки); когнитивно-аксиологические (эвристический стиль мышления, логические навыки, ценностные ориентации); поведенческие средства (практические меры, действия, поступки).

В совокупности все названные средства составляют адаптационный потенциал организации, позволяющий прогнозировать, выявлять, оценивать природные, экономические, политические и другие риски, выстраивать адекватную коммуникационную политику с целью обеспечения устойчивого развития. Поэтому повышение адаптационного потенциала можно рассматривать как основной критерий качества и эффективности стратегии кризисных коммуникаций.

Второй теоретический подход к рассмотрению организационных кризисных коммуникаций – информационный. С точки зрения информационной парадигмы при анализе кризисной коммуникации делается акцент на проблемах содержания, количества и структуры циркуляции информации в социальной системе. В теории информации под термином «информация» понимаются сведения, которые снимают или уменьшают неопределен-

ность. Таким образом, мы снова приходим к понятию энтропии системы, характеризующему уровень неопределенности. Эффективность передачи информации связывается с эффективным подбором необходимого ключевого сообщения, его кодированием и с точностью его восприятия реципиентом (общественностью, аудиторией кризисной коммуникации). В системе коммуникационной цепи также большую роль играют разного рода помехи и барьеры, которые могут возникать при транспортировке информации.

Известно, что коммуникационная цепь включает в себя следующие элементы: коммуникатор, сообщение, кодирование и выбор канала, канал коммуникации, шум, декодирование, реципиента (аудиторию), обратную связь, эффекты коммуникации. Эффективность коммуникативного процесса зависит от наличия определенных характеристик элементов коммуникационной цепи. К. Шеннон выделял три уровня коммуникации: технический, семантический и уровень эффективности¹⁰. Технические проблемы коммуникации связывались им с точностью передачи информации от отправителя получателю, семантические проблемы – с интерпретацией сообщения получателем в сопоставлении с изначальным значением, уровень эффективности говорит о результатах изменения поведения в связи с переданным сообщением. Рассмотрим схематично каждый элемент коммуникационной цепи в ситуации кризисных коммуникаций.

Первым элементом является коммуникатор – PR-структура, ответственная за реализацию кризисной коммуникативной политики (официальный представитель, «говорящая голова» из числа сотрудников, входящих в кризисную группу). На результативность выступления коммуникатора влияет доверие, которое ему оказывает аудитория. В теории массовой коммуникации существует большое количество критериев успеха коммуникатора у аудитории. Чаще всего отмечается, что степень доверия аудитории зависит от трех главных качеств коммуникатора: авторитетности, компетентности и привлекательности. На основе этих характеристик построена теория Г. Кельмана и С. Ховланда, рассматривающая качество и глубину усвоения информации аудиторией в зависимости от ее источника¹¹. Прием информации от авторитетного, облеченного властью источника построен на механизме «податливого согласия». При этом точка зрения такого коммуникатора не обязательно становится позицией реципиента. Люди «послушно» соглашаются с изложенным, так как считают, что сомневаются в отношении такого авторитетного коммуникатора не имеет смысла. Однако чем более образованна аудитория, тем критичнее она настроена по отношению даже к авторитетному коммуникатору. Для нее на первом месте оказываются не имя, не социальный статус, а содержание и качество выступления. Информация от компетентного источника усва-

ивается наиболее эффективно. Это происходит в форме интернализации, когда сообщения такого рода воспринимаются некритично в силу высокой компетентности источника. Сведения автоматически включаются в багаж знаний реципиента, становятся его собственными. В результате интернализации структуры внешние по отношению к данной личности или группе превращаются в их внутренние регуляторы поведения. В свою очередь, информация, исходящая от привлекательного источника, воспринимается через процесс идентификации, реализуемый посредством отождествления себя с источником. При этом человек уже заранее согласен со всем, что ему скажут, некритичен по отношению к коммуникатору, однако глубокого усвоения информации не происходит. Влияние привлекательного коммуникатора распространяется только на тот период, пока он на виду и сохраняет свою привлекательность.

Однако для кризисных ситуаций характерной чертой становится потеря доверия к источникам информации. Поэтому особую роль начинают играть те кто выступает перед аудиторией с сообщением. Это могут быть как журналисты, официальные представители вовлеченных компаний, так и непосредственные участники или свидетели кризисной ситуации. В действительности же чаще всего именно СМИ выполняют роль медиатора между кризисной ситуацией и общественностью. М. Маккомбсом и Д. Шоу была сформулирована гипотеза «установления повестки дня»¹², согласно которой средства массовой информации, выполняя функцию посредника, навязывают аудитории свои интересы и приоритеты таким образом, что аудитория начинает считать важным и значимым то, что считают важным и значимым сами СМИ. Было также выяснено, что система приоритетов аудитории, которая получила название «публичная повестка дня», никогда полностью не совпадает с медиа-повесткой. Существуют «навязчивые» проблемы, например вопросы инфляции или роста цен, которые люди считают важными вне зависимости от того, освещаются они средствами массовой информации или нет. Аналогичная ситуация происходит и в случае кризиса. Следует подчеркнуть, что эффект «установления повестки дня» проявляется только тогда, когда речь заходит о проблемах, которые находятся за пределами непосредственного опыта. Другими словами, если аудитория не была свидетелем кризиса и не была вовлечена в него, то фактически ситуация станет известна ей только через СМИ.

Вторым элементом кризисной коммуникации выступает сообщение – один из наиболее важных элементов коммуникационной цепи. Ключевые сообщения во время реализации кризисных коммуникаций формулируются кризисной группой. Практики связей с общественностью полагают, что сообщения должны продуцироваться оперативно, содержать достоверную и актуальную информацию¹³. Иными словами, ключевое со-

общение должно способствовать заполнению информационного вакуума и снижать неопределенность, вызываемую кризисной ситуацией. Данный элемент обусловлен кризисом и напрямую зависит от конкретной ситуации. Формирование сообщения является ключевой задачей, так как кризисная ситуация становится новостным поводом и преобладающее большинство СМИ уделяет ему (в зависимости от масштабов) особое внимание.

Следующим элементом коммуникационной цепи является канал коммуникации. Отметим, что внешние коммуникации могут реализоваться посредством всех видов СМИ. Выбор определенных средств массовой информации является частной задачей и осуществляется через сопоставление целевой аудитории СМИ с целевой группой предмета коммуникации. Данный выбор является кризисно необусловленным элементом кризисного плана. И поэтому важно заблаговременное проведение исследования и выявления предпочтительных средств коммуникации для информирования максимально широкого круга целевых групп организации. Эффективность этой подготовительной фазы разработки кризисного плана скажется на оперативности реакции во время начала кризиса, когда потребуются из составленной базы информации выделить группы, аффилированные с кризисной ситуацией, и запусте информации по правильному каналу.

Деструктивным элементом коммуникационного процесса выступает шум. Под шумом в теории коммуникации понимаются внешние (громкая звуковая среда, помехи в работе СМИ и т. п.) и внутренние (психологическая установка на принятие/непринятие информации) факторы, снижающие эффективность процесса информационного обмена¹⁴. Внешние шумы в случае массовой коммуникации не могут быть контролируемы заказчиком информации. Особое значение приобретают внутренние помехи, выраженные селективным восприятием (установка индивида на неадекватное восприятие сообщения), которые могут быть вызваны рядом факторов, например несоответствием информации знаниям и уровню подготовки аудитории (иными словами, несоответствие семантических кодов), что особенно важно в случае репрезентации специфических кризисных ситуаций (финансово-экономических, экологических, технологических и др.). Другой вариант селективного восприятия связан с тем, что любая кризисная ситуация рассматривается участниками и заинтересованными лицами посредством стереотипных характеристик «виновник – жертва», которая выражает дихотомию «за – против» (принятие – непринятие репрезентации кризиса, одобрение – неодобрение предпринимаемых действий). В этом случае имеет место глубинная мифологическая структура мышления, связанная с метафорой «козла отпущения» – причины всех бед. Создание «козла отпущения» упрощает восприятие действительности. Так, например,

виновниками мирового экономического кризиса 2008 г. называют банкиров, которые вкладывали огромные средства в необеспеченные ипотечные бумаги, что в конечном счете стало причиной краха всей финансовой системы. Образ «козла отпущения» – пример устойчивого стереотипа, существующего в обществе. По мнению классика изучения стереотипов У. Липпмана, процесс социальной перцепции в большей степени зависит от имеющихся прообразов, «картинок в голове»¹⁵, которые и являются теми рамками, в контексте которых люди воспринимают окружающую действительность. Этот стереотип «козла отпущения» в контексте кризисных коммуникаций обуславливает необходимость репрезентации позиции компании по вопросу произошедшего кризиса. В противном случае объяснение будет сформировано без учета позиции организации.

Одним из наиболее важных элементов коммуникационной цепи является аудитория. Это целевые группы деятельности организации, которые включают в себя клиентов, акционеров, членов совета директоров, конкурентов, государственные структуры, регулирующие органы, персонал и другие группы. Прежде всего важно разделять внутреннюю и внешнюю аудиторию. Внутренняя – персонал и сотрудники, причем как действующие, так и бывшие и потенциальные, – является стратегическим ресурсом организации. Внешняя представляет собой широкую группу лиц, связанных или потенциально связанных с деятельностью организации. В случае кризисной ситуации важно грамотно определить аудиторию, которая непосредственно вовлечена в кризис, лидеров общественного мнения для данных групп ответственности, а также ту аудиторию, которая может при определенных обстоятельствах быть косвенно вовлечена в кризисные события. Фактически это является первоочередной задачей, поскольку любая коммуникация будет бессмысленной и неэффективной, если не определена аудитория, на которую необходимо оказать коммуникационное воздействие. Таким образом, мы логически подошли к следующему элементу коммуникационной цепи – эффекту коммуникации.

Эффекты могут рассматриваться с трех позиций: поведенческие, эмоциональные и когнитивные. Каждый из вышеназванных эффектов находит специфическую реализацию в процессе кризисных коммуникаций. Поведенческие формулируют ответ на вопрос: «Что мы (организация) хотим, чтобы целевые группы делали/не делали?». Примером применения в случае кризиса могут служить превентивные меры против акций протеста общественности, забастовок персонала (в случае непонимания или неверной интерпретации действий компании) и другие. Эмоциональные формируют аффиинити¹⁶ – положительный эмоциональный контекст существования организации, товаров и услуг. Данный эффект можно рассматривать как создание «подушки безопасности»

– кредита доверия к организации, который в ситуации кризиса будет способствовать более доброжелательному отношению целевых групп к репрезентации кризиса организацией. Когнитивные эффекты («Что мы (организация) хотим, чтобы целевые группы знали?») формируют систему ключевых сообщений (базовой информации), необходимых для снижения неопределенности у целевых групп во время кризиса.

Последним элементом коммуникационной цепи является обратная связь, значение которой особенно возрастает в кризисной ситуации и позволяет произвести адекватное сопоставление исходящей информации и воспринимаемого сообщения целевыми группами.

В западной социологии исследователями рассматривается также более специфическая информационно-интеграционная теория Н. Андерсена, которая акцентирует внимание на вопросе сопоставления (интеграции) человеком информации, поступающей к нему из нескольких источников. В кризисной ситуации первостепенным является оказание влияния на установки ключевых групп. Однако, как отмечают западные социологи, социальная оценка основана на сочетании различной информации, в том числе и слухов, сведений очевидцев события, внешности и социального статуса коммуникаторов¹⁷. В соответствии с интеграционным подходом информация оказывает влияние на систему установок индивида в зависимости от её валентности и веса. Под валентностью понимается характеристика информации в категориях «положительная – отрицательная». Вес информации – субъективная оценка реалистичности информации для индивида исходя из доверия/недоверия к источнику. Валентность показывает, в каком направлении изменяется установка, вес же – насколько сильно это происходит¹⁸. В кризисной ситуации важно вписать информацию в контекст общественного дискурса и объяснить уровень риска или опасности, который кризис представляет для ответственности, что создает наибольшую заинтересованность и вовлеченность целевых групп в процесс коммуникации. В итоге интеграционная информационная теория позволяет сделать вывод, что эффективность ключевых сообщений в кризисной ситуации напрямую зависит от уровня доверия к источнику информации (коммуникатору). Тем самым снова акцентируется внимание на необходимости формирования кредита доверия организации до начала кризиса.

Наконец, еще один теоретический подход изучения кризисных коммуникаций связан с системой управления информацией и может быть рассмотрен с точки зрения теории игр. П. Мерфи отмечает, что трудно найти сферу, где теория игр может быть более полезной, чем кризисные коммуникации, когда ставки высоки, управленческие решения необратимы и каждый шаг в коммуникационном процессе приводит к видимым результатам¹⁹. Данная концепция дает

оценку возможным последствиям ситуации, когда два или более участника вовлечены в конфликт, преследуя собственные цели. Одной из типологий игр является разделение на игры с нулевой суммой и игры с ненулевой суммой²⁰. Игры с нулевой суммой – это простейшая форма решения конфликта, при которой одна сторона выигрывает, а другая терпит поражение. Другими словами, сумма всех выигрышей в таком случае равна сумме всех проигрышей при любом исходе. В случае игр с ненулевой суммой выигрыш одного игрока не обязательно обозначает проигрыш другого, и наоборот.

Теория игр получила широкое практическое использование в системе связей со СМИ, особенно в кризисных ситуациях. Только предоставляя информацию, организация во время кризиса имеет возможность увеличить свой кредит доверия со стороны СМИ, даже если эти действия могут иметь кратковременные негативные последствия для имиджа организации. В обмен компания заручается поддержкой СМИ при коммуникации с общественностью и восстанавливает доверие к менеджменту организации. Подобного рода компромисс является взаимовыгодным, поскольку СМИ получают доступ к информации, а компания – инструмент для контроля кризиса посредством тех же СМИ. Любая кризисная ситуация с точки зрения PR – это игра с ненулевой суммой, в которой нет чистых победителей и проигравших.

Следует обратить внимание еще на одно важное обстоятельство. Кризисная ситуация означает необходимость принятия тяжелых решений. Кризис – это и новая, и нестандартная, и неоднозначная ситуация одновременно. Поэтому возрастает роль, с одной стороны, управления, с другой – личности. Исследователи выделяют несколько уровней в процессе принятия решений²¹. Первый уровень определяется как рутинный тип решений, который предполагает неукоснительное следование процедуре, оценку ситуации, гуманное лидерство и контроль, мотивацию. При принятии такого рода решений менеджер ведет себя предсказуемым образом, в соответствии с имеющейся программой, он должен идентифицировать ситуацию и взять на себя ответственность за начало определенных действий. На втором уровне тип решений называется селективным и требует осуществления процедур установления целей, планирования, анализа развития и анализа информации. На этом уровне допускается инициатива и свобода действий, однако в определенных границах. Здесь менеджер оценивает достоинства целого круга возможных решений и старается выбрать из некоторого числа хорошо отработанных альтернативных действий те, которые лучше всего подходят к данной проблеме. Результативность зависит от способности менеджера выбрать такое направление действий, которое с максимальной вероятностью окажется приемлемым и эффек-

тивным. Третий уровень характеризуется адаптационным типом решений, который основывается на идентификации проблемы, ее систематизации и анализе возможных рисков. Подобное решение в определенном смысле может быть абсолютно новым, нестандартным. Четвертый уровень – это инновационный тип решений, когда первостепенное значение приобретают творческое управление, стратегическое планирование, системное развитие. Именно данный тип принятия решений характерен для кризисных ситуаций. В такой ситуации для руководителя важно умение прогнозировать и оценивать неожиданные и непредсказуемые риски, принимать нестандартные решения.

Среди социолингвистических подходов в изучении теории кризисных коммуникаций особого внимания заслуживает нарративный анализ. В традиционном понимании нарратив определяется как текст, описывающий некую последовательность событий (история, рассказ, повествование)²². Исследователи нарратива в социолингвистике рассматривают его как текст и как процесс. У. Лабов отмечает, что по структуре устного нарратива рассказывание истории включает не только сюжетные, но и несюжетные элементы, связанные с интерпретацией истории рассказчиком и её восприятием аудиторией²³. Иначе говоря, присутствие рассказчика весьма ощутимо и значимо. Нарратив – это не просто набор фактов или объем информации, это способ структурирования опыта восприятия, организации памяти, конструирования событий. У. Фишер трактует нарратив как теорию символического взаимодействия (слов или поступков), которое характеризуется последовательностью и значимостью для тех, кто в нем участвует, создает и интерпретирует его²⁴. Очевидно, что конструирование нарратива – это идеальный метод передачи символов и значений, что особенно важно во время кризисной ситуации. Нарратив не просто излагает события, но делает их доступными для понимания, в каком-то смысле упрощая реальность.

Как отмечает Е. Р. Ярская-Смирнова, в соответствии с парадигмой У. Лабова нарратив включает шесть элементов²⁵: тезисы, ориентацию (соотнесение времени, места, ситуации, участников истории), комплекс действий (последовательность событий), оценку (значимость и смысл действий, отношение рассказчика к этим действиям), резолюцию (что случилось к концу концов) и коды (возврат к настоящему времени). Пресс-релизы как основной PR-документ во взаимодействии со СМИ строятся по такой же схеме, конструируют тексты в конкретном контексте и тем самым являются нарративом.

В зависимости от характера референта выделяют три типа нарративов²⁶: личностный (нарратив персонажа), идеологический (нарратив-доктрина) и событийный (нарратив ситуации). Последний вид может быть применим в ситуации кризиса. Важным свойством нарратива является

его «объяснительность». Придумывается история, под которую подгоняются реальные факты и события. Благодаря этому нарратив дает возможность осмысления сложных и запутанных ситуаций, каковыми и являются ситуации кризиса.

В зарубежной литературе при рассмотрении вопроса конструирования нарративов в кризисных ситуациях выделяют пять типов нарративов²⁷:

1. Индивидуальные/коллективные нарративы. В этом случае используется стратегия построения так называемого нарратива причастности, когда публикуются истории обычных людей, прямо или косвенно связанных с произошедшим инцидентом. Это способствует формированию доверительного отношения к информации и большему пониманию ситуации общественностью.

2. Нарратив «козла отпущения», представляющий собой стратегию поиска виновных, на которых возлагается ответственность за действия других, вина за неудачу, для того чтобы скрыть её настоящие причины. Для СМИ важно в материалах ответить на вопрос, кто или что является причиной кризисной ситуации, такого рода оперативное коммуникационное реагирование на кризис может предотвратить большие репутационные риски.

3. Превентивный нарратив – представляет собой обсуждение в СМИ вопросов, связанных с поиском путей предотвращения или недопущения какой-либо кризисной ситуации.

4. Нарратив «будущего» – это история о возможном развитии событий. В кризисной коммуникации этот вид нарратива может оказаться ключевым. Кризисная ситуация ставит под сомнение типовые сценарии, она разрушает привычный ход событий, может негативно сказаться на общественном мнении, если не использовать грамотных кризисных коммуникаций.

5. Рефлексивный нарратив – направлен на поиск средств борьбы с последствиями кризиса. В кризисной коммуникации он используется для оценки действий команды и разработки ключевого сообщения о том, какие выводы сделала компания после анализа сложившейся ситуации. Это могут быть корректировка технологий, увольнение виновных, перенесение производства, изменение финансовой политики и многое другое. Рефлексивные нарративы служат главным образом для того, чтобы оправдать поддержку общественности.

На наш взгляд, нарративный подход к рассмотрению кризисных коммуникаций обладает большим потенциалом и высоким уровнем практической применимости. Специалисты по PR являются профессиональными рассказчиками историй. Представляя какую-либо компанию, человека, событие или продукт, для PR-практиков важно создать их уникальную историю, доступную и понятную для целевой аудитории. Важно при этом, что кризисная коммуникация как особый вид дискурса характеризуется оперированием

не деталями, а целыми смысловыми блоками²⁸. В ситуации кризиса люди ощущают потребность в завершённом типе текста, сюжет которого доводится до предела. Поэтому кризисные нарративы могут рассматриваться в качестве вербальных гештальтов, то есть целостных образов, которые формируются в сознании человека при восприятии объектов или при представлении о них, и целостных структур, в принципе не выводимых из образующих их компонентов.

Наиболее близкой к нарративному подходу является социально-политическая теория кризисной ситуации, в соответствии с которой ее анализ осуществляется на основе разбивки общего значения на более мелкие составляющие и институционализации социально обусловленных взаимосвязей. По мнению приверженцев данного подхода, «истинной» реальности не существует, она формируется под воздействием приобретенных знаний, накопленного в прошлом опыта. Это утверждение может рассматриваться как прикладное применение теории социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана²⁹. Общество создается благодаря деятельности индивидов, которые обладают знанием в виде субъективных значений или коллективных представлений. Следовательно, социальная реальность конструируется конкретными субъективными значениями людей в процессе их деятельности. Созданный в процессе социализации интересующий мир продолжает существовать, но его необходимо постоянно поддерживать. Эту функцию выполняет легитимация, то есть способы объяснения и оправдания социальной реальности, которую осуществляют особые «агенты поддержания» — значимые другие. Более того, реальность возможно сформировать с помощью информации и реализации кризисного коммуникационного плана в качестве меры разрешения кризисной ситуации. Процесс восприятия кризиса, реагирование на него и на его последствия могут поддаваться корректировке на основе конструирования «нужного» восприятия кризиса специалистами по связям с общественностью.

Другая западная социально-психологическая теория, которая может быть применима для выстраивания кризисных коммуникаций, – это теория атрибуции, объясняющая, каким образом люди воспринимают собственное поведение и поведение других людей. Данный подход был разработан Ф. Хайдером, позже расширен К. Келли. Ф. Хайдер утверждает, что все формы поведения определяются внутренними или внешними факторами³⁰.

Внешняя, или ситуативная атрибуция, – когда причинность приписывается какому-либо внешнему фактору, агенту или внешней силе, тому, что не находится под нашим контролем. Воспринимается людьми как отсутствие какого-либо выбора, что ведет к тому, что человек не чувствует ответственности.

Внутренняя, или диспозитивная атрибуция означает, что причинность приписывается внутреннему фактору, который находится под контролем самого человека. Данный вид объяснения вызывает чувство ответственности.

Исследования американских социальных психологов показывают, что большинство людей предвзято в своих суждениях относительно того, кто или что ответственно за то или иное явление или действие³¹. Так, люди склонны приписывать успехи других и собственные провалы внешним факторам (не воспринимая их как личные заслуги или собственную вину) и определять собственные успехи и провалы другими внутренними факторами (ассоциируя с личной заслугой и личной виной других людей соответственно). Сегодня теория атрибуции используется в разных областях знаний, в том числе и в работе с персоналом и маркетинговых коммуникациях. Применяя теорию атрибуции к кризисным ситуациям, необходимо отметить, что восприятие кризиса аудиторией напрямую связано с тем, какими факторами будет объясняться его возникновение. Авторы исследования «Атрибуция в кризисных ситуациях», изданного Гарвардским университетом, пришли к выводу, что угроза для репутации организации намного выше, если общественность находит причину кризиса в действиях самой организации (внутренняя атрибуция) и минимизации воздействия на имидж компании можно достичь путем акцентирования ситуационных независимых факторов (внешняя атрибуция). Ориентация на внутреннюю атрибуцию повышается, если кризисная ситуация повторяется, тем самым усиливая восприятие компании как неспособной управлять нетипичными ситуациями.

Рассмотрение влияния внешних факторов на восприятие кризисной ситуации находит продолжение в ситуационной теории кризисных коммуникаций У. Кумбса³². У. Кумбс приводит пример: если в случае авиакатастрофы общественность обладает информацией о том, что причиной её стал пилот, который не справился с управлением (внутренняя атрибуция), то вина будет возложена на авиакомпанию. Если же будет ретранслирована информация, что причиной стал не спрогнозированный синоптиками шторм (ситуационный фактор), то ответственность будет возложена на авиакомпанию в гораздо меньшей степени. Следует отметить, что в примере речь идет о вымышленном инциденте, но который как нельзя лучше отражает суть вариативности интерпретаций произошедшего события. Эта логика рассуждения близка, с одной стороны, парадигме множественности интерпретаций текста в герменевтике и обусловлена вечным «эффектом Расемон», с другой – возникает своеобразный замкнутый круг, в котором каждое событие может быть описано множеством текстов, отражающих разные точки зрения на произошедшее, и каждый текст, в свою очередь, может иметь множество

интерпретаций. В ситуативной теории кризисных коммуникаций У. Кумбс вводит термин «кризисная история», который отражает факт, сталкивалась или нет организация с подобным кризисом в прошлом, и показывает, насколько эффективно компания взаимодействует с заинтересованными лицами в подобной ситуации. У. Кумбс утверждает, что в случае неоднократного повторения схожих кризисов в общественном восприятии ответственность компании повышается (имеет место внутренняя атрибуция). У. Кумбс и Ш. Холладей предполагают наличие двух дополнительных эффектов: «эффекта гало» и «эффекта Велкро»³³. Если организация поддерживает позитивные взаимоотношения с общественностью и в прошлом сумела сформировать благоприятный контекст собственной деятельности, то имеет место «эффект гало», или перенесение ореола благоприятного отношения к организации для минимизации репутационных рисков в случае кризиса. Действует и обратная логика: если организация имела неблагоприятный имидж, то в ситуации кризиса он может усугубить негативное общественное настроение по отношению к ней. Данная зависимость получила название «эффект Велкро» (происходит от названия товарной марки застежки-липучки, которая активно используется в одежде и обуви с 80-х гг. XX в.). Существование данных эффектов подтверждается теорией когнитивной конгруэнтности. Суть разработок Ч. Осгуда и П. Танненбаума заключается в том, что делается попытка предсказать изменение отношения (или аттитюда), которое произойдет у личности под влиянием стремления установить соответствие внутри ее когнитивной структуры, не к одному, а одновременно к двум объектам³⁴. Если реципиент позитивно оценивает коммуникатора, дающего позитивную оценку какому-то явлению, которое сам реципиент оценивает негативно, то в когнитивной структуре этого реципиента возникает ситуация неконгруэнтности; два рода оценок – моя собственная и позитивно мною воспринимаемого коммуникатора – не совпадают. В практике PR данная концепция широко используется для перенесения позитивной оценки коммуникатора на информацию, которую он транслирует. Использование «нужного» лица – важный принцип любой коммуникации, где требуется корректировка установок реципиентов. В ситуации кризисной коммуникации эффективность коммуникации будет зависеть, в частности, от выбора коммуникатора от организации, который бы производил благоприятное впечатление на целевые группы, одновременно будучи компетентным в вопросах конкретной ситуации.

Для более глубокого осмысления теоретических основ кризисных коммуникаций рассмотрим еще одну концепцию когнитивного подхода. Теория когнитивного диссонанса, созданная Л. Фестингером, явилась продолжением разработки идеи «социального сравнения». Исходным высту-

пают понятие потребности, причем анализируется особый вид потребностей, а именно потребность в знании, потребность знать связано, последовательно, непротиворечиво. Теория когнитивного диссонанса может быть изложена в трех основных моментах³⁵: 1) между когнитивными элементами может возникнуть диссонанс; 2) существование диссонанса вызывает стремление уменьшить его или воспрепятствовать его росту; 3) проявление этого стремления включает или изменение поведения, или изменение знаний, или осторожное отношение к новой информации. Следует отметить, что люди по-разному переносят состояние диссонанса и чаще всего наблюдается реакция сублимации (вытеснения информации, которая противоречит их установкам и знаниям) или активизация поисков информации, подтверждающих одно из знаний. Применительно к кризисной коммуникации следует отметить, что любой кризис является причиной когнитивного диссонанса. Существовавшие знания подвергаются сомнению и переоценке. В этом случае специалисты по кризисным коммуникациям должны учесть мнения, циркулирующие в обществе, и предложить обществу непротиворечивую систему знаний о кризисе. Теория когнитивного диссонанса может иметь эффективное применение для корректировки общественного мнения. Сначала искусственно создается диссонанс у целевых групп, затем предлагается выход из противоречия, который будет соответствовать целям коммуникации.

Таким образом, знание методологических основ изучения кризисов создает базу для планирования кризисной коммуникации организации, создания программы предкризисных мероприятий и кризисного пакета организации.

Примечания

- 1 См.: *Smith J. L.* A public relations practitioner's Guide to Crisis Communications. Georgia State University. 2007. P. 6.
- 2 См.: Антикризисный менеджмент / под ред. А. Г. Грязновой. М., 2003. С. 12.
- 3 *Чумиков А. Н.* Связи с общественностью. Паблик рилейшнз. М., 2001. С. 128.
- 4 См.: *Fearn-Banks K.* Crisis Communications: A casebook approach. Mahwah, NJ., 2002. P. 1.
- 5 См.: *Fink S.* Crisis Management: Planning for the Inevitable. NY., 2000. P. 101.
- 6 См.: Encyclopedia of Public Relations / ed. by Robert L. Health. Houston, 2004. P. 217.
- 7 См.: *Littlejohn R. F.* Theories of Human Communication. Belmont, 2004. P. 8.
- 8 См.: *Улмер Р., Селлнау Т., Сиджер М.* Эффективная кризисная коммуникация / пер. с англ. Харьков, 2011. С. 21.
- 9 Управление кризисом. Как выйти из кризиса. URL: http://www.ci-journal.ru/article/411/200804_upravlenie_crizisom (дата обращения: 30.09.2011).
- 10 См.: *Березин В. М.* Курс лекций по теории коммуникации. М., 2002. С. 120–124.
- 11 См.: *Kelman H., Hovland S.* Reinstatement of the communicator in delayed measurement of opinion change // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1990. № 3. P. 31–50.
- 12 См.: *McCombs M., Shaw D.* The Agenda-Setting Function of Mass-Media. Public Opinion Quarterly. V. 36. 1972. P. 110.
- 13 См.: *Smith J. L.* A public relations practitioner's Guide to Crisis Communications. Georgia State University, 2007. P. 30.
- 14 См.: *Соколов А. В.* Общая теория социальной коммуникации. М., 2000. С. 15.
- 15 См.: *Lippman W.* Public Opinion. N.Y., 2005. P. 5.
- 16 См.: *Борисов Б. Л.* Технологии рекламы и PR. М., 2004. С. 596.
- 17 См.: *Anderson N. H.* Integration theory and attitude change // Psychological Review. № 78. 1989. P. 171.
- 18 См.: *Littlejohn S. W., Foss K. A.* Theories of Human Communication. Belmont, 2004. P. 141.
- 19 См.: *Murphy P.* Using games as a model of a Crisis Communications // Public Relations Review. 1987. № 13. P. 19.
- 20 См.: *Оуэн Г.* Теория игр. М., 2008. С. 15.
- 21 См.: *Анохин П. К.* Принятие решения в психологии. М., 1974. С. 56–80.
- 22 См.: *Шейгал Е. И.* Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. Вып. 22 (2). Екатеринбург, 2007. С. 86.
- 23 См.: *Labov W.* Speech actions and reactions in personal narrative // Analyzing discourse: Text and talk / ed. by D. Tannen. Washington, 1987. P. 219–247.
- 24 См.: *Fisher W. R.* Narration as a human communication paradigm: The Case of Public moral argument. Communication monographs. 1984. P. 2.
- 25 См.: *Ярская-Смирнова Е. П.* Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 55–57.
- 26 См.: *Шейгал Е. И.* Указ. соч.
- 27 См.: *Caldeiro T.* Christopher Crisis Storytelling: Fisher's narrative paradigm and News reporting // American Communication Journal. Vol. 9. Issue 1. 2007. P. 39–45.
- 28 См.: *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации. М., 2001. С. 420.
- 29 См.: *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М. 1995.
- 30 См.: *Heider F.* The Psychology of Interpersonal Relations. N.Y., 1958.
- 31 См.: Attribution in Crisis communications: a test of attribution model and communication theory. Harvard University, 2007. P. 4.
- 32 См.: *Coombs W. T.* Impact of past crisis on current crisis communications: Insights from situational crisis communication theory // Journal of business communications. 2004. № 41. P. 265–289.
- 33 *Coombs W. T. & Holladay S. J.* Helping crisis managers protect reputational assets: Initial tests of the situational crisis communication theory // Management Communication Quarterly. 2002. № 16. P. 165–185.
- 34 См.: *Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А.* Зарубежная социальная психология XX столетия : Теоретические подходы. М., 2002. С. 122.
- 35 См.: Там же. С. 104–110.

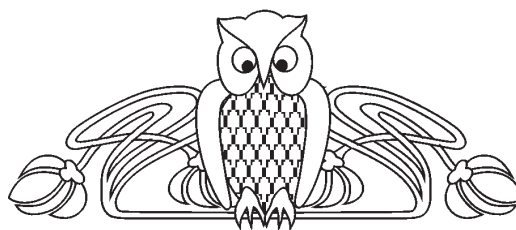

УДК 316. 322

СОВРЕМЕННЫЕ РИСКИ: ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИЗАЦИИ

С. Г. Ивченков

Саратовский государственный университет
E-mail ivchenkovsg@mail.ru

В статье проводится сравнительный анализ современных социологических интерпретаций риска как социального явления, выделяются критерии его анализа, предлагается типология современных рисков, раскрываются основные характеристики рискогенных ситуаций и их восприятия общественным мнением.

Ключевые слова: риск, социальное явление, общество риска, рискогенные ситуации, типология рисков.

Modern Risks: a Problem of Typology

S. G. Ivchenkov

The article deals with comparative analysis of modern sociological interpretations of risk as a social phenomenon. Criteria of risk's analysis are marked out. A typology of modern risks is offered. The main characteristics of systems under the risk and its reflection in public opinion are discovered.

Key words: risk, social phenomenon, society of risk, systems under the risk, typology of risks.

Тема риска относится к числу тех социологических проблем, актуальность которых сегодня не вызывает сомнения¹. Риск изучается различными дисциплинами на разных уровнях анализа – от теоретико-методологического до исследовательских практик. Во второй половине XX в. в обстановке продолжительной политической стабильности и технического прогресса обострилось общественное осознание небезопасности, рискогенности своего существования. При этом социологи считают необходимым показать обществу, что в своем стремлении к благополучию люди избегают одних опасностей, но при этом навлекают на себя другие, еще большие («риск событий со значительными последствиями»²).

Результатом напряженной социологической рефлексии к началу 90-х гг. прошлого века стала концептуализация риска. Н. Луман связывает риск с такими социологическими категориями, как выбор, решение, коммуникация. Э. Гидденс соотносит его с такими феноменами, как «институционализированная среда», «рефлексивная модернизация», доверие. У. Бек предложил концепцию «общества риска» как новую парадигму общественной динамики: расширяющееся производство рисков не балансируется производством благ, напротив, продукт «позитивного» производства превращается в отходы, затраты на снижение уровня загрязнения среды обитания обесценивают произведенные блага; возрастает

дифференциация по признаку подверженности рискам. Концепции У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана достаточно подробно рассматриваются в монографии «Социология риска». Ее автор О. Н. Яницкий вводит понятие «общество всеобщего риска» применительно к современной России³. А. В. Мозговая в ряде работ поставила проблему социологического измерения риска, поиска индикаторов восприятия и эмпирической диагностики рискогенных ситуаций в общественном мнении⁴.

В настоящее время социологи стремятся изучать различные оценки риска, типы отношения к риску в разных обществах и культурах с позиций рациональности/иррациональности поведения человека⁵. В них артикулируется, что риск появляется вместе с непредсказуемостью, неопределенностью будущего. Задача социологии видится в том, чтобы показать обществу, как оно уже живет «с риском», как продуцирует и меняет свое к нему отношение. От прямолинейных попыток указать все новые и новые области риска следует перейти к более гибкому, рефлексивному и в этом смысле опять-таки более рациональному к нему отношению.

Общество сегодня оказалось «обществом риска»⁶. Рискованные ситуации существуют и всегда существовали в любом обществе и касаются взаимоотношений человека с природой, взаимодействия отдельных социальных групп или индивидов, применения технических средств в деятельности человека, взаимоотношений общества и государства, государств между собой, однако характер, масштабы и интерпретация риска существенно различаются.

Исследователями выделяются риски естественные, цивилизационные и глобальные⁷. Однако критерии такой типологии достаточно размыты и неопределенны. В зависимости от масштабов, величины и способа возникновения рискогенного поля целесообразно выделять естественно-локальные риски, общие социально-технологические и глобально-социальные. К первым можно отнести риски, связанные со взаимодействием человека и природы, человека и материального вещного мира, угрозы заболеваний, диких зверей, природных катаклизмов, стихий, холода, голода. Иными словами, естественный риск вытекает из многофакторного сочетания множества самых разных социальных, природных, предметных элементов, находящихся

в постоянной динамике взаимоотношений как между собой, так и с человеком. Это естественное, неотъемлемое свойство жизнедеятельности индивидов, предусмотренное устройством мира в целом. В повседневном общественном мнении естественно-локальный риск отражается как случайный, непредвиденный результат ряда событий, непреднамеренных поступков, как предначертанная необходимость (фатальность) или как наказание за грехи, божье испытание в зависимости от уровня конкретных знаний, общих представлений о мире и религиозности индивида.

К естественно-локальным рискам можно отнести также и социальные риски, связанные с недостаточным развитием социальных отношений, культуры межличностного общения. Это проявляется в таких формах, как нарушение семейных отношений и взаимосвязей, производственной субординации, личная склонность к конфликтам, повышенная агрессивность индивидов и социальных групп, авантюризм, этноцентризм, ксенофобия, повышенная криминогенность, коррупция и пр. В политической сфере естественные рискованные ситуации всегда возникают при решении вопросов, затрагивающих значительные слои населения (о войне, переселении, реформах и пр.).

В любой рискованной ситуации индивид полагается на волю божью, судьбу, удачу, собственную силу и ловкость, а в качестве мер предосторожности стремится обзавестись средствами защиты, заручиться чьей-то помощью и т. д. Естественное стремление человека предусмотреть, учесть все возможные перспективы развития событий, последствия своих и чужих действий и на основе этого принимать решения по обеспечению безопасности является составной частью его повседневных практик. Именно это стремление, нацеленность на упорядочение, более эффективную организацию своей жизнедеятельности способствовало социальной, технологической, политической, интеллектуальной эволюции социума. Оно объясняет также постоянный интерес общества к прогнозированию тех или иных событий, желание унифицировать формы и условия человеческого взаимодействия.

Социально-технологический риск обусловлен развитием индустриальных технологий, когда переход к промышленному производству и освоению природных ресурсов, к разделению труда и массовому производству отдельных видов товаров для обмена через универсальное средство (деньги) способствовал дальнейшей формализации человеческих отношений. Это усиление социальной взаимозависимости различных категорий населения, усложнение общественной организации способствовало увеличению разнообразия векторов движения социальных и экономических агентов и, соответственно, повышению значения риска как фактора жизни и деятельности отдельного человека. Расширение масштабов разработки ископаемых, производства многочисленных от-

раслей промышленности, масштабов занятости, развитие техники способствовали количественному увеличению естественного риска, появлению новых его видов, среди которых самое заметное место заняли технологический, экологический, превращение рискованных ситуаций в распространную характеристику⁸.

К риску индивидуальному добавился риск социальный в виде массовых форм протеста, мировых войн, революций, терроризма, тоталитаризма. Риск превратился в явление массовое, статистически значимое, стал затрагивать безопасность всех индивидов и социальных категорий населения, непосредственно не связанных с опасной деятельностью. Сокращение эпидемиологических заболеваний сменилось в XX в. усилением стрессов, обострением психических, онкологических, сердечно-сосудистых, аллергических заболеваний, а также СПИДом.

Индивидуализация поведения социальных субъектов, модернизация общественных, политических институтов, стратификационные изменения как по линии расслоения по уровню доходов, так и по образованию, роду занятий, культурным ценностям, близости к власти, унификации, формализации человеческих взаимоотношений приводят к трансформации норм поведения в различных публичных, деловых и повседневных ситуациях, изменению оценок, ожиданий участников взаимодействия. Все это способствует появлению разной степени адекватности поведенческих реакций индивидов, усилению многообразия и противоречий их систем координат повседневных стратегий.

В силу этого социальный прогресс, обусловленный стремлением к снижению риска, по сути, способствовал расширению спектра его проявления. Появились финансовые, страховые, кредитные и прочие риски. В политической сфере стремление уменьшить уровень рискованности способствовало становлению демократических, парламентских форм правления, появлению новых форм государственного управления и социальной защиты населения, распределению ответственности, разделению ветвей власти, формированию систем сдержек и противовесов от вероятного риска принятия одной из властных структур социально опасного решения. Однако по мере усиления роли субъективного фактора, волюнтаризма публичности институтов, технологической оснащенности силовых структур также повысился и уровень рискованности в сфере политики.

Общественным мнением социально-технологический риск часто воспринимается как необходимая плата на пути прогресса или результат временной неполноты знаний, не зависящий от воли и выбора отдельного человека. Поэтому избежать его полностью невозможно. Можно предотвратить лишь некоторые его локальные и сиюминутные проявления. Это и вызвало к жизни

научное направление рискологии, появление специалистов, которые призваны профессионально диагностировать, оценивать вероятность рисков и способствовать повышению уровня социальной, технологической, экологической, экономической и прочей безопасности в различных сферах жизнедеятельности социума.

В современном обществе по мере распространения постмодерна, постиндустриальных ценностей кумулятивный эффект нарастания рискогенности способствовал появлению глобально-социетальных рисков, которые из вероятностных превратились в тотальные, стали определяющей характеристикой человеческой жизни, детерминированной степенью адаптивности социума. Сегодня можно констатировать нарушение естественного динамического баланса катаклизмов, вызванных взаимоотношениями человека и природы, когда требуется не просто сохранение, но и восстановление окружающей среды. Каждый случай индивидуального или массового, природного или техногенного риска проявляется теперь на фоне глобального риска, который означает полное отсутствие безопасности.

Глобальное распространение риска отмечено по всем возможным направлениям угрозы жизни, здоровью и имуществу человека, что артикулирует вероятность угрозы существованию человеческого вида. Произошло усложнение вероятностного характера такого явления как риск. Понятие «риск» приобрело статус определяющего для характеристики и измерения постсовременных обществ и мирового сообщества в целом. При этом социальная ответственность становится всеохватывающей, но распределяется в соответствии с властными полномочиями, профессиональными занятиями и личными возможностями человека. Важной спецификой глобально-социетального риска является то, что человек способен контролировать рискогенные ситуации лишь с помощью новейших технологий, которые и обусловили появление различных угроз и опасностей.

В социальной и политической сферах тотальное проникновение риска связано с общим процессом глобализации социальных и политических отношений между государствами, регионами, крупными блоками и мировыми организациями. Последствия любого решения или поведенческая практика этих субъектов выходят далеко за пределы их непосредственных интересов и неизбежно затрагивают многие другие международные организации и отдельные государства.

Глобальный риск еще недостаточно отражается в общественном мнении, принципиальная нестабильность мира не в полном объеме осознается на индивидуальном уровне, когда невозможно предвидеть все угрозы личной безопасности. Однако важны компетентное уточнение изменения ценностей, институтов, способов организации, форм человеческого поведения общества риска, установление критериев предельно допустимого риска (независимо от характера предприняемого дела: политического, технологического или другого). Необходимы разработка общей концепции приемлемости риска, создание социальной технологии по выработке коллективных решений, соответствующих данному политическому моменту, данному уровню технических возможностей, состоянию общественного мнения, выделение принципов перераспределения рисков и ответственности за принимаемые решения.

Примечания

- 1 См.: Никитин С., Феофанов К. Социологическая теория риска: в поисках предмета // Социс. 1992. № 10. С. 12–27; Социальная теория // THESIS. 1994. № 5. С. 105–108.
- 2 Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 107–134.
- 3 См.: Яницкий О. Н. Социология риска. М., 2003.
- 4 См.: Мозговая А. В. Допустимость ущерба как социологическое измерение отношения к риску // Социологические координаты риска. М., 2008; Она же. Социологические детерминанты приемлемости риска // Там же; Она же. Риск как социологическая категория // Социология 4М. 2006. № 22; Она же. Технологический риск как компонент окружающей социальной среды: восприятие и отражение в субкультуре территориальной общности // Риск в социальном пространстве / под ред. А. В. Мозговой. М., 2001. С. 159–180.
- 5 См.: Вилдавски А., Дейк К. Теории восприятия риска: кто боится, чего и почему? // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 268–276; Социальная теория // THESIS. 1994. № 5. С. 105–108; // THESIS, 1994, вып. 5. URL: http://igiti.hse.ru/data/471/313/1234/5_4_2Daed.pdf (дата обращения: 15.10.2011).
- 6 См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
- 7 См.: Ковалева М. С. Эволюция понятия «риск» // Социологическое обозрение. Т. 2. 2002. № 1. С. 19–24.
- 8 См.: Стратегические риски России: оценка и прогноз // МЧС России. М., 2005.

Слово молодым социологам

УДК 316.65: 314.15.015

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Р. Р. Хайруллин

Казанский государственный финансово-экономический институт
E-mail: rh-ghost@narod.ru

В статье рассматривается проблема демографического поведения молодежи, проводится анализ государственной политики на федеральном и региональном уровне. Представлены взаимодействие различных уровней власти по ее реализации, мнение молодежи об эффективности их деятельности, предпочтительных мерах по стабилизации рождаемости, выявленных на основе конкретно-социологических исследований, проведенных при участии автора.

Ключевые слова: демографическая политика, демографическое поведение, рождаемость, репродуктивные установки, гендер, социальные меры поддержки семьи, материнский капитал.

Population Policy of Russia and the Republic of Tatarstan: Demographic Behavior of Youth in Modern Society

R. R. Khayrullin

The article deals with a demographic problem such as the demographic behavior of young people, as well as an analysis of existing government policies at federal and regional levels. It presents the interaction of various levels of government to implement demographic policy and taking into account the opinion of young people about their effectiveness, the preferred measures for stabilization of fertility, identified on the basis of empirical sociological research, in which the author participated.

Key words: population policy, demographic behavior, fertility, reproductive preferences, gender, social support measures for families, maternity capital.

Проблема демографических ценностей и приоритетов в последнее десятилетие находится в центре внимания общественного мнения и государственных структур. Еще в 2006 г. в своем Послании Федеральному собранию РФ Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что снижение рождаемости – это серьезная демографическая проблема. По его словам, никакая миграция не решит демографических проблем России, если не будет создано надлежащих условий и стимулов для роста рождаемости в родной стране, не будут приняты эффективные программы поддержки материнства, детства, семьи¹. На заседании Совета законодателей в Кремле 21 декабря 2006 г., говоря о разработке «Концепции демографической политики Российской Федерации на период

до 2025 года», президент обозначил три уровня реализации единой государственной демографической политики – федеральный, субъектов Федерации и на уровне местного самоуправления. В. В. Путин отметил, что задача федеральных властей в решении вопросов демографической политики – установить общие правила и нормы, предоставить гарантии, обеспечить принятые меры необходимыми финансовыми ресурсами. А коллегам из органов местного самоуправления предстоит информировать людей о содержании принятых документов, дополнять их своими мерами поддержки, разрабатывать собственные региональные стратегии решения демографических проблем, учитывающие региональную специфику, традиции и особенности. Они, в свою очередь, должны быть учтены на федеральном уровне, чтобы в конце концов была сформирована единая государственная политика по этому важнейшему направлению совместной деятельности².

В своем ежегодном Послании Федеральному собранию в 2010 г. Президент Российской Федерации Д. А. Медведев отметил: «Прежде всего, о мерах по улучшению демографической ситуации. По сравнению с 2005 годом рождаемость в России увеличилась более чем на 21%. Это, кстати замечу, один из лучших показателей в мире. Младенческая смертность сократилась на четверть. В прошлом году, впервые за 15 лет, нам удалось выйти на рост численности населения России. Во многом это, конечно, результат работы материнского капитала, национального проекта “Здоровье” и других мер социальной поддержки семей. Мы взялись за демографическую проблему всерьез и надолго, но должны понимать, что в ближайшие 15 лет будут сказываться последствия демографического спада 90-х годов, а число женщин так называемого репродуктивного возраста значительно сократится. И это серьезная угроза, это вызов для всей нашей нации»³.

В детальном отчете к Посланию Государственному Совету Республики Татарстан в 2010 г. Президент РТ Р. Н. Минниханов также значительное место уделил мерам поддержки семьи, материнства и детства. Так, он отметил,

что в результате проводимой демографической политики и инвестирования в здравоохранение удалось значительно улучшить состояние здоровья населения, что отразилось на повышении рейтинга Республики Татарстан среди субъектов Российской Федерации в этой сфере. Татарстан входит в группу регионов с низкими значениями показателей младенческой смертности (5,9 против 7,89 умерших в возрасте до 1 года на 1 тыс. родившихся живыми в среднем по РФ), материнской смертности (8,6 против 22,71 умерших женщин на 1 тыс. детей, родившихся живыми), смертности населения трудоспособного возраста (518,5 против 627,5 умерших на 100 тыс. человек населения соответствующего возраста), занимает пятое место по уровню удовлетворенности населения медицинской помощью (46,5% от числа опрошенных).

Сегодня различными субъектами управления был выдвинут ряд программ по стабилизации рождаемости, которые требуют согласования их законодательного обеспечения. Реализация отечественной стратегии демографического развития на различных уровнях власти происходит на основе разграничения их полномочий и компетенций. Принятая на сегодня «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» последовательно реализует, наряду с действующими национальными проектами в области здравоохранения, образования и обеспечения доступным жильем, систему мер их дополняющих и обеспечивает самостоятельное стратегическое направление государственной политики по обеспечению демографического развития России⁴.

Основными принципами демографической политики в концепции провозглашены: комплексность решения демографических задач; концентрация на приоритетах; выбор по каждому направлению демографического развития наиболее проблемных вопросов и применение эффективных механизмов их решения; своевременное реагирование на демографические тенденции в текущий период; учет региональных особенностей демографического развития и дифференцированный подход к разработке и реализации региональных демографических программ; взаимодействие органов государственной власти с институтами гражданского общества; координация действий законодательных и исполнительных органов государственной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровне.

В целом на уровне Федерации вырабатывается и реализуется определенный набор мер по стабилизации рождаемости, сформулированный в рамках социального, жилищного, организационного и информационного направлений. На республиканском уровне присутствует собственный комплекс законов и других подзаконных актов, которые привлекают дополнительные ресурсы по реализации региональных приоритетов демогра-

фической политики, конкретизируют в соответствии с местными потребностями цели и задачи по стабилизации рождаемости, поддержке семьи с детьми, учитывающие местную специфику.

На региональном уровне — в Республике Татарстан — реализуется «Комплексная программа демографического развития Республики Татарстан до 2010 и на перспективу до 2030 года»⁵. В ее рамках предусматривается реализация мер социального, жилищного, воспитательно-информационного плана: расширение возможности использования материнского капитала при оплате лечения детей, расширение возможности использования ипотеки молодыми семьями, увеличение критерия отнесения семей к категории «молодая семья», рост компенсации по социальной ипотеке в случае рождения 2-го и 3-го ребенка, выплата компенсации части родительской платы за содержание ребенка в детском дошкольном учреждении, осуществление адресной социальной поддержки гражданам, имеющим детей (детское питание, лекарственные средства, школьное питание, детские пособия, субсидии на проезд, оплату жилья, коммунальные услуги), обеспечение жильем многодетных семей, социальная поддержка семей, у которых родилось сразу трое детей, учреждение медали «Материнская слава».

Итак, комплексная программа демографического развития Республики Татарстан учитывает специфику, традиции и особенности региона в сфере демографии, законодательно конкретизирует полномочия региональных и муниципальных органов власти и органов самоуправления в данной области. Ее реализация осуществляется с учетом результатов конкретно-социологических исследований в Республике Татарстан, проведенных при участии автора⁶, целью которых является анализ мнения молодежи по основным демографическим проблемам, ее ценностных установок и моделей поведения. Его выводы позволяют выделить первоочередные меры, которые должно предпринять государство для стабилизации рождаемости на республиканском и муниципальном уровне.

Рассмотрим мнение респондентов о состоянии демографической ситуации в Республике Татарстан и ее перспективах. Согласно результатам опроса, оценивая ситуацию с рождаемостью в РТ, большинство респондентов — 51,5%, — считает ее нестабильной, требующей ряда улучшений, что ситуация стабильная и улучшений не надо, считают 38,4%. Оценивая ситуацию с рождаемостью за последние 10 лет, большинство — 38,9%, — полагает, что она улучшилась, что не изменилась, думают 14,1%, ухудшилась — 11,1%. На вопрос об изменении ситуации с рождаемостью в ближайшие 10 лет опрошенные ответили следующим образом: 26,3% считают, что она улучшится, 16,9% — что не изменится.

В современных условиях наиболее важную роль в изменении рождаемости для населения играют следующие позиции: семья (61,7%), образ

жизни человека (54,4%), медицина (50,2%); затем респонденты очень важным считают государство (40%), экологию (39,4%), место работы (38,5%), а также систему образования (31,5%), религию (24,2%), СМИ (12,9%).

По мнению участников опроса, к снижению рождаемости могут привести следующие внешние причины: экономическая нестабильность, наркомания, алкоголизм. Затем называются отсутствие должной поддержки государством семей с детьми, высокий уровень разводов, плохая экология, плохое медицинское обслуживание.

Среди внутрисемейных причин, которые могут повлиять на их нежелание иметь детей, респонденты отмечают низкий уровень дохода семьи (56,9%), отсутствие и нехватку жилой площади (50,4%), конфликтность супружеских отношений (33,8%), неуверенность супругов в завтрашнем дне (28,9%), маленький размер детских пособий (22,8%). Далее отмечены также карьеризм супругов (15,8%), нехватка мест в детских садах (12,6%), незащищенность женщин (10,7%), отсутствие норм ценностей многодетности в семье.

Наиболее актуальными проблемами для своей семьи в современных условиях молодые респонденты назвали следующие: низкую заработную плату (45,7%), жилищные проблемы (26,5%), конфликт поколений (16,3%), недоступность полноценного летнего отдыха (14,5%), конфликты супругов (13,4%), трудности в получении хорошего образования (10,2%).

Большинство опрошенных молодых людей отметило, что у них детей нет (89,1%), есть один ребенок (6,2%), два ребенка (3,2%). Рождение детей они планируют в следующие сроки: в ближайший год – 5,5%, в три года – 12,9%, в пять лет – 16,9%, свыше 5 лет – 18,1%, не планируют – 15,2%, затрудняются с ответом – 31,5%. Молодые респонденты считают необходимым для средней российской семьи: наличие двоих детей (53,4%), одного ребенка (32%), троих детей (16,7%), чем больше детей, тем лучше (13,6%), полагают, что семья может быть бездетной, 10,9%.

Как показало проведенное социологическое исследование, опрошенные ждут помощи от государства в решении своих проблем. Молодые респонденты действия Правительства РФ в решении проблем повышения рождаемости оценивают как средние и хорошие 44,1 и 10,8% соответственно, как плохие и очень плохие 9,4 и 6,6% соответственно.

Согласно их мнению, государство для повышения рождаемости должно принимать следующие меры: увеличить размер пособий по уходу за ребенком (65,2%), увеличить размер пособий по беременности и родам (42,9%), оказывать помощь в получении жилья семьям с детьми (41,2%), реализовать программы по финансовой поддержке семей с детьми (26,4%), по укреплению семьи (24,8%), увеличить продолжительность декрет-

ного отпуска (19,9%), реализовать программы по распространению ценностей многодетной семьи (9,1%).

В последние годы в качестве одной из существенных мер по решению демографических проблем России является реализация программы «Материнский капитал» – предоставление женщине за рождение второго ребенка сертификата. Согласно исследованиям, собираются ею воспользоваться 30,7%, сомневаются в ее надежности и гарантиях 27%, верят в ее будущее, но не собираются ею воспользоваться 19,1%, не верят в ее будущее, но не критикуют 16,3% опрошенных. Респонденты в рамках исследования ответили на открытый вопрос и сами назвали достоинства и недостатки этой программы. После систематизации они выглядят следующим образом: суммы не хватает для улучшения жилищных условий (19,1%); положительно, но этого мало (12,2%); нельзя обналичить в случае необходимости (10,8%); проявление заботы о людях (10,8%), сложности в оформлении и получении (5,5%) и др.

Конкретизируем, согласно ответам респондентов, размер каких пособий, выплачиваемых семьям с детьми, надо увеличить в первую очередь: пособие по беременности и родам (51,5%); единовременное пособие при рождении (усыновлении) ребенка (41,6%); ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет (37,4%); продление периода оплаты отпуска по уходу за ребенком с 1,5 до 2 лет (26,8%); минимальный размер ежемесячного пособия на детей в семьях, имеющих ежемесячный доход ниже двух средних прожиточных минимумов на каждого члена семьи (24,1%); пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности (23,8%); установление размера единовременного пособия при поступлении ребенка в школу (17,3%).

Как показали исследования, кроме проблемы пособий современная семья с детьми испытывает жилищную проблему и надеется на помощь государства в ее решении. Респонденты выделяют следующие меры, целесообразные, с их точки зрения, для поддержки семьи в решении жилищных проблем: погашение за счет государства части долга по ипотечному кредиту в случае рождения детей (54,5%); внесение государством первоначального взноса по ипотечному кредиту (46,4%); предоставление государством семье, имеющей четырех и более детей, в собственность нового жилья с зачетом стоимости старого жилья (39,0%); введение правовых и финансовых механизмов предоставления банками кредитов на жилье семьям при рождении четвертого и последующих детей с погашением процентов по кредитам за счет государства (19,2%); предоставление застройщикам – семьям, имеющим трех и более детей, земельных участков в собственность под индивидуальное жилищное строительство по цене не более 1000 руб. за сотку

(17,7%); введение дифференцированной системы платы за наем жилья в зависимости от количества детей (16,5%); введение правовых и финансовых механизмов предоставления многодетным малообеспеченным семьям жилых помещений из государственного и муниципального жилищного фонда по договорам социального найма (13,4%).

Кроме решения проблемы пособий и жилья, респонденты ждут от государства и других социальных мер по поддержке семей с двумя и более детьми, таких как: снижение доли оплаты услуг ЖКХ в зависимости от числа детей в семье (56,1%); снижение налоговых платежей с родителей (39,0%); предоставление семейных путевок для совместного отдыха (36,5%); помощь семье в организации собственного дела (кредит, предоставление земли, юридическая помощь (24,9%); предоставление льгот для проезда в общественном транспорте (23,7%); предоставление вне очереди мест в дошкольных и школьных учреждениях (23,6%); предоставление «Сертификатов на образование» для оплаты получения высшего профессионального образования (19,2%); установление льгот при поступлении в учреждения среднего профессионального образования (5,8%).

Респонденты считают, что нужны социальные меры для укрепления семьи и семейного образа жизни:

- реализация мер по пропаганде нравственных и семейных ценностей, формированию установок на создание полной, состоящей в законном браке семьи с двумя и более детьми (43,4%);
- создание центров помощи беременным женщинам и женщинам с детьми, оказавшимся в трудных жизненных ситуациях (34,5%);
- демонстрация социальной рекламы антиалкогольной и антинаркотической тематики, пропаганда здорового образа жизни и духовно-нравственных ценностей (34,4%);
- восстановление моральных стимулов к многодетности (награды, иное поощрение многодетных родителей) (30,7%);
- усиление воспитательной работы в учебных заведениях (30,2%);
- разработка и внедрение в педагогических высших учебных заведениях курсов, направленных на ознакомление учащихся с нравственными и семейными ценностями (19,3%).

Рассмотрим гендерные особенности мнений респондентов. Так, оценивая ситуацию с рождаемостью в РТ, женщины в большей мере, чем мужчины полагают, что ситуация нестабильная и необходимы меры по ее улучшению (54,1 и 48,6% соответственно).

Женщины также считают в большей мере, что за последние десять лет она улучшилась (42,5 и 35% соответственно).

Представления и мужчин, и женщин о перспективах рождаемости близкие: что улучшится в ближайшие десять лет, считают 25,4% женщин и 28,2% мужчин.

Наиболее важную роль в изменении рождаемости, по мнению респондентов-женщин, играют следующие позиции: семья (67,4%), образ жизни человека (60,5%), медицина (56,8%); очень важными они считают экологию (43,9%), место работы (42,3%), государство (39,0%) а также систему образования (32,7%), религию (27,4%), СМИ (12,3%).

Иерархия причин, влияющих на рождаемость, у мужчин имеет некоторые отличия. Роль играют следующие позиции: семья (54,7%), образ жизни человека (46,3%), медицина (41,1%); затем государство (40,0%), экология (33,7%), место работы (32,2%), система образования (29,0%), религия (19,7%), СМИ (13,8%).

По мнению женщин, к снижению рождаемости могут привести следующие внешние причины: экономическая нестабильность (53,4%), наркомания (52,6%), алкоголизм (49,8%). Затем респонденты называют отсутствие должной поддержки государством семей с детьми (45%), высокий уровень разводов (39,3%), плохое медицинское обслуживание (37,5%), плохую экологию (34,9%), политическую нестабильность (16,8%), преступность (15,4%), проституцию (12%), низкое качество образования (9,7%), распространение ценностей однополрой любви (9,5%).

Респонденты-мужчины причинами снижения рождаемости считают следующие: экономическую нестабильность (53,5%), наркоманию (52,7%), алкоголизм (50,9%), отсутствие должной поддержки государством семей с детьми (37,1%), высокий уровень разводов (35,1%), плохую экологию (30,5%), политическую нестабильность (25,1%), плохое медицинское обслуживание (21,5%), преступность (18,8%), проституцию (15,4%), распространение ценностей однополрой любви (12,8%), низкое качество образования (8,6%).

Среди внутрисемейных причин, которые могут повлиять на нежелание молодежи иметь детей, респонденты-женщины отметили: низкий уровень доходов семьи (60,8%), отсутствие и нехватку жилой площади (50,9%), конфликтность супружеских отношений (32,9%), неуверенность супругов в завтрашнем дне (30,2%), маленький размер детских пособий (22,5%), также карьеризм супругов (15,9%), незащищенность женщин (13,2%), нехватку мест в детских садах (13,6%).

Внутрисемейными причинами, способными повлиять на нежелание молодежи иметь детей, респонденты-мужчины посчитали: низкий уровень доходов семьи (51,9%), отсутствие и нехватку жилой площади (49,4%), конфликтность супружеских отношений (34,1%), неуверенность супругов в завтрашнем дне (26,4%), маленький размер детских пособий (23,8%), карьеризм супругов (15,9%), нехватку мест в детских садах (11,2%), отсутствие норм и ценностей многодетности в семье (8,4%).

Наиболее актуальными проблемами для своей семьи в современных условиях респон-

денты-женщины назвали следующие: низкую заработную плату (46,9%), жилищные проблемы (26,8%), конфликт поколений (16,7%), недоступность полноценного летнего отдыха (15,3%), конфликты супругов (13,5%), трудности в получении хорошего образования (11,5%), в обеспечении детей достойным медицинским обслуживанием (10,3%), недоступность качественного досуга (9,5%), алкоголизм (7,0%).

Иерархия тех же проблем с позиций респондентов-мужчин выглядит следующим образом: низкая заработная плата (44,9%), жилищные проблемы (26,1%), конфликт поколений (16,8%), конфликты супругов (13,8%), недоступность полноценного летнего отдыха (13,0%), алкоголизм (9,8%), трудности в получении хорошего образования (8,2%), в обеспечении детей достойным медицинским обслуживанием (8,2%), недоступность качественного досуга (6,1%).

Большинство опрошенных женщин и мужчин отметило, что у них дети отсутствуют (87,5 и 90,9% соответственно), есть один ребенок (7,0 и 5,3% соответственно), два ребенка (4,1 и 2,2% соответственно).

Рассмотрим реальное репродуктивное поведение респондентов. Женщины рождение детей планируют в следующие сроки: в ближайший год – 6,0%, в три года – 14,9%, в пять лет – 18,4%, свыше 5 лет – 18,0%, не планируют – 16,8%, затруднились с ответом – 25,9%.

Опрошенные мужчины рождение детей планируют: в ближайший год – 5,0%, в три года – 10,0%, в пять лет – 14,9%, свыше 5 лет – 18,8%, не планируют – 12,3%, затруднились с ответом – 38,9%.

Необходимым для средней российской семьи респонденты-женщины считают наличие двоих детей (53,7%), одного ребенка (32,6%), троих детей (18,0%), от трех до 5 детей (15,4%), что семья может быть бездетной, полагают 10,5%, чем больше детей, тем лучше (7,7%).

Респонденты-мужчины считают необходимым для средней российской семьи наличие двоих детей (52,7%), одного ребенка (31,6%), троих детей (14,6%), от трех до 5 детей (16,7%), она может быть бездетной 11,7%, чем больше детей, тем лучше (9,9%).

Рассмотрим мнение респондентов – мужчин и женщин – о мерах, принимаемых государством для стабилизации рождаемости в республике. Большинство респондентов-женщин действия Правительства РТ в решении проблем повышения рождаемости оценивают как средние и хорошие 45,7 и 10,9% соответственно, как плохие и очень плохие 8,2 и 6,4% соответственно.

Респонденты-мужчины те же действия правительства РТ оценивают как средние и хорошие 41,7 и 10,6% соответственно, как плохие и очень плохие 10,9 и 7,1% соответственно.

Согласно мнению опрошенных женщин, государство для повышения рождаемости должно

принимать следующие меры: увеличить размер пособий по уходу за ребенком (68,8%), пособий по беременности и родам (46,1%), оказывать помощь в получении жилья семьям с детьми (45,3%), реализовать программы по финансовой поддержке семей с детьми (26,9%), по укреплению семьи (22,1%), увеличить продолжительность декретного отпуска (18,7%), реализовать программы по распространению ценностей многодетной семьи (7,8%).

Мнение респондентов-мужчин по данному вопросу: увеличить размер пособий по уходу за ребенком (60,3%), пособий по беременности и родам (38,4%), оказывать помощь в получении жилья семьям с детьми (36,3%), реализовать программы по укреплению семьи (28,0%), по финансовой поддержке семей с детьми (25,9%), увеличить продолжительность декретного отпуска (21,5%), реализовать программы по распространению ценностей многодетной семьи (10,9%).

Отношение респондентов различных возрастных групп к программе «Материнский капитал» следующее: собираются ею воспользоваться 29,0% женщин и 33,2% мужчин; сомневаются в ее надежности и гарантиях 27,8% женщин и 26,6% мужчин; верят в ее будущее, но не собираются ею воспользоваться 19,8% женщин и 18,4% мужчин; не верят в ее будущее, но не критикуют 16,4% женщин и 16,5% мужчин.

Респонденты в рамках исследования ответили на открытый вопрос и сами назвали достоинства и недостатки этой программы. После систематизации они выглядят следующим образом. Респонденты-женщины основными достоинствами и недостатками программы считают: суммы не хватает для улучшения жилищных условий (16,5%); положительно, но этого мало (11,7%); нельзя обналчить в случае необходимости (11,7%); проявление заботы о людях (9,6%); хоть какая-то помощь (5,7%).

Респонденты-мужчины более категоричны в оценках и основными достоинствами и недостатками программы считают: суммы не хватает для улучшения жилищных условий (25,2%); проявление заботы о людях (12,2%); положительно, но этого мало (11,4%); сложности в оформлении и получении (8,1%); нельзя обналчить в случае необходимости (6,5%); малая сумма пособия при отсутствии другой поддержки (5,7%).

Конкретизируем, согласно ответам респондентов, размер каких пособий, выплачиваемых семьям с детьми надо увеличить в первую очередь. По мнению женщин, в увеличении нуждаются: пособие по беременности и родам (53,1%); ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет (40,7%); единовременное пособие при рождении (усыновлении) ребенка (40,2%); продление периода оплаты отпуска по уходу за ребенком с 1,5 до 2 лет (29,3%); минимальный размер ежемесячного пособия на детей в семьях, имеющих ежемесячно

ный доход ниже двух средних прожиточных минимумов на каждого члена семьи (25,0%), пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности (23,8%); установление размера единовременного пособия при поступлении ребенка в школу (18,3%).

По мнению мужчин, в увеличении нуждаются: пособие по беременности и родам (48,9%); единовременное пособие при рождении (усыновлении) ребенка (43,2%); ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет (33,1%); пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности (26,3%); продление периода оплаты отпуска по уходу за ребенком с 1,5 до 2 лет (24,1%); минимальный размер ежемесячного пособия на детей в семьях, имеющих ежемесячный доход ниже двух средних прожиточных минимумов на каждого члена семьи (22,9%); установление размера единовременного пособия при поступлении ребенка в школу (16,0%).

Кроме проблемы пособий, современная семья с детьми испытывает жилищную проблему и надеется на помощь государства в ее решении. Респонденты-женщины выделяют следующие меры, целесообразные, с их точки зрения, для поддержки семьи в решении жилищных проблем: погашение за счет государства части долга по ипотечному кредиту в случае рождения детей (57,1%); внесение государством первоначального взноса по ипотечному кредиту (44,5%); предоставление государством семье, имеющей четырех и более детей, в собственность нового жилья с зачетом стоимости старого жилья (40,7%); введение правовых и финансовых механизмов предоставления банками кредитов на жилье семьям при рождении четвертого и последующих детей с погашением процентов по кредитам за счет государства (18,2%); предоставление застройщикам – семьям, имеющим трех и более детей, земельных участков в собственность под индивидуальное жилищное строительство по цене не более 1000 руб. за сотку (17,2%); введение дифференцированной системы платы за наем жилья в зависимости от количества детей (16,2%); введение правовых и финансовых механизмов предоставления многодетным малообеспеченным семьям жилых помещений из государственного и муниципального жилищных фондов по договорам социального найма (13,4%).

Респонденты-мужчины называют следующие меры, целесообразные для поддержки семьи в решении жилищных проблем: погашение за счет государства части долга по ипотечному кредиту в случае рождения детей (51,5%); внесение государством первоначального взноса по ипотечному кредиту (48,5%); предоставление государством семье, имеющей четырех и более детей, в собственность нового жилья с зачетом стоимости старого жилья (36,7%); введение правовых и финансовых механизмов предоставления банками кредитов

на жилье семьям при рождении четвертого и последующих детей с погашением процентов по кредитам за счет государства (20,2%); предоставление застройщикам – семьям, имеющим трех и более детей, земельных участков в собственность под индивидуальное жилищное строительство по цене не более 1000 руб. за сотку (18,5%); введение дифференцированной системы платы за наем жилья в зависимости от количества детей (16,7%); введение правовых и финансовых механизмов предоставления многодетным малообеспеченным семьям жилых помещений из государственного и муниципального жилищных фондов по договорам социального найма (13,3%).

Кроме решения проблемы пособий и жилья, респонденты-женщины ждут от государства и других социальных мер по поддержке семей с двумя и более детьми, таких как: снижение доли оплаты услуг ЖКХ в зависимости от количества детей в семье (55,4%); предоставление семейных путевок для совместного отдыха (39,5%); снижение налоговых платежей с родителей (36,1%); предоставление вне очереди мест в дошкольных и школьных учреждениях (26,7%); предоставление льгот для проезда в общественном транспорте (24,5%); помощь семье в организации собственного дела (кредит, предоставление земли, юридическая помощь) (22,4%); предоставление «Сертификатов на образование» для оплаты получения высшего профессионального образования (22,1%); установление льгот при поступлении в учреждения среднего профессионального образования (5,6%).

Респонденты-мужчины ждут от государства следующих социальных мер поддержки семей с двумя и более детьми: снижения доли оплаты услуг ЖКХ в зависимости от числа детей в семье (56,7%); снижения налоговых платежей с родителей (42,5%); предоставления семейных путевок для совместного отдыха (33,0%); помощи семье в организации собственного дела (кредит, предоставление земли, юридическая помощь) (28,1%); предоставления льгот для проезда в общественном транспорте (22,5%); предоставления вне очереди мест в дошкольных и школьных учреждениях (19,7%); предоставления «Сертификатов на образование» для оплаты получения высшего профессионального образования (15,7%); установления льгот при поступлении в учреждения среднего профессионального образования (5,8%).

Респонденты-женщины считают, что нужны следующие социальные меры для укрепления семьи и семейного образа жизни:

- реализация мер по пропаганде нравственных и семейных ценностей, формированию установок на создание полной, состоящей в законном браке семьи с двумя и более детьми (45,7%);
- создание центров помощи беременным женщинам и женщинам с детьми, оказавшимся в трудных жизненных ситуациях (37,9%);
- демонстрация социальной рекламы антиалкогольной и антинаркотической тематики,

пропаганда здорового образа жизни и духовно-нравственных ценностей (33,2%);

– усиление воспитательной работы в учебных заведениях (29,2%);

– восстановление моральных стимулов к многодетности (награды, иное поощрение многодетных родителей) (27,7%);

– разработка и внедрение в педагогических высших учебных заведениях курсов, направленных на ознакомление учащихся с нравственными и семейными ценностями (17,8%).

Респонденты-мужчины считают, что нужны следующие социальные меры для укрепления семьи и семейного образа жизни:

– реализация мер по пропаганде нравственных и семейных ценностей, формированию установок на создание полной, состоящей в законном браке семьи с двумя и более детьми (40,5%);

– демонстрация социальной рекламы антиалкогольной и антинаркотической тематики, пропаганда здорового образа жизни и духовно-нравственных ценностей (35,6%);

– восстановление моральных стимулов к многодетности (награды, иное поощрение многодетных родителей) (35,0%);

– усиление воспитательной работы в учебных заведениях (31,9%);

– создание центров помощи беременным женщинам и женщинам с детьми, оказавшимся в трудных жизненных ситуациях (29,6%);

– разработка и внедрение в педагогических высших учебных заведениях курсов, направленных на ознакомление учащихся с нравственными и семейными ценностями (21,2%).

Итак, стратегия демографической политики должна учитывать такие факторы, как отношение населения, отдельных социально-демографических групп, и быть комплексной, многоуровневой, системной, перспективной, выстраиваться по ряду направлений. На сегодняшний день необходим патерналистский подход, подразумевающий опе-

режающую помощь государства. Ее приоритетами должны быть: поддержка семьи с двумя и более детьми; разработка и внедрение экономических, социальных и культурных стимулов репродуктивного поведения; защита репродуктивного здоровья населения; увеличение коэффициента рождаемости до 1,7 к 2025 году.

Примечания

- ¹ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации от 10 мая 2006 года. URL: <http://kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml> (дата обращения: 10.03.2011).
- ² См.: Выступление В. В. Путина на заседании Совета законодателей в Кремле 21 декабря 2006 г. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=1&idArt=676 (дата обращения: 10.03.2011).
- ³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации от 30 ноября 2010 года. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/9637> (дата обращения: 10.03.2011).
- ⁴ См.: Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Москва, 2007. URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/konceptiya/konceptiya25.html> (дата обращения: 10.03.2011).
- ⁵ Комплексная программа демографического развития Республики Татарстан до 2010 года и на перспективу до 2030 года. Казань, 2008. URL: <http://mert.tatar.ru/rus/index.htm/news/14538.htm?highlight=%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%8B> (дата обращения: 20.08.2011).
- ⁶ Социологическое исследование проводилось ЦПЭИ АН РТ в ноябре 2010 – январе 2011 г. Выборочная совокупность исследования репрезентативна (5 %) и составляет 1100 единиц. Отбор респондентов от 14 до 29 лет осуществлялся на основе квотной выборки. Ее пропорции (пол, возраст, тип поселения) соответствуют основным социально-демографическим показателям населения Республики Татарстан.

УДК 361+929

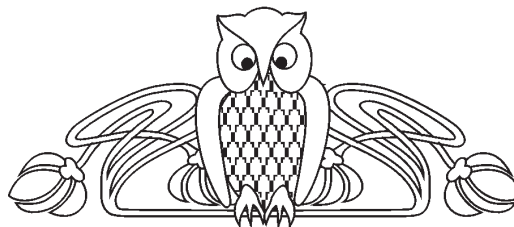
УЧЕНИЕ Н. К. МИХАЙЛОВСКОГО ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ИДЕАЛЕ

В. А. Масленников

Саратовский государственный университет
E-mail: vamvim@yandex.ru

В статье раскрывается сущность учения выдающегося русского социолога Н. К. Михайловского об общественном идеале. Отмечается значение этой концепции в контексте модернизации современного российского общества.

Ключевые слова: Н. К. Михайловский, народническая социология, общественный идеал, социальные реформы.

N. K. Mikhaylovsky's Teaching of Social Ideal

V. A. Maslennikov

The paper reveals the essence of the teaching of social ideal by the outstanding Russian sociologist N.K. Mikhaylovsky. The significance of this concept in the context of modernization of the modern Russian society is noted.

Key words: N. K. Mikhaylovsky, narodniks' sociology, social ideal, social reforms.

В настоящее время наблюдается значительный рост общественного и научного интереса к истории отечественной социологии, богатейшему теоретическому наследию, оставленному мыслителями XIX – начала XX в. В летописи российской социологической мысли значатся имена, которые могут быть предметом национальной гордости. Среди них особое место занимает Николай Константинович Михайловский (1842–1904) – историк, философ, социолог, публицист, литературный критик. Но в историю он вошел прежде всего как идеолог народнического движения, последовательный борец за демократическое преобразование русского общества.

Обладая огромным художественным талантом, широкой эрудицией, научно-философскими знаниями, Михайловский создал множество работ, в которых преобладала социально-политическая тематика. Остроумие и увлекательность, доходчивость и умение связать «злобу дня» с важными теоретическими проблемами, смелая критика «мерзостей жизни» и защита обездоленных принесли ему славу и поставили в центре литературно-политической жизни пореформенной России. Михайловский становится одним из идейных вождей передовой части русского общества, по праву считается «властителем дум» нескольких поколений прогрессивной молодежи¹.

В воззрениях Михайловского всегда можно проследить соединение революционных и либеральных стремлений, но в первый период своей деятельности он, безусловно, придерживался революционно-демократических взглядов: верил в возможность революционного переворота в России и считал необходимым готовиться к нему. «Готовить людей к революции в России трудно, – отмечает он в письме к Лаврову, – готовить к тому, чтобы они встретили революцию, как следует, можно, и следовательно должно»². Эта деятельность должна быть обоснована с научной, социологической точки зрения. Разрабатывая какую-либо теоретическую конструкцию, мыслитель должен в первую очередь выявить её смысловой «стержень», обозначить социальную направленность. Поэтому на всех этапах своей деятельности Михайловский особое внимание уделял разработке учения о социальном идеале.

Уже в первой своей программной статье «Что такое прогресс» (1869) Михайловский выступил с «формулой прогресса», дающей социологическое обоснование деятельности людей в достижении общественного идеала, построенного на солидарности и сотрудничестве. Эти идеи получили всестороннее развитие в ряде последующих социологических работ ученого: «Аналогический метод в общественной науке» (1869), «Теория Дарвина и общественная наука» (1870–1873), «Борьба за индивидуальность» (1875–1876) и др. Совместно

с Лавровым он разработал субъективный метод исследования социальных явлений, который предполагал оценку этих явлений с нравственных, идеальных позиций.

В процессе исследования общественной жизни, в котором замешаны мысли и чувства людей, субъективный метод, по убеждению Михайловского, неизбежен. Но характер научного метода он получает тогда, когда применяется сознательно и систематически. Ученый должен не допускать произвольных оценок, не отбрасывать истину в угоду желаниям. Субъективный метод призван научить людей соединять истинное со своими симпатиями и антипатиями. А что такое «истинное»? Это и есть некий идеал. Поэтому социология, по Михайловскому, должна начать с «некоторой утопии», то есть создания социального идеала, который предусматривает полноценное развитие человеческих способностей³.

Такая методологическая позиция отражает характерные особенности русской общественной мысли рассматриваемого нами периода. Русских мыслителей не удовлетворяла нейтральная трактовка социального развития как объективного процесса, они непременно ставили вопрос о его нравственных, ценностных критериях, «абсолютных» основаниях и конечной цели. Отсюда и стремление определить и сформулировать социальный идеал. Коренная черта русской мысли, отмечает В. И. Шамшурин, – «...поиск постоянства в изменчивости на конкретном материале человеческой жизнедеятельности: что есть неизменного в законе как определённом правовом, социально-политическом знании, позволяющее, несмотря на все перемены, оставаться именно этим, а не другим законом? Каковы скрепы, абсолютные основания человеческой жизни, без которых любое общество, государство, впадая в беспамятство и самонадеянность, разрушаются?»⁴. И мыслитель не должен скрывать своей приверженности определенному идеалу, прятаться за общими, даже очень красивыми и на первый взгляд весьма убедительными фразами, отвлекающими от его истинных намерений. «Социолог, напротив, должен прямо сказать: желаю познавать отношения, существующие между обществом и его членами, но, кроме познания, я желаю еще осуществления таких-то и таких-то моих идеалов, посильное оправдание которых при сем прилагаю»⁵. Такова, по мнению Михайловского, природа социологического исследования.

В чем же состоит методологическая ценность учения Михайловского с точки зрения современного знания? На наш взгляд, заслуга ученого заключается в том, что он стремился обосновать необходимость «теологического элемента» в социологическом исследовании, четко поставил и разработал проблему *целеполагания* в социальных процессах. Целеполагание является необходимым элементом любой человеческой де-

тельности, но особую роль оно выполняет в процессах социальных преобразований, в изменении старых и творчестве новых общественных форм.

Любая цель есть предвосхищаемый и желаемый результат, избранный из веера возможностей, идеально сконструированный образ этого результата, взятый во взаимосвязи со средствами его достижения⁶. Всякое целеполагание – это переход за границы сущего, выход из наличной реальности, попытка совершить мысленные шаги в будущее. Внешняя детерминация целеполагания, то есть его заданность конкретными историческими обстоятельствами, всегда сочетается с субъективными желаниями людей, стремящихся к удовлетворению своих потребностей, решению стоящих на этом пути проблем. Исследователи, специально занимающиеся этой проблемой, отмечали, что следует различать *конкретные* цели деятельности, то есть идеальные образы предметов (результатов) непосредственных действий человека, и более общие, *абстрактные* цели – стремления, то есть представления о некотором общем благе – идеалы, ради которых и осуществляется эта деятельность. Таким образом, в иерархии целей неизбежно присутствует окончательная цель – такое мыслимое предельное благо, которое является конечным основанием деятельности. Его и принято называть идеалом⁷.

В литературе идеал подчас трактуется в основном в абстрактном смысле. Действительно, в значительной мере идеал – результат широкого обобщения целей, потребностей, интересов не только отдельных людей, но и социальных групп, наций и т. д. Несомненна и гносеологическая роль идеала. В этом отношении он может быть рассмотрен как форма познавательного охвата жизни, как попытка мысленного проникновения в будущее, как своеобразная форма социального предвидения. А это невозможно без определенного абстрагирования и своеобразного «отлета» мысли от действительности.

Но все же следует возразить против жесткого связывания категории «идеал» с атрибутом «абстрактный». Понятие идеала абстрактно лишь в том смысле, что его достижение не может быть достаточно полно представлено вне решения целого ряда конкретных повседневных практических задач. Голые, чисто спекулятивные абстракции могут служить предметом интеллектуальных упражнений для специалистов-логиков или философов-схоластов. Однако такого рода абстракции никого ни на что вдохновить не могут, сами по себе они не способны стать побудителями каких-то реальных действий, тем более таких серьезных, как общественные преобразования. История показывает, что роль идеалов иная: они конкретны, поэтому и могут волновать людей, ослеплять их или, напротив, открывать им глаза, заводить в дебри или выводить на широкую дорогу исторического действия. Эта побудительная, активизирующая роль социального идеала, представляющая собой

не выдумку кабинетных «мыслителей», а огромную общественную силу, глубоко и ярко раскрыта в трудах Михайловского.

Следует отметить, что в пореформенный период проблема социального идеала, то есть «абсолютного» обоснования программы общественных преобразований, интересовала не только социологов-народников. Другое направление общественной мысли – «государственная школа» – в лице ее видного представителя Б. Н. Чичерина также провозглашала, что главная задача социологии – «определение общественных идеалов для современного человечества»⁸. Подобное утверждение можно найти практически у всех крупных представителей нарождающейся русской социологии: западников и славянофилов, либералов и консерваторов, марксистов и анархистов. Надо учитывать политизированный и публицистический характер отечественной социологии, особенно на первых этапах ее формирования и развития. Все выдающиеся ее представители стремились ответить на вопрос: «Что делать?». Этого требовала жизнь. И в их произведениях модели будущего предстают не как тощие абстракции, не как вымученные и засушенные схемы, а как насыщенные, полнокровные образы, наполненные гуманистическим содержанием.

Но подчас проще было представить идеальный образ будущего в художественной форме (как это сделал Н. Г. Чернышевский в знаменитом романе «Что делать?»), чем дать его четкое и логически стройное теоретическое обоснование. Особенно это заметно у представителей народнического направления.

Напрасный труд – искать в работах Михайловского и его единомышленников четкие представления о конкретных чертах «идеального» общественного устройства. Ясно лишь одно, что это будет реальное претворение в жизнь принципов свободы, равенства и солидарности людей. Этот идеал существует в умах «критически мыслящего меньшинства», то есть представителей разночинной интеллигенции. Именно через самосознание интеллигенции вводится в социологическую науку «телеологическая точка зрения», «некоторая цель, которой желательно достигнуть».

Писатель В. Г. Короленко так характеризовал взгляды Михайловского на эту проблему: «Среди расколовшегося мира есть и долго еще будет человеческий тип, болеющий этим расколом, но занимающий в нем свое собственное определенное место. Это то, что принято называть общим названием интеллигенции. Она чувствует ненормальность раскола. Она стремится к слиянию разных частей расколовшегося мира, к тому, чтобы люди были равны. Это не нивелировка, не обезличивание, Михайловский выразил это своей формулой: разнообразие, разносторонность, душевное богатство личностей и однородность общественной структуры. Интеллигенция чувствует, что ее в том виде, как она есть теперь, не должно

быть в будущем обществе. Но это не причина для самоуничтожения. Ведь несомненно, что и пролетариата, и крестьянства в том виде, как они есть, тоже не должно быть. Те, кто представляют себе это будущее как усовершенствованную деревню нынешнего типа, также ошибаются, как и те, кто полагают, что это будет усовершенствованная нынешняя фабрика и что пролетариат войдет в землю обетованную нынешним пролетариатом»⁹.

В социальном идеале, как учили Лавров и Михайловский, воплощается обобщающая формула смысла истории, которую они сводили к объединению двух прогрессивных аспектов общественной жизни: развития солидарности в организациях коллективных и роста сознательных начал в организациях индивидуальных. Теория прогресса как основная часть социологии должна, по Михайловскому, удовлетворять трем главным условиям: 1) служить методом при изучении окружающего мира; 2) служить руководящей нитью в практической деятельности; 3) содержать в себе такой идеал счастья, который увлекал бы последователей с непреодолимой силой.

Однако большинство теорий прогресса, как замечает Михайловский, не отвечает этим условиям, поскольку создается лишь для объяснения прошлого и настоящего и редко заглядывает в будущее, а если и заглядывает, то видит большей частью вещи неприятные. История в их изложении напоминает скучный роман со скучным концом. Но для того чтобы каким-то образом мобилизовать людей на борьбу за улучшение своей жизни, необходимо создать оптимистический образ будущего. Не будет ли это очередной попыткой самообмана, строительства воздушных замков? Михайловский решает эту проблему путем деления идеалов на два вида – ближайшие и отдаленные. Что касается конечного идеала, завершающего состояния человечества, то рассуждать на эту тему социолог не берется. «Если читатель спросит о нашем мнении на этот счет, то мы ему ответим: не знаем. И прибавим в утешение, что этого и никто не знает... Но нам, собственно говоря, до этого нет дела не только потому, что конец романа слишком далек от нас для того, чтобы могли принимать его в соображение практически, но и потому, что каков бы он ни был, мы поневоле будем бороться до конца, выработка идеалов ... прекратиться не может»¹⁰.

Михайловский призывает социологов сосредоточить внимание на ближайшем, как сейчас бы выразились, «предвидимом» будущем, на выработке такого идеала, который был бы достаточно близким и достижимым. Сам он немало потрудился в этом направлении. Многочисленные высказывания о сути и роли социального идеала, разбросанные на страницах его произведений, складываются в единую концепцию, которая, конечно, не является полностью завершенной и исчерпывающей, но имеет большое методологическое значение. Учение Михайловского об идеале неразрывно связано с концепцией исторического

прогресса. Социологи, утверждал он, должны «разобраться в пестрой массе исторических фактов, расположив их в известной перспективе, в конце которой, хотя бы и очень отдаленном, должен сиять известный идеал, нечто желательное с точки зрения исследователя и руководящее в практической деятельности»¹¹.

Практический аспект идеала более всего интересует Михайловского. Весь пафос его учения направлен на доказательство того, что социальный идеал реален, достижим. Этот идеал нельзя рассматривать как красивую мечту о недостижимом совершенстве. В то же время ученый обращает внимание на то, что идеал не есть то, что легко и беззаботно, просто и безболезненно утверждается в жизни. Движение к идеалу – глубоко противоречивый процесс, включающий в себя восхождение по длинной лестнице реализации промежуточных зримых и ощутимых целей. Высшие цели должны увязываться со злободневными вопросами, с тем, «что нас сейчас щемит и тревожит»¹². Реализуя эти ближайшие цели, выражающие непосредственные, конкретные потребности и устремления, люди тем самым наполняют дальнюю и предельную цель – идеал – живым материалом действительности, постепенно превращают его в реальность.

Размышляя о пути достижения идеала, Михайловский предупреждает о заблуждениях, которые подстерегают на этом тернистом пути. Человек может считать недостижимым идеал вполне возможный и, наоборот, посвятить свою жизнь совершенно фантастической мечте. Если идеал выбран правильно, если он реальный, достижимый, то возникает новая проблема – когда и как его можно осуществить. Реализация идеала зависит от различных обстоятельств времени, места и образа действия. К высоким общественным идеалам нет коротких и прямых дорог, ибо для их достижения необходимо преодолеть или обойти многосложные препятствия, нараставшие, быть может, целыми веками.

Существенными представляются и замечания Михайловского о том, что каждый человек (имеется в виду человек мыслящий, честный, неравнодушный к общественным делам) должен обрести свое личное понимание идеала и правильно определить свое место в реализации общих задач. А место здесь найдется для каждого. Хромой Гиртей (древнегреческий поэт) был плохим воином, но его поэзия воодушевляла спартанцев на военные подвиги. Таким путем он добивался большего, чем личным участием в сражениях. «Труба, зовущая на бой», подчеркивает Михайловский, служит идеалу не меньше, чем непосредственное участие в бою. Это высказывание относится и к судьбе самого Михайловского, который, по выражению одного из исследователей, в борьбе за воплощение социальных идеалов «играл роль трубы, зовущей на бой»¹³. Труды ученого звали русскую интеллигенцию к служению интересам народа,

пробуждали чувство личной ответственности за судьбу страны, отстаивали демократические традиции, мобилизовали общественное мнение в борьбе против реакции.

Имя Н. К. Михайловского навсегда связано с историей русской общественной мысли и русского демократического движения. Но многие идеи и концепции великого мыслителя не утратили своего теоретико-методологического значения и в наши дни. Современная Россия находится на этапе коренных преобразований во всех областях общественной жизни. На повестку дня встает задача разработки эффективной стратегии и тактики реформирования и, в частности, осмысления целей и идеалов, способных вдохновить и объединить наиболее активные, сознательные и энергичные слои общества в движении по намеченному пути. Обращение к творческому наследию мыслителей прошлого, безусловно, способствует тому, что модернизация общества будет осуществляться таким образом, чтобы усилия реформаторов не были напрасными.

Примечания

- 1 См.: Виленская Э. С. Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении. М., 1979; Володин А. И. Выдающийся деятель русской культуры // Отечественная история. 1993. № 6. С. 214–217; Голосенко И. А.,

- Козловский В. В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995. С. 100–110.
- 2 Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб., 1913. Т. 10. С. 68.
- 3 См.: Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб., 1909. Т. 3. С. 404.
- 4 Шамигурина В. И. История русской социологии и интеллектуальная история // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 144.
- 5 Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. 1909. Т. 3. С. 406.
- 6 См.: Ропяков Н. И. Категория «цель»: проблемы исследования. М., 1980; Доброхотов А. П. Цель // Новая философская энциклопедия. М., 2000.
- 7 См.: Давидович В. Е. Теория идеала. Ростов н/Д, 1983; Туманов С. В. Общественный идеал: Диалектика развития. М., 1986; Ивонин Ю. П. Социальный идеал как предмет философского исследования // Идеал и идеалы. 2009. Т. 1. № 1.
- 8 Медушевский А. Н. История русской социологии. М., 1993. С. 26.
- 9 Короленко В. Г. Об интеллигенции // Лит. газета. 1990. 23 марта.
- 10 Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. СПб., 1909. Т. 1. С. 343.
- 11 Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. 1913. Т. 10. С. 177.
- 12 Михайловский Н. К. Литературные воспоминания и современная смута : в 2 т. СПб., 1905. Т. 1. С. 359.
- 13 См.: Казаков А. П. Теория прогресса в русской социологии конца XIX века. М., 1969. С. 92.

УДК 316.334.4

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОЦИОЛОГИИ ВЛАСТИ В РОССИИ

В. Л. Трёмбовецкая

Саратовский государственный университет
E-mail morne@mail.ru

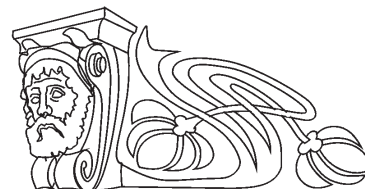
В статье анализируются особенности развития социологии в контексте эволюции власти. Рассмотрены этапы становления социологии власти в России и особенности становления эмпирической социологии власти за рубежом.

Ключевые слова: социология власти, кратологическая мысль, институционализация социологии власти, становление социологии власти, изучение власти в городских сообществах.

Formation Features and Present Situation of the Sociology of Power in Russia

V. L. Trembovetskaya

The paper analyses development features of sociology in the context of power evolution. It deals with the periods of formation of the sociology of power in Russia as well as with the formation features of empirical sociology of power abroad.

Key words: sociology of power, cratological, institutionalization of the sociology of power, formation of the sociology of power, power study in city associations.

Социология в контексте эволюции власти – это наука о закономерностях управляемого взаимодействия всех социальных объектов и субъектов в их прошлом, нынешнем и предполагаемом состоянии. Имея развитый категориальный аппарат, она в состоянии создавать свою инженерию (социальные технологии), исследуя, таким образом, и грядущее.

С учетом тех процессов, которые происходят в общественной практике и общественном сознании и связаны в первую очередь с демократизацией общественной жизни, «вторжение» социологии в политическую сферу (сферу политических отношений) представляется делом чрезвычайно актуальным¹.

Согласно словарю В. Ф. Халипова, Е. В. Халиповой, «социология власти (англ. *sociology of power*) – одна из важных формирующихся комплексных и относительно самостоятельных областей знания, берущая начало в сфере социологии, политологии и кратологии. Основным ее предметом являются собственно власть и ее проявления во всех формах общественной жизни, исследуемые с помощью социологических методов и процедур»².

Рассматривая развитие социологии через призму кратологической мысли, можно выделить несколько этапов.

Первый этап – 1860–1890 гг. Как и на Западе, социология в России возникла в лоне позитивистской доктрины.

Второй этап – 1890–1900 гг. Для этого этапа характерна острая критика позитивистской методологии. Ведущей социологической школой становится неокантианство (Б. А. Кистяковский (1868–1920), Л. И. Петражицкий (1867–1931), П. И. Новгородцев (1866–1924) и др.). Представители старых школ (Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский и др.) во многом уточняют свои позиции. Утверждается экономический материализм (или марксистская социология), причем в двух вариантах: ортодоксальный марксизм (Г. В. Плеханов, В. И. Ульянов-Ленин) и неортодоксальный «легальный» марксизм (П. Б. Струве (1870–1944), Н. А. Бердяев (1874–1948), С. Н. Булгаков (1871–1944), М. И. Туган-Барановский (1865–1919)), весьма близкий, с точки зрения методологии, к неокантианству.

Третий этап в развитии русской социологии – начало XX века – был насильственно прерван в 1922 г. установками РКП(б) и пролетарской власти³.

Именно в такой хронологической последовательности шло и восхождение российской кратологической мысли, обогащавшейся переводами зарубежных авторов. В эти годы вопросы теории власти получили освещение и развитие в трудах философов, правоведов, социологов.

Большинство современных ученых-социологов в самом общем виде представляют власть как способность одних индивидов контролировать действия других. Однако у ученых нет согласия в том, как осуществляются отношения власти и каков характер этого контроля⁴.

Понятие «социология власти» впервые употребил С. А. Котляревский (1909). Проблема власти была представлена им многосторонне. Помимо сравнительно-исторического освещения функциональных аспектов реализации идей господства права, автор уделил немало внимания процессуальным (ритуальным) аспектам властвования и подчинения. Институционализировалась социология власти, с точки зрения М. Борланди, в середине XX в.

Проблематика социологии власти встречается в работах Тарда, который анализировал данную отрасль социологии с позиции определения спе-

цифики политической власти. Данная специфика заключается в факте, что эта власть осуществляется на определенной территории посредством силы, последнего фактора, который она может легитимно использовать согласно веберовскому определению государства; при этом связь между политической властью и государством состоит в следующем: первая заставляет ценить себя с помощью административного аппарата, который в первобытных обществах носит рудиментарный характер.

Хотя серьезное изучение власти как социально-политического явления и социологического объекта началось с середины XX в., ее исходные идеи были намечены еще древнегреческими мыслителями. Проблемы социологии власти фактически по существу рассматривались виднейшими мыслителями Нового времени – Макиавелли, Гоббсом, Локком, Монтескье, Токвилем и др. Они привлекали внимание дореволюционных российских ученых и исследователей.

Активное становление и развитие социологии в 60–70-х гг. XIX в. в России подводило и к разработке социологии власти. Трудно переоценить роль юристов в отечественной социологии. Б. Н. Чичериным написан «Курс государственной науки», часть II носит название «Наука об обществе, или Социология» (1896); у Г. Ф. Шершеневича существует работа «Социология» (1910); у В. М. Хвостова – «Социология» (1917).

В России в связи с демократизацией жизни открывается возможность на базе социологических исследований непредвзято и всесторонне судить о сложной сфере власти и ее органов, ее практике и механизмах. К числу первых ученых, которые стали говорить и писать о социологии власти, относятся Ж. Т. Тощенко, М. И. Колесникова, В. Т. Борзунов, А. Г. Здравомыслов⁵.

Начальный этап становления социологии власти носил эмпирический характер, позволивший расширить и углубить знания о многих важнейших аспектах политической жизни и функционировании социума.

Наиболее распространенным направлением социологии власти в начале XX в. было изучение власти и влияния ее на городские сообщества. В. Ледяев в истории рассматриваемой отрасли социологии выделяет несколько этапов, в каждом из которых есть свои вехи и ключевые исследовательские проекты:

- 1) ранние исследования (1920–1940-е гг.);
- 2) классический этап (1950–1970-е гг.);
- 3) современный этап (1980-е гг. – настоящее время)⁶.

На первом этапе исследования не были сфокусированы непосредственно на изучении власти (она изучалась параллельно с другими важнейшими аспектами общественной жизни города), они были эпизодическими и, по сравнению с последующими этапами, их количество оставалось незначительным.

На классическом этапе власть в городских сообществах стала предметом специальных исследований, сформировалось проблемное поле исследований (исследование Флойда Хантера; исследование Роберта Даля; сравнительные исследования 1960–1970-х гг.; исследования Мэтью Кренсон, Джона Гэвента, марксистские исследования власти 1960–1970-х гг.).

В 1960–1970-е гг. элитистская (пирамидальная) структура власти была обнаружена и в других исследованиях (Джордж Белкнап и Ральф Смаклер, Тед Смит, Артур Видич и Джозеф Бенсман и др.), вызвавших естественную критическую реакцию у оппонентов из политологического (плюралистического) лагеря.

Современный этап связан с появлением новых теоретических моделей исследования – «машин роста» и «городских политических режимов», которые с конца 1980-х гг. доминируют в современной исследовательской практике.

Очень важно обратить внимание на новейшие тенденции в социологии, на ее поворот к проблематике власти. Серьезные изменения в жизни России и положении ее науки отмечены не только немалыми трудностями и кризисными проявлениями, но и открытием новых возможностей в раз-

витии и общества, и науки, а также стремлением ученых продуктивно их использовать.

Происходящий ныне крупный социальный поворот в развитии общества будет сопровождаться серьезными переменами в системе социального знания и, в частности, проявится как в резко возросшем спросе на кратологическую проблематику, так и в ее назревшем расцвете при непременно углублении демократизации всей общественной и государственной жизни.

Примечания

- 1 См.: Данилов А. Социология и эволюция власти. URL: http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/11_1_99.htm (дата обращения: 13.09.2011).
- 2 Халипов В. Ф., Халипова Е. В. Власть. Политика. Государственная служба : словарь. М., 1996. С. 71.
- 3 См.: Чичерин Б. Н. Философия права. М, 1900.
- 4 См.: Фролов С. С. Социология. М., 1994. С. 112–113.
- 5 См.: Халипов В. Ф. Кратология как система наук о власти. URL: <http://www.vuzlib.net/beta3/html/1/22713/> (дата обращения: 13.09.2011).
- 6 См.: Ледяев В. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // Неприкосновенный запас. 2010. № 2.

УДК 316.74

ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО РЫНКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

О. Г. Петрович

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье анализируются проблемы и противоречия системы высшего образования, связанные с коммерциализацией и вхождением России в ВТО, диагностируются модели различных стратегий реагирования в данной ситуации активизации рыночных отношений образовательного пространства.

Ключевые слова: глобализация высшего образования, Болонский процесс, коммерциализация образовательного пространства.

**Problems and Contradictions of Russian Higher School
in the Context of Formation of the Global Market
of Educational Services**

O. G. Petrovich

The paper analyzes problems and contradictions of the higher education system associated with commercialization and Russia joining WTO, models of various strategies of reacting in this situation of stirring up market relations of the educational space are diagnosed.

Key words: higher education globalization, Bologna process, commercialization of educational space.

Глобализация высшего образования стала своеобразным катализатором для развития рынка образовательных услуг, причем интернационализация, интеграция и информатизация стали характерными чертами формирования рыночных отношений в сфере высшего образования. Эти процессы включают в себя более конкретные элементы, такие как развитие дистанционного образования (являющегося полностью платной услугой, считающегося обязательным для любого претендующего на роль ведущего или отвечающего мировым стандартам университета), межвузовское международное сотрудничество, привлекающее потенциальных потребителей образовательных услуг из зарубежных стран. Последнее, в свою очередь, является следствием конкуренции на рынке образовательных услуг, спровоцированной сокращением государственного финансирования и необходимостью для вузов самостоятельно зарабатывать часть денег на свое содержание и развитие. Таким образом, обще-

мировая тенденция расширения экономической свободы деятельности университетов превратила развитие сферы коммерческого образования в одну из составляющих глобализации в области высшего образования.

Однако в России данный процесс пока не приобрел той массовости, которую мог бы, так как наша страна на данный момент не является членом Всемирной торговой организации, играющей наибольшее значение при институционализации рынка образовательных услуг, поддержании равного доступа и условий для его участников при помощи Генерального соглашения по торговле услугами. Соблюдение этого соглашения подразумевает предоставление страной режима наибольшего благоприятствования для зарубежных провайдеров услуг в сфере образования. Это может повлечь за собой если не уничтожение национальной сферы высшего образования за счет ее неконкурентоспособности с потенциально более перспективными и качественными зарубежными учебными заведениями, заинтересованными в российском рынке высшего образования, то, по крайней мере, сильное снижение ее значения в обществе.

Говоря об экономических процессах в сфере высшего образования на основе членства России в ВТО, нужно помнить, что наша страна к этой организации пока не присоединилась. Возможность такого шага в ближайшем будущем¹ предполагает необходимость заблаговременного анализа возможных проблем и сложностей для высшей школы, чтобы избежать фатальных последствий вступления страны в ВТО и заранее к ним подготовиться, нивелировав или максимально устранив превентивными мерами негативное воздействие мирового рыночного фактора на российское высшее образование, чтобы сохранить все его положительные черты и достижения.

Научное сообщество не едино в своей оценке возможных последствий такого шага для системы высшего образования Российской Федерации. Можно выделить несколько стратегических моделей развития событий в данной ситуации.

Первая модель – «Железный занавес» – предполагает отказ от вхождения в ВТО и сохранение тепличных условий для национальной системы высшего образования. Вероятные последствия подогревают недоверие и опасения по отношению к предполагаемым обязательствам в сфере высшего образования (ряд стран отказался подписывать Генеральное соглашение по торговле услугами высшего образования²), стремление серьезно оценить возможные плюсы и минусы глобализации для национальной системы высшего образования в России.

Основным минусом коммерциализации образовательного пространства научное сообщество считает то, что переход на рыночные рельсы изменит представление об образовании как о бесценном благе, отношении к университетам

как хранителям и трансляторам культурного, исторического и национального богатства. Образование превращается в товар, оплачиваемую услугу, предмет конкуренции на международном рынке³. В России высшее образование всегда ассоциировалось со свободомыслием и формированием личности. Именно свобода мышления и научных разработок, искренняя вовлеченность в научные исследования, не ориентированная на практическую выгоду и продажу себя и своих способностей, вывели в свое время советскую систему высшего образования на столь высокий академический и в итоге производственный уровень. Поэтому внедрение рынка провоцирует уничтожение последних крупниц творческого научного и исследовательского начала. Снижение роли отечественного высшего образования, в свою очередь, приведет к значительной утрате значимости культурно-исторического наследия, чувства патриотизма, причастности и любви к своему государству, ослаблению народного единства за счет насаждаемых в пришедших на национальный образовательный рынок западных высших учебных заведениях космополитических настроений.

Наличие коммерческой составляющей, платного образования, рекламы – все это превращает образование из блага в товар, поскольку при его оплате оно должно отвечать интересам заказчика (студента, работодателя), чьи взгляды на получение высшего образования далеко не всегда совпадают с интересами общества, государства или вуза. Кроме того, такой подход ставит университеты в положение подчиненности желаниям заказчиков образовательных услуг, в то время как образование как благо главным делает высшее учебное заведение, занимающиеся фильтрацией тех, кому это благо предоставлять. Превращение университетов в представителей услуг и предоставление им эксклюзивной возможности решать, какие курсы преподавать, приведет к решению расширять спектр престижных и востребованных специальностей, то есть тех, которые заведомо будут проданы, что быстро может спровоцировать исчезновение или снижение количества непопулярных специальностей, и почти все вузы будут ориентированы преимущественно на эти направления. Концентрация на нескольких ведущих курсах спровоцирует недостаток нужных для эффективного функционирования и развития экономики и промышленности кадров. Еще больший переход на рыночную основу только усугубит такое положение дел. Все это превратит систему образования в товар в полной мере. При этом функция воспитания и социализации пропадать не должна, хотя вместить их в рамки товара будет достаточно трудно, так как клиент в высшем учебном заведении платит за конкретные курсы и конкретные знания, но никак не за воспитание, которого он на правах заказчика образования может не захотеть принимать. Подобная перспектива грозит высшему образованию как социальному

институту большими изменениями в сторону его преобразования в институт рыночный, что недопустимо само по себе, учитывая значение института образования для общества. Вообще вхождение Российской Федерации в ВТО грозит повлечь за собой тотальное ориентирование высших учебных заведений на коммерческую выгоду от любой своей деятельности.

В том, что образование должно быть благом, сомневаться не приходится⁴. Однако тот факт, что высшее образование давно стало еще и товаром, – тоже свершившаяся реальность. Причем на данном этапе развития рыночных отношений в сфере высшего образования достаточно трудно сказать, какими свойствами образование обладает больше⁵. По нашему мнению, отсутствие конкуренции с престижными и качественными зарубежными вузами может стать дестимулирующим фактором, содействующим нежеланию или невозможности высшей школы развиваться до требований мирового уровня. В этих условиях полной изоляции Российское государство с его ограниченными финансовыми возможностями не способно предоставить всем университетам достаточно ресурсов для достижения высокого мирового уровня развития и качества высшего образования. Следовательно, неизбежно постепенное формирование рынка образовательных услуг высшей школы, которое будет происходить спонтанно, стихийно, неконтролируемо, с высокой долей социального напряжения.

Коммерциализация, унифицируя образование, спровоцирует устранение национальных границ, этнокультурных особенностей, идентичностей, самобытности граждан⁶. В этом отношении Болонский процесс, отражающий стремление к «знанию экономике», рассматривается как противоположный процесс, призванный сохранить высокую духовную миссию высшего образования в процессе социализации, воспитания граждан⁷. Снижение значения национальной составляющей в высокой миссии университетов недопустимо при декларируемом стремлении к знанию экономике.

Наиболее продвинутые образовательные системы, такие как высшие учебные заведения Америки и Европы (21 из 144 стран – участниц ВТО), взявшие на себя обязательства по реализации рыночных принципов в сфере высшего образования, являются подтверждением, что высшее образование не может быть только товаром, оно – специфический вид услуг, переходящий в общественное благо. Поэтому представляется более перспективной «поэтапная» модель вхождения Российской Федерации в ВТО. Она предполагает, что на первом этапе этого вхождения потери для системы высшего образования намного превосходят положительные стороны и преимущества⁸. Системе высшего образования предстоит постепенно подготовиться к тем условиям, которые могут появиться после присоединения России к

общему мировому рынку, уточнить сами условия, создать правовую базу регулирования работы зарубежных провайдеров образовательных услуг⁹, определить ограничительные рамки для зарубежных вузов в виде перечня специфических обязательств в сфере образовательных услуг.

Добиться особых условий при вхождении в ВТО для каждой страны, особенно для развивающейся, с достаточно слабой и неразвитой промышленностью и экономикой, представляется трудновыполнимой задачей¹⁰. Однако только такой подход к условиям вхождения в организацию может способствовать созданию условий, преимуществ и механизмов защиты высших учебных заведений России от мер, которые могут быть предприняты зарубежными университетами ради завоевания нового рынка, наращиванию потенциала конкурентоспособности отечественной системы высшего образования на глобальном мировом рынке образовательных услуг.

Примечания

- 1 См.: Россия может вступить в ВТО в 2011 году // Коммерсант.ru Новости online. 25.06.2010. URL: <http://www.kommersant.ru/news.aspx?DocsID=1392435> (дата обращения: 27.06.2010); Медведев надеется завершить переговоры по ВТО до конца года // РИА Новости Weekend 16–18 июля 2010. URL: <http://www.rian.ru/economy/20100713/254393587.html> (дата обращения: 28.08.2010).
- 2 См.: Захаревич В., Попов В., Терешков В. Российское образование и вступление России в ВТО: возможные последствия // Высшее образование в России. 2006. № 4. С. 22.
- 3 См.: Михайлева Е. Трансформация образования в условиях глобализации: выгоды и риски для постсоветского пространства // Alma mater. 2007. № 9. С. 40; Семин В. Вызовы современности // Alma mater. 2001. № 1. С. 9.
- 4 См.: Белоконев Г., Кривошеев Н. Кризис в высшем образовании преодолим // Alma mater. 2003. № 3. С. 25; Иванов С., Волкова И. Болонский процесс: проблемы конкурентоспособности // Alma mater. 2004. № 7. С. 24; Сенашенко В. Интеграционные процессы в сфере образования // Alma mater. 2006. № 3. С. 19.
- 5 См.: Гречко П. Глобализация: образовательные горизонты // Высшее образование в России. 2005. № 11. С. 103; Евдокимов М. Высшая школа России: на пути к «рыночной модели»? // Высшее образование в России. 2004. № 5. С. 171; Запесоцкий А. Симуляция образования или образование симуляции? // Высшее образование в России. 2005. № 7. С. 68; Макбурни Г. Глобализация как политическая парадигма высшего образования // Высшее образование сегодня. 2001. № 1. С. 48; Мукулленко Т. Образование как товар // Alma mater. 2001. № 10. С. 50; Путилло Л., Шапкин И. Социально-ответственный ВУЗ в условиях глобализации: миф или реальность // Alma mater. 2006. № 4. С. 23.
- 6 См.: Баимакова Н. И. Мировые тенденции развития высшего образования в XXI веке: видение ЮНЕСКО и практика реформ // Высшее образование сегодня. 2007.

- № 1. С. 29 ; *Налетова И.* Региональный университет в глобальной среде // *Высшее образование в России.* 2004. № 12. С. 96.
- ⁷ См.: *Колесов В.* Рынок образовательных услуг и ценности образования (между ВТО и Болонским процессом) // *Высшее образование в России.* 2006. № 2. С. 7 ; *Лукичев Г. А.* Болонский процесс – императив развития высшего образования в Европе // *Высшее образование сегодня.* 2002. № 2. С. 43 ; *Мельник В. В.* Глобальные тенденции и особенности модернизации высшего профессионального образования в России // *Университетское управление: практика и анализ.* 2005. № 5. С. 59 ; *Сазонова З.* Болонский процесс : духовное измерение // *Высшее образование в России.* 2005. № 10. С. 29–30 ; *Сенашенко В.* Интеграционные процессы в сфере образования // *Alma mater.* 2006. № 3. С. 15.
- ⁸ См.: *Гребнев Л.* ВТО и российские вузы: от жестокой конкуренции к взаимовыгодному сотрудничеству? // *Высшее образование в России.* 2006. № 4. С. 31.
- ⁹ См.: *Ермошин Г.* На пути в европейское правовое пространство // *Высшее образование в России.* 2004. № 9. С. 149.
- ¹⁰ Медведев: Россия вступит в ВТО только на приемлемых для себя условиях / Информационное Агентство Regnum. URL: <http://www.regnum.ru/news/1055190.html> (дата обращения: 08.09.2010).

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 329

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И МОДЕРНИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. А. Вилков, А. В. Богданов

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье представлены данные, полученные на основе проведенного в 2011 г. выборочно-массового анкетирования молодежи в ведущих вузах города Саратова. Авторы выявили восприятие и понимание участниками опроса таких понятий, как «модернизация» и «традиционализм», проанализировали интенциональную направленность в ответах респондентов, связанную с выбором наиболее значимых для них ценностей, оценили соотношение новаций и традиций, традиционализма и модернизма в политической культуре студенческой молодежи.

Ключевые слова: политическая культура, модернизация, традиционализм, традиция, новация.

Traditionalism and Modernism in Political Culture of Students in Modern Russia

A. A. Vilkov, A. V. Bogdanov

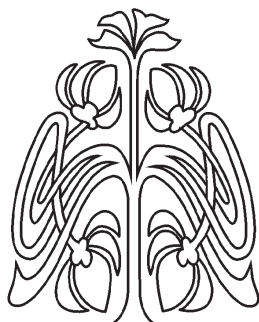
This article presents the data gained during the selected mass questionnaire, which was offered to the youth in the leading institutes in Saratov in 2011. The authors have found out the perception and understanding by the participants of the interrogation of such notions as «modernization» and «traditionalism» and analyzed intentional trends in the respondents' answers, connected with the choice of their most significant values. They also estimated the relation between innovation and tradition, traditionalism and modernism in political culture of students.

Key words: political culture, modernization, traditionalism, tradition, innovation.

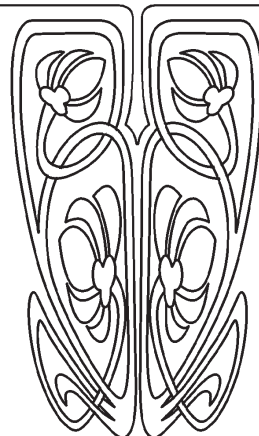
Стабильность любой политической системы во многом определяется тем, насколько её легитимность и нормативно-правовая основа функционирования признаются молодежью. От политико-культурных характеристик данной социальной группы в значительной степени зависят направленность, стабильность и эффективность общественно-политического развития. Возрастные особенности молодежи (прежде всего её динамизм и подверженность воздействию многих конъюнктурных факторов социальной среды) обуславливают объективную потребность в постоянном научном анализе конкретных социокультурных характеристик данной социальной группы и её региональной специфики.

С этой целью в 2011 г. в рамках подготовки кандидатской диссертации «Традиционалистский компонент молодежной политической культуры в современной России» лабораторией кафедры политических наук юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского было проведено исследование на тему «Молодежь в современной России».

Цель данного исследования заключалась в том, чтобы проследить, каким образом респондентами воспринимаются и понимаются такие явления, как модернизм и традиционализм. Предполагалось выявить интенциональную направленность в ответах респондентов на вопросы, связанные с выбором наиболее значимых для них ценностей.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Респондентам предлагался ряд вопросов, в которых необходимо было определиться с выбором высказываний, носящих характер парных ценностных суждений, в некоторой степени противоречащих друг другу. Это было сделано для того, чтобы выявить в ответах соотношение новаций и традиций, традиционализма и модернизма.

Было проведено массовое выборочное анкетирование с привлечением интервьюеров среди студентов вузов Саратова очной и заочной форм обучения в возрасте от 18 до 35 лет (Саратовский государственный университет, Саратовская государственная академия права, Поволжская академия государственной службы, Саратовский государственный социально-экономический университет, Саратовский государственный технический университет, Саратовский государственный аграрный университет). Общее количество опрошенных – 403 студента. Полученные данные были обработаны с помощью программы «ПриС» – Прикладной социолог¹.

В связи с выбором в качестве целевой аудитории именно студенческой молодежи распределение по возрастным группам оказалось следующим (табл. 1).

Таблица 1

Возраст респондентов

Группы	Кол-во	%
До 20 лет	265	65,6
20–25	103	25,5
25–30	10	2,5
30–35	25	6,2

Для того чтобы соотнести понимание студентами ценностей традиционализма и модернизма, важно было выявить их общий интерес к политике (табл. 2).

Таблица 2

Интересуетесь ли Вы политикой?

Варианты ответов	Кол-во	%
Да	101	25,0
Во время выборов	16	4,0
Иногда	188	46,5
Изредка	80	19,8
Никогда	16	4,0
Свой вариант	2	0,5

Из полученных данных следует, что только каждый четвертый студент проявляет стабильный интерес к политике, а подавляющее большинство интересуется ею лишь периодически, чаще всего в результате активного информационного воздействия в ходе предвыборных кампаний. В этой связи вряд ли можно надеяться в ближайшее время на качественное пополнение рядов российской интеллигенции людьми социально ответственными и политически активными.

Еще менее вовлечены студенты в реальные общественно-политические процессы (табл. 3).

Таблица 3

Какое участие Вы принимаете в общественно-политической жизни страны? (возможно отметить несколько вариантов ответа)

Варианты ответов	Кол-во	%
Внимательно слежу за информацией о политических событиях в стране (телевидение, газеты, Интернет)	116	28,7
Участвую в выборах	102	25,2
Обсуждаю политические темы с коллегами по работе, друзьями	80	19,8
Являюсь членом политической партии	12	3,0
Лично участвовал в течение последнего года в политической деятельности	4	1,0
Не принимаю участия	152	37,6
Другое	2	0,5

Как видно из материалов опроса, политическое участие большинства студентов сводится к тому же интересу в виде отслеживания политической информации и её обсуждения, а также к участию в голосовании на выборах. 37,6% опрошенных однозначно отметили, что они не принимают никакого участия в политической жизни. Думается, что такой политический нигилизм и абсентеизм студенческой молодежи является наглядным показателем недостаточной эффективности существующей политической системы и тех механизмов и институтов, которые должны обеспечивать политическую социализацию и включение подрастающего поколения в сферу общественно-политических отношений.

Опрос показал, что студенческая молодежь достаточно критически относится к проводимым реформам в современной России (табл. 4).

Таблица 4

Как Вы думаете, в какой степени нынешние реформы в России соответствуют интересам молодежи?

Варианты ответов	Кол-во	%
Полностью соответствуют	8	2,0
Частично соответствуют	224	55,4
Скорее да чем нет	42	10,4
Скорее не соответствуют	37	9,2
Полностью не соответствуют	86	21,3
Свой вариант	5	1,2

Из ответов видно, что абсолютное большинство ответивших отметило неполное, частичное соответствие проводимых реформ интересам молодежи. Примечательно, что каждый пятый респондент выбрал вариант об их полном несоответствии.

Интересно отношение студентов к стратегическим моделям идейно-политического развития современной России (табл. 5).

Материалы показывают, что западная модель привлекает всего 11,6% опрошенных, а более половины респондентов (57,2%) высказалось за самостоятельный путь России и разумное сочетание различных вариантов общественно-политического развития.

Таблица 5

Сторонником какого из нижеприведенных вариантов идейно-политического развития России Вы являетесь?

Варианты ответов	Кол-во	%
Сторонником радикальных рыночных реформ и быстрее сближения со странами Запада	47	11,6
Сторонником самостоятельного пути развития России	116	28,7
Сторонником социализма	21	5,2
Сторонником разумного сочетания различных вариантов идейно-политического развития	115	28,5
Политикой не интересуюсь	30	7,4
Затрудняюсь ответить	76	18,8
Свой вариант	6	1,5

Примечательно, что сторонников социализма среди опрошенных студентов всего лишь чуть более 5%. Это еще раз подтверждает слабую социальную базу КПРФ в молодежной среде и отсутствие в этой связи стратегических политических перспектив у данной партии.

Для выявления понимания роли и значимости прав и свобод личности были даны полярные суждения, к которым студенты должны были выразить свое отношение (табл. 6 и 7).

Таблица 6

Права и свободы личности – главное для человека, их нельзя ограничивать даже во имя интересов государства и общества

Варианты ответов	Кол-во	%
Согласен	184	45,5
Скорее согласен	132	32,7
Скорее не согласен	61	15,1
Не согласен	23	5,7
Затруднились с ответом	3	1,0

Таблица 7

Во имя интересов общества и государства можно ограничить некоторые права и свободы личности

Варианты ответов	Кол-во	%
Согласен	70	17,4
Скорее согласен	130	32,2
Скорее не согласен	77	19,2
Не согласен	125	30,9
Затруднились с ответом	1	0,3

Анализ материалов данных таблиц свидетельствует, что осознанное и устойчивое понимание прав и свобод личности у опрошенных студентов отсутствует. С одной стороны, 78,2% респондентов выразили преимущественно положительное отношение к отсутствию их ограничения даже во имя интересов государства и общества; 20,8% при этом высказали преимущественно отрицательное отношение к данному высказыванию. С другой стороны, перекрестный вопрос о возможности во имя интересов общества и государства ограничить некоторые права и свободы личности показал

несколько иные результаты. Преимущественно положительное отношение к такому ограничению высказали 49,6% опрошенных и отрицательное 51,1%. Фактически примерно 27% опрошенных не имеют устойчивой позиции в данном вопросе.

Такая неустойчивость подтверждается ответами по поводу еще двух взаимоисключающих суждений о приоритетах в возрождении мощи и величия России (табл. 8 и 9).

Таблица 8

Возрождение мощи и величия России невозможно без укрепления государственной власти

Варианты ответов	Кол-во	%
Согласен	213	52,7
Скорее согласен	107	26,6
Скорее не согласен	36	8,9
Не согласен	41	10,2
Затруднились с ответом	6	1,6

Таблица 9

Для возрождения величия и мощи России нужно не укрепление государственной власти, а предоставление большей свободы и инициативы людям

Варианты ответов	Кол-во	%
Согласен	57	14,2
Скорее согласен	167	41,9
Скорее не согласен	87	22,1
Не согласен	86	21,8

Материалы таблиц показывают, что 79,3% опрошенных положительно воспринимают суждение о том, что возрождение мощи и величия России невозможно без укрепления государственной власти и только 19,1% не согласились с этим. В то же время перекрестное суждение о приоритете предоставления большей свободы и инициативы людям поддержали 56,1% опрошенных, а не согласились с ним 43,9%. Таким образом, около трети респондентов не имеют устойчивой позиции по данному вопросу. Думается, что именно такое ценностное противоречие в политической культуре молодежи позволяет достаточно легко внедрять в её среду идеи «сильной руки», укрепления «вертикали власти» и одновременно идеи политической модернизации и демократизации политической системы.

То же самое можно сказать и о представлениях студентов о критериях справедливого общества (табл. 10 и 11).

Таблица 10

Более справедливо то общество, в котором доходы человека находятся в зависимости от его квалификации и предприимчивости и поэтому могут ощутимо различаться

Варианты ответов	Кол-во	%
Согласен	151	37,5
Частично согласен	162	40,2
Частично не согласен	49	12,2
Не согласен	34	8,4
Затруднились с ответом	7	1,7

Таблица 11

Более справедливо то общество, в котором доходы граждан примерно равны

Варианты ответов	Кол-во	%
Согласен	108	26,7
Скорее согласен	124	30,7
Скорее не согласен	69	17,1
Не согласен	94	23,1
Затруднились с ответом	8	2,1

Материалы опроса показывают, что, с одной стороны, 77,7% респондентов признали справедливость ощутимого различия доходов в зависимости от квалификации и предприимчивости человека. Не согласились с этим всего лишь 20,6% опрошенных. С другой стороны, суждение о том, что «более справедливо то общество, в котором доходы граждан примерно равны», поддержали 57,4% респондентов. Вновь проявилась примерно треть неосознанных и неустойчивых позиций.

Подтверждением тому стала еще одна пара перекрестных вопросов о политике государства в отношении бизнеса (табл. 12 и 13).

Таблица 12

Государство должно контролировать бизнес более жестко

Варианты ответов	Кол-во	%
Согласен	150	37,2
Скорее согласен	137	33,9
Скорее не согласен	66	16,4
Не согласен	46	11,5
Затруднились с ответом	4	1,0

Таблица 13

Государство должно предоставить бизнесу больше свободы

Варианты ответов	Кол-во	%
Согласен	77	19,1
Скорее согласен	132	32,8
Скорее не согласен	108	26,9
Не согласен	81	20,0
Затруднились с ответом	5	1,2

Положительно оценили суждение о том, что государство должно контролировать бизнес более жестко, 71,1% опрошенных, а не согласились с этим 27,9%. На перекрестное суждение о предоставлении бизнесу большей свободы положительно откликнулись 51,9% респондентов, а не согласились 46,9%. Неустойчивость позиции, хотя и в меньшей степени, но подтвердилась.

Еще одна пара перекрестных вопросов была нацелена на выявление представлений об «идеальной» форме правления в современной России (табл. 14 и 15).

Материалы данных таблиц свидетельствуют, что 65,8% респондентов согласились с тем, что России больше подходит демократическая форма

Таблица 14

Для нашей страны больше подходит демократическая форма правления

Варианты ответов	Кол-во	%
Согласен	129	31,9
Скорее согласен	137	33,9
Скорее не согласен	63	15,6
Не согласен	70	17,3
Затруднились с ответом	4	1,3

Таблица 15

Для нашей страны больше подходит жесткая организация и единоначалие

Варианты ответов	Кол-во	%
Согласен	72	17,8
Скорее согласен	123	30,4
Скорее не согласен	65	16,1
Не согласен	137	33,9
Затруднились с ответом	6	1,8

правления, не согласных с этим утверждением оказалось 32,9%. Противоположное суждение о том, что России более близки «жесткая организация и единоначалие», поддержали 48,2% опрошенных, против высказалось 50%. Меньшее расхождение в позициях по данным утверждениям, как представляется, можно объяснить тем, что студенты не видят существенных противоречий и взаимоисключения демократии и жесткой организации общества, полагая, что они вполне совместимы.

Важной задачей было выявление отношения к национальной проблеме в современной России (табл. 16 и 17).

Таблица 16

В России должно быть государство, которое выражало бы в первую очередь интересы русских

Варианты ответов	Кол-во	%
Согласен	185	45,8
Скорее согласен	92	22,8
Скорее не согласен	40	9,9
Не согласен	82	20,3
Затруднились с ответом	4	1,2

Таблица 17

В России должно быть государство, в котором все народы, проживающие на его территории, имели бы равные права и возможности

Варианты ответов	Кол-во	%
Согласен	166	41,1
Скорее согласен	112	27,7
Скорее не согласен	52	12,9
Не согласен	66	16,3
Затруднились с ответом	7	2,0

Положительно оценили суждение о том, что наше государство должно выражать интересы русских в первую очередь, 68,6% респондентов, количество не согласных с этим утверждением составило не более 30,2%. Примечательно, что

противоположное по смыслу высказывание о том, что российское государство должно выражать интересы всех народов, проживающих на его территории, поддержало практически столько же опрошенных (68,8%), а не согласилось с ним примерно то же количество (29,2%), как и в первом суждении. Таким образом, нечеткость позиции в этом вопросе проявило около 39% респондентов. С одной стороны, данные свидетельствуют о достаточно большом потенциале для проявлений молодежного национализма. С другой стороны, неустойчивость «националистической» позиции позволяет надеяться, что её можно устранить при целенаправленной эффективной государственной политике по воспитанию толерантности и уважения российских народов друг к другу. Исходя из полученных материалов, можно констатировать на сегодняшний день особую значимость для большинства молодежи как «русского вопроса», так и национального единства граждан страны, а также отсутствие результативной политики государства в этих вопросах.

Подтверждением тому стала еще одна пара перекрестных вопросов, касающихся национального единства общества и статуса России на международной арене (табл. 18 и 19).

Таблица 18

Необходимо восстановить мощь России как сверхдержавы. Только тогда Россию будут уважать в мире и считаться с ней

Варианты ответов	Кол-во	%
Согласен	255	63,1
Скорее согласен	95	23,5
Скорее не согласен	33	8,2
Не согласен	16	4,0
Загруднились с ответом	4	1,2

Таблица 19

России будет легче отстаивать свои интересы, если она не будет стремиться к статусу сверхдержавы, а войдет в цивилизованный мир на равных с другими странами

Варианты ответов	Кол-во	%
Согласен	97	24,0
Скорее согласен	130	32,2
Скорее не согласен	71	17,6
Не согласен	98	24,3
Загруднились с ответом	7	1,9

Материалы таблиц показывают, что 86,6% опрошенных считают необходимым «восстановить мощь России как великой сверхдержавы». Несогласна с этим утверждением весьма небольшая часть респондентов – 12,2%. Вместе с тем ценностное суждение о том, что России не следует стремиться к статусу сверхдержавы, получило поддержку 56,2% опрошенных, а не согласились с этим утверждением 41,9% участников опроса. На наш взгляд, данная неустойчивость позиции респондентов еще раз подтвердила противоречивость политической культуры молодежи и

отсутствие осознанного понимания студентами важнейших общественно-политических проблем в современной России.

Дальнейший блок вопросов был связан с выявлением ценностных ориентаций. Эти многовариантные вопросы позволяют проследить и определенным образом ранжировать соотношение традиционализма и модернизма в политической культуре участников опроса. Важную роль для их выявления играет отношение к разным историческим периодам нашей страны. Многовариантные ответы позволили ранжировать степень значимости для студентов исторических и современных деятелей России и, соответственно, значимости их преобразований (табл. 20).

Таблица 20

Какие периоды истории нашей страны вызывают у Вас чувство гордости? (Возможно выбрать не больше 5 вариантов ответа)

Варианты ответов	Кол-во	%
Эпоха Петра I	287	71,0
Период Путина	192	47,5
Эпоха Екатерины	130	32,2
Реформы Александра II	124	30,7
Эпоха Сталина	120	29,7
Современный период	55	13,6
Период Хрущева	29	7,2
Период Брежнева	27	6,7
Период Горбачева	16	4,0
Период Ельцина	25	6,2
Другой период	27	6,7

На наш взгляд, наиболее высокий процент оценки эпохи Петра I объясняется не только высокой оценкой результатов его деятельности в учебниках истории, но и воздействием тех положительных стереотипов, которые формируются с помощью искусства, и прежде всего кинематографа. Второе место периода В. Путина в ответах респондентов вполне соотносится с его высоким рейтингом в российском обществе. В целом первая пятерка исторических периодов, которыми, по мнению опрошенных, можно гордиться, позволяет констатировать, что доминирующими критериями их высокой оценки в глазах студентов являются характеристика лидеров как сильных личностей и успешность преобразований. С одной стороны, это говорит о склонности молодых респондентов к трактовке российской государственной власти как авторитарной, на основе «сильной руки» и централизованной политики. С другой стороны, данные периоды традиционно воспринимаются как реформаторские (особенно показателен в этом смысле период Александра II, в историческом образе которого стереотип сильной личности фактически отсутствует). Таким образом, у современной молодежи одновременно с представлениями о сильной власти востребованы ценности реформаторства и модернизма. Традиции и инновации не воспринимаются молодыми людьми

как несовместимые ценности и не вызывают в их сознании конфликта, а наоборот, объединяются и образуют синтез двух разнотипных установок восприятия власти. Возможно, в этом и кроется ключ к формированию общенациональной идеологии.

Противоречивость политической культуры опрошенных студентов подтверждается их отношением к различным ценностям (табл. 21).

Таблица 21

**Какие ценности наиболее значимы для Вас?
(возможно отметить не более 5 вариантов ответа)**

Варианты ответов	Кол-во	%
Равноправие и равенство перед законом	282	69,8
Равенство возможностей	250	61,9
Свобода действия для каждого	188	46,5
Сильная власть	165	40,8
Социальная гармония	152	37,6
Верховенство права	126	31,2
Прозрачность государственной власти	114	28,2
Коллективизм	78	19,3
Свободный обмен политически значимой информацией	73	18,1
Доминирование государственной собственности	34	8,4

Представленная в таблице иерархия значимости, на наш взгляд, свидетельствует об отсутствии четкого понимания системной взаимозависимости политических ценностей разной идеологической направленности. Поэтому в первую пятерку вошли и традиционалистские (равенство возможностей; сильная власть; социальная гармония), и модернистские (равноправие и равенство перед законом; свобода действия для каждого) ценности. Главная причина такого микширования в политической культуре студенчества заключается не только в отсутствии четких идеологических маркеров ведущих российских политических партий, но и в тех тенденциях, которые имеют место во всем мире. Суть их сводится к определенной конвергенции ценностной основы всех метаидеологий. Поэтому и либеральные, и консервативные, и социал-демократические партии апеллируют нередко к одним и тем же ценностям, наполняя их разным содержанием. Думается, что именно поэтому студенты воспринимают данные ценности как равнозначно положительные без привязки к конкретной идеологической позиции. Вместе с тем примечательно, что наименьшее количество процентов (8,4%) у опрошенных студентов получила ценность государственной собственности, акцент на которой делает КПРФ. Это еще раз свидетельствует о том, что базовые традиционалистские ценности Коммунистической партии России не имеют массовой поддержки у молодежи.

Представляет интерес восприятие моральных ценностей молодежью и тех изменений, которые произошли в последние два десятилетия (табл. 22 и 23).

Таблица 22

Основные моральные нормы не подвержены влиянию времени, они всегда актуальны и современны

Варианты ответов	Кол-во	%
Согласен	154	38,1
Скорее согласен	134	33,2
Скорее не согласен	72	17,8
Не согласен	37	9,2
Затруднились с ответом	6	1,7

Таблица 23

Сегодня мы живем в другом мире, чем раньше, и многие моральные нормы уже устарели

Варианты ответов	Кол-во	%
Согласен	172	42,6
Скорее согласен	140	34,7
Скорее не согласен	37	9,2
Не согласен	45	11,1
Затруднились с ответом	9	2,4

С одной стороны, большинство опрошенных (71,3%) согласилось с суждением о том, что основные моральные нормы со временем не подвергаются изменению, а сомнению данное суждение подвергли 27%. Но еще большее количество респондентов (77,3%) положительно ответило и на суждение о том, что многие моральные нормы устарели. Объяснение такой непрочной позиции в отношении моральных норм студенты видят в существующей политической и социально-экономической системе.

Подтверждением тому стала еще одна пара перекрестных вопросов, касающихся морально-нравственных качеств личности (табл. 24 и 25).

Таблица 24

Я скорее не добьюсь успеха в жизни, чем переступлю через моральные принципы и нормы

Варианты ответов	Кол-во	%
Согласен	79	19,6
Скорее согласен	135	33,4
Скорее не согласен	99	24,5
Не согласен	82	20,3
Затруднились с ответом	8	2,2

Таблица 25

Современный мир жесток, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы

Варианты ответов	Кол-во	%
Согласен	169	41,8
Скорее согласен	129	31,9
Скорее не согласен	41	10,1
Не согласен	55	13,6
Затруднились с ответом	9	2,6

Данные таблиц свидетельствуют о том, что однозначно твердую моральную позицию в первом вопросе заняли лишь около 20% опрошенных студентов, хотя во втором вопросе

твердое несогласие с оправданием отступления от моральных принципов и норм высказало еще меньшее количество – всего лишь 13,6% респондентов. В целом 73,7% согласны с тем, что «иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы». Количество не согласных с этим суждением составляет всего 23,7% опрошенных.

О плачевном моральном облике современной молодежи свидетельствует и её отношение к общественным идеалам (табл. 26, 27).

Таблица 26

Молодежь тянется к высоким идеалам, позволяющим прожить жизнь осмысленно

Варианты ответов	Кол-во	%
Согласен	94	23,3
Скорее согласен	150	37,1
Скорее не согласен	74	18,3
Не согласен	79	19,6
Затруднились с ответом	6	1,7

Таблица 27

Для современной молодежи характерны цинизм и равнодушие к идеалам

Варианты ответов	Кол-во	%
Согласен	124	30,7
Скорее согласен	161	39,9
Скорее не согласен	82	20,3
Не согласен	30	7,4
Затруднились с ответом	6	1,7

Материалы опроса показывают, что 60,4% респондентов в целом положительно ответили на суждение о том, что молодежь «тянется к высоким идеалам», не поддержали это высказывание 37,9% опрошенных. Однако перекрестное суждение о цинизме, присущем современной молодежи, получило подтверждение у 70,6% участников опроса. Как представляется, это явное свидетельство серьезной нравственной болезни не только молодежи, но и всего российского общества, требующей незамедлительного и системного лечения.

В целом материалы проведенного исследования позволяют заключить, что в политической культуре современных российских студентов отсутствуют четкое идеологическое позиционирование и системное и осознанное понимание ценностной основы ведущих политических идеологий.

Причины, на наш взгляд, коренятся прежде всего в недостаточном уровне политического образования и проблемах в системе политической социализации в постсоветской России. Дело не только в недостаточном количестве часов на преподавание обществознания в школах и политологии в вузах, но и в отсутствии реальных субъектов политики, которые могли бы своими программами и деятельностью предложить четкие и стабильные маркеры идейно-мировоззренческой идентификации для российской молодежи.

Отсутствие партийно-идеологического размежевания обусловлено специфическими условиями становления многопартийной системы в постсоветской России. Это прежде всего наличие большого количества «лидерских» партий, для которых идеологическая составляющая была лишь определенным формальным декором, а также фрагментированность, раздробленность партийных сегментов и острая внутренняя конкуренция партийных образований одной и той же идеологической направленности. Данные факторы обусловили пестроту восприятия идеологического плюрализма и отсутствие осознанного понимания ценностной сущности ведущих идеологий.

Кристаллизация российской партийной системы в 2000-е гг. не привела к значительным изменениям в восприятии идеологически обоснованных альтернатив общественного развития России. Связано это с тем, что «Единой России» как ключевому игроку на политическом пространстве невыгодно было связывать себя конкретными идеологическими обязательствами перед избирателями. Политтехнологи и лидеры единороссов пошли по пути микширования ценностных основ своей партии и включения элементов и консервативной, и либеральной, и социал-демократической идеологий. Такая эклектика, на наш взгляд, является одной из главных причин отсутствия четкой идеологической идентификации у опрошенных студентов. В результате они демонстрируют здравый прагматизм и эклектичное понимание традиционализма и модернизма, которые синтезируются в их восприятии на бесконфликтном уровне как отражение реальной политики, декларируемой действующей властью.

Примечания

¹ Василенко Т. Г. Прикладной социолог (ПриС), 2002–2003 гг.

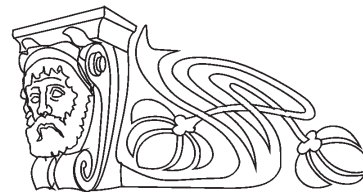

УДК 323.1; 323.2

СПЕЦИФИКА ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

С. А. Панкратов, Н. А. Тельнова

Волгоградский государственный университет
E-mail: c.pankratov@mail.ru

Статья посвящена анализу проблемы гражданской идентичности, специфика которой во многом определяется характером политической модернизации России. Авторы обосновывают «этатистскую» модель модернизации, считая, что основными факторами ее реализации являются гражданская идентичность и патриотизм.

Ключевые слова: гражданская идентичность, политическая модернизация, патриотизм, глобализация, «этатистская» модель.

The Specificity of Civic Identity under the Conditions of Political Modernization in Russia

S. A. Pankratov, N. A. Telnova

The article is dealt with the problems of civic identity the specificity of which is mainly defined by the character of political modernization in Russia. The authors substantiate the «etatic» model of modernization, taking into consideration the fact that the basic factor of its realization are civic identity and patriotism.

Key words: civic identity, political modernization, patriotism, globalization, «etatic» model.

Проблема гражданской идентичности в условиях глобальных изменений и специфики развития современного мира приобретает особый смысл, оставаясь одной из основных тем в контексте размышлений о будущем России. Процессы глобализации существенным образом влияют на модернизационные преобразования, придавая им невиданные ранее динамизм и лабильность. «Фундаментальные механизмы и способы поддержания идентичности необратимо разлагаются, состояние всеобщего кризиса идентичности становится нормой, а его конкретные проявления диверсифицируются в зависимости от того, сколь значимой для данного сообщества оказывается *гражданская идентичность* (лежащая в основе реального политического самоопределения индивида)»¹. Общественное бытие человека в этой сложной ситуации переживает существенные модификации, что требует пересмотра ряда нормативно-ценностных структур социальной системы, выработки новой парадигмы гражданской идентичности.

Понятие «гражданская идентичность» тесно связано с понятиями «нация», «гражданственность», «патриотизм», которые в ходе общественного развития претерпевают модификации от естественной принадлежности к роду, племени,

то есть от первоначального (порожденного самой жизнью и природой) чувства отождествления себя с родственной группой к глубоко осознанной созидающей любви к Отечеству, сформировавшейся гражданской позиции. Взятая в исторической перспективе, гражданская идентичность обнаруживает очень важную качественную ступень на пути развития, углубления социальной и духовной сущности человека. В традиционных обществах эта проблема не тематизируется, поскольку идентичность была сословно обусловленной, строго фиксированной социальным статусом индивидов. С развитием уровня самосознания человека (благодаря которому он освобождается от непосредственной привязанности к социальной группе), усложнением его внутреннего мира и отношения к обществу повышается потребность в самоопределении, самоидентификации, в том числе и гражданской.

Гражданская идентичность выступает как осознанный процесс соотносительности (тождественности) человека с определенной государственной общностью в конкретном социально-политическом контексте. Это понятие характеризует политическое сообщество как относительно устойчивую целостность, отражающую динамику воспроизводства самосознания индивида на основе его свободного и рационального выбора. По сути, сама проблема идентичности возникает, когда нарушается самоидентичность и существует необходимость в переосмыслении базовых потребностей и ценностей.

Одним из толчков к ее осознанию (и поиску) в настоящее время стало такое драматическое событие в жизни страны, как распад СССР и последовавшие за этим радикальные социальные преобразования, породившие кризис идентичности. Советская идентичность, выступавшая ключевым фактором мобилизационного развития, конструировалась при помощи мифологизации мышления, в основе которой лежали навязываемые советскому человеку образ мира с разделением его на «своих» и «чужих», образ «вождя», миф о «советском человеке», образ «прекрасного будущего». Мифы и символы социалистической идеологии, тесно связанной с определенной интерпретацией культурно-исторического прошлого страны, выступали основой социальных связей,

политических действий, в конечном счете воспроизведения самоидентификации советского общества. Согласно идеологии тоталитарной системы только партийный лидер имел право определять систему ценностей, что резко ограничивало свободу выбора отдельными гражданами способов и форм своей национальной идентичности. В таком социокультурном контексте различия между гражданской и этнической идентичностью стираются в том смысле, что этническая принадлежность наполняется политическим смыслом. Согласно историко-стадиальному подходу, характерному для советской науки в целом, нация представляет собой высшую форму этнической общности, сложившуюся в период капитализма.

Мифологическая сущность советской системы стала одной из причин ее кризиса, следствием которого является то, что идентичность утратила функцию регулятива, приводящего в соответствие индивидуальные смыслообразования и процессы их социального проектирования. Вместе с системой духовных и гражданских ценностей рухнула и советская идентичность. В результате крушения монополии коммунистической идеологии возникает идеологический вакуум, а идентичность приобретает неустойчивый, аморфный, размытый характер. Начинается длительный поиск новой гражданской идентичности. Если в советское время акцент делался на интернационализме и мультикультурности, то после перестройки фокус внимания переместился на понимание России как государства-нации, одной из задач которого стала попытка реинкорпорировать в свой состав русское население «ближнего зарубежья». Изменение идеологической парадигмы советского общества (с помощью которой была структурирована его идентичность) привело к необходимости создания новой российской идентичности (которая может быть сформирована с опорой на ценности гражданской нации). Место утерянной советской гражданственности в настоящее время заполняется форсированным формированием этнической и конфессиональной идентичности.

Следует отметить, что гражданская идентичность имеет свое собственное основание идентификации (отличное от этнической) в виде политических сообществ граждан. Она выступает как поликультурное и полиэтничное образование. Этническая идентичность носит более устойчивый характер, она обусловлена прежде всего единством происхождения и общностью культурных универсалий (традиции, язык, обычаи). Подмена национальной идентичности этнической происходит в случае когда нация как политическое сообщество не сформировалась или отождествляется с одной этнической общностью.

Ослабление государства-нации неминуемо ведет к кризису гражданской и национальной идентичности. В настоящее время этот процесс связывают с тенденцией к глобализации, под которой понимают всестороннее сближение и

интеграцию всех стран мира в технологической, информационно-культурной, экономической и политической сферах. Экономическая и культурная глобализация, обусловленная развитием средств массовой коммуникации, одновременно и объединяет, интегрирует людей, и провоцирует стремление к обособлению и разделению, зачастую ведущее к нарушению коммуникативных связей и серьезным конфликтам. Захватив всю совокупность общественных отношений, затронув сферу национально-государственных связей, тенденция к глобализации, выраженная в расширении и увеличении протяженности, интенсивности и разнообразия связей, привела к сближению стран и регионов, материально-экономических структур, к перестройке всей системы мировых общественных отношений. Современное человечество живет все больше не в «пространстве мест», а в «пространстве потоков», мир сжимается, становясь интегративным, контакты между народами и нациями крепнут, растет взаимопроникновение и взаимовлияние.

Происходящие в современном мире процессы демократизации, расширения информационного и коммуникативного пространства, культурной стандартизации способствуют формированию универсальной системы ценностей (права и свободы человека, рыночная экономика, гражданское общество, индивидуальный выбор и т. д.). Эти процессы, как считают многие исследователи, ослабляют роль и влияние государства, а создание единого экономического пространства приводит к подрыву национального суверенитета, тем самым угрожая сохранению гражданской идентичности. Но, как показывает опыт стран Юго-Восточной Азии, модернизировать общество можно не меняя идентичности. Гражданская (и национальная) идентичность способна не только утрачивать значимость, становиться размытой, но и укрепляться в ходе процесса глобализации. Зрелые государства-нации, проходя процесс модернизации, сохраняют свою идентичность.

В России модернизация проходила под сильным влиянием и давлением опыта других стран, который дает образцы эффективной деятельности во всех сферах жизни, показывая пути решения постоянно возникающих сложных проблем. Она никогда не являлась самоцелью, к которой стремилось общество, способное так интерпретировать ее ценности, чтобы они, с одной стороны, сохраняли предметную сущность содержания модернизации, а с другой – не разрушали бы специфику, самобытность национальной культуры. К особенностям модернизации в России можно отнести: этатизм, то есть решающую роль государства в реформировании всей общественной системы; последовательную смену реформ и контрреформ; раскол российской культуры на две основные субкультуры – культуру европеизированных верхов, в значительной мере искусственную и

противостоящую национальным традициям, и патриархальную культуру низов.

Политическая модернизация становится решающим и необходимым условием, обеспечивающим способность социальной системы адаптироваться к изменившейся ситуации и адекватно отвечать на новые вызовы и угрозы современности. В идентификационном процессе россияне должны найти место идея построения общества, основанного на свободе индивидуального выбора, экономической и политической демократии, приоритете прав человека, то есть общества, в котором будут созданы максимально благоприятные условия для творческой самореализации каждого человека в качестве цели развития. Важно отметить, что движение к ней возможно лишь по пути всесторонней модернизации существующего общества, которая должна осуществляться при опоре на многие традиционные ценности российского общества. Речь может идти не о смене идентичности, а об ее расширении.

Выдающиеся российские мыслители-эмигранты еще в начале прошлого века определили важнейшие методологические положения, способные повлиять на характер современного этапа политической модернизации. Они считали, что России необходима сильная (но не тоталитарная) государственная власть, что важно отличать творческую демократию от формальной, механистической и нельзя представлять ее как новую форму религии, способную безболезненно решить назревшие проблемы и противоречия. И. Ильин отмечал, что «сила власти есть прежде всего ее духовно-нравственный авторитет, ее уважаемость, ее признаваемое достоинство, ее способность импонировать гражданам»².

В условиях переходного состояния глобализирующегося мира, когда формирующееся «общество риска» привносит новые параметры (риски «высокой современности»), которые были неизвестны прежним эпохам), «этатистская» модель политической модернизации России, на наш взгляд, может быть наиболее адекватно воспринята большинством представителей различных поколенческих когорт. При этом следует подчеркнуть, что общественное сознание как важнейший фактор развития во всех его формах, в том числе и политической модернизации, свидетельствует о ведущей роли общественных (гражданских) институтов в этих процессах. Принудительная модернизация, какими бы обстоятельствами она не была вызвана, раскалывает общество, ставя под сомнение достижение поставленной конечной цели. Однако в рамках «этатистской» модели речь идет о руководящей и организующей роли государства и его непосредственном участии в модернизационном процессе, а не усилении (максимизации) репрессивных функциональных составляющих. «Этатистская» модель политической модернизации опирается на «генеральный код развития» «сильного государства» (не в

милитаристском, а в структурном смысле), выработанного на протяжении всей отечественной истории. При этом государственное воздействие на гражданские институты состоит в актуализации поиска консенсуса и согласовании важнейших сторон модернизационного процесса между его ведущими акторами, а также общества в целом.

Следовательно, «этатистская» модель модернизации предполагает, с одной стороны, структурное и функциональное осовременивание российского государства как политического института, а с другой – выработку специфических механизмов взаимодействия власти и гражданского общества, поиска согласования различных интересов. Суть данной модели состоит в создании условий для формирования открытого общества, где государство выступает политической гарантией действительной альтернативы отсталости и неустойчивому развитию страны. Именно реальный суверенитет и сильное государство во многом позволяют обезопасить российское общество от вмешательства со стороны сил, которыми движет соблазн определять внутреннюю и внешнюю политику других стран.

В этих условиях основными факторами модернизации политического пространства современной России являются гражданская идентичность и патриотизм. Гражданская идентичность есть важнейшая характеристика политического сознания человека, включающего в себя систему социокультурных принципов, на основе которой сообщество граждан того или иного государства оценивается как объект социального служения, ответственности, солидарных действий. Она выступает важнейшим механизмом социализации личности, проявляющейся в отождествлении индивида с определенной государственно-политической общностью; способствует активному освоению образцов и стереотипов поведения, присущих членам сообщества, принятию в качестве собственных групповых целей, социальных ролей, установок, идеалов. Это помогает организовать и сплотить индивидов, сориентировать их в изменяющемся мире. Выражая принадлежность человека к данной стране, к данной национальной среде, она формирует в человеке сознание и ощущение своей слитности с ними и одновременно обособляет его от представителей других государственных общностей.

Осознание человеком сопричастности к определенному государству, к сообществу граждан является основой политической жизни и гражданской позиции. Посредством гражданской идентичности усваиваются и транслируются нормы и ценности, стереотипы поведения, традиции и обряды народа, осуществляется влияние на формирование национально обусловленного мировосприятия. Гражданская идентичность развивается и изменяется в процессе социально-исторических перемен, характеризуя определенную ступень роста политического самосознания индивидов.

Утрата гражданской идентичности порождает серьезные проблемы, связанные с глубоким отчуждением общества от государства, ощущением распада, нестабильности человеческого бытия, с формированием гражданского общества, которое не существует без опоры на устои, сложившиеся в рамках политической культуры. Как показывает история, когда в обществе ослабевает национальная и гражданская идентичность, начинаются исторические болезни: смуты, самозванство, экономическое запустение, проигранные войны. Идентичность защищает государство, нацию, культуру, с одной стороны, от энтропийных процессов, а с другой – от экспансии и поглощения со стороны других государств, наций, культур.

Проблема идентификации (особенно это касается гражданской и национальной) в настоящее время стала проблемой осознанного выбора. Если государство не сможет удовлетворить запросы и потребности человека, в открытых обществах существует возможность изменения им своего гражданского статуса. Вопрос о гражданском самоопределении, о выборе наиболее значимых политических ориентаций и ценностей возникает, когда появляется необходимость осмысления человеком, обществом, государством своего места в глобализирующемся мире. Это осмысление детерминирует выбор гражданской принадлежности, который осуществляется исходя из экономических, политических и социокультурных предпочтений индивида, что придает выбору изменчивый и ситуационный характер. Чем шире и глубже культурные контакты между различными государствами, тем многообразнее переживание гражданами своей идентичности. Отношение индивида к государству, которое может существенно изменяться и пересекаться с другими идентичностями, предполагает не только принадлежность, но и критическую рефлексию по этому поводу. Помимо этого идентификация предполагает активное самосозидание: не просто уподобление человека определенной символической структуре, а работу по конституированию и себя, и структуры, относительно которой происходит это уподобление.

Проблема гражданской идентичности тесно связана с проблемами гуманизации общественных отношений, исторической памяти, закономерностей устойчивого развития общества и духовно-нравственного развития личности. Ее можно решить на пути эффективной организации многогранного российского социокультурного опыта. Современные формы опыта являются более изменчивыми, и их трансформация происходит на протяжении жизни одного поколения, что приводит к необходимости постоянной корректировки идеалов, ценностей и моделей формирования национального самосознания. Пока у России сохраняется реальная возможность найти свой «особый путь» развития и модернизации, отстаивать свои национальные интересы, пере-

осмыслить «русскую идею», остается надежда на благоприятный выход из кризиса социальной идентичности. При этом важно учитывать характерные особенности российского национального самосознания, которые обусловлены неповторимостью исторического развития страны и судьбы русского народа, его культуры, языка, образа жизни, менталитета, религиозным и этническим факторами, необъятностью территории.

Высший уровень гражданской идентичности выражается в патриотическом отношении человека к своей стране. Патриотизм выступает как основной социально-психологический компонент гражданской идентичности. Патриотизм (с греческого переводится как земля отцов, место рода) – иммунная система народа. Он проявляется в добросовестном выполнении гражданских обязанностей и долга перед своим народом, в уважении к историческому прошлому своей страны, в гордости за достижения своих сограждан, в желании отстаивать честь и достоинство своего государства. Патриотическое чувство, в котором выражается привязанность человека к родной земле, традициям, закреплялось веками в сознании народа. Идея патриотизма, служения Родине становится доминирующей в русской политической культуре начала XIX в., постепенно вытесняя идею служения государю. Патриотическое поведение выступало критерием оценки нравственных качеств личности, ее значимости и социального статуса.

Выражая принадлежность человека к данной стране, к данной социальной среде, идея патриотизма формирует в человеке сознание и ощущение своей слитности с ними и одновременно обособляет его от представителей других национально-культурных общностей. Здесь возникает проблема различия характера отношения человека к своей стране и другим странам. Не соглашаясь с идеей «национального альтруизма» Вл. Соловьёва, С. Булгаков писал, что любовь к родине «не должна быть самоутверждающейся в ограниченности своей, которая оборачивалась бы враждой или презрительностью к другим народам, но она может не быть исключительной»³.

Патриотизм предстает в единстве духовности, гражданственности и социальной активности личности, осознающей свою неразрывность с Отечеством и действующей в интересах его возрождения и надежной защиты. Выступая важнейшим мотивом социально значимой и нравственной деятельности личности и фактором консолидации общества, идея патриотизма способствует осознанию единства нации, пониманию уникальности и ценности ее исторического развития, сохранению самобытности русской культуры. Патриотизм представляет собой своего рода идеологический фундамент общественного и государственного здания, нравственно-политическую опору его жизнеспособности, одно из первоосновных условий эффективного функционирования всей системы социальных и государственных институтов.

Таким образом, на сегодняшний день доминирующими цивилизационными процессами, несомненно, являются процессы глобализации и политической модернизации. Глобализация как процесс нивелирования национально-культурных ценностей должна быть ограничена внутренним духовным содержанием русской нации. Основанием этого может стать национальная идея, наполненная позитивным гражданским и патриотическим содержанием, которая будет формировать духовно-культурную границу, препятствующую исчезновению национальных особенностей и способствующую сохранению российского культурного колорита, гражданской судьбы, социокультурного генотипа.

Российская гражданская идентичность – это неотъемлемый атрибут воспроизводства России в качестве суверенной и самодостаточной цивилизации, обеспечивающей достойные условия для существования и саморазвития сообщества, выступающего в качестве суверенного и целостного организма. Гражданская идентичность становится важным инструментом воздействия на развитие (направление, ход) социальных про-

цессов и механизмом формирования и сохранения национального самосознания. В связи с этим необходима разработка современных программ сохранения самобытности гражданских ценностей и патриотических чувств как условия стабильности российской социальной системы.

Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «“Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” на 2009–2013 годы» в рамках мероприятия 1.1. «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области юридических и политических наук».

Примечания

- ¹ Лавкин В. В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности // Полис. М., 2008. № 3. С. 50.
- ² Ильин И. А. О сильной власти // Ильин И. А. О грядущей России. Избранные статьи. М., 1993. С. 280.
- ³ Булгаков С. Н. Нации и человечество // Булгаков С. Н. Сочинения : в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 647.

УДК 32.01

ПОЛИТИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ПОСЛАНИЯХ ПРЕЗИДЕНТА ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК МЕХАНИЗМ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ

М. В. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: super9999@yandex.ru

В статье рассматривается процесс включения в политическую повестку дня экономических проблем. Объектом исследования выступают ежегодные послания президента Федеральному собранию России. Автором предложено оригинальное видение причин и механизмов политизации проблем экономического развития России.

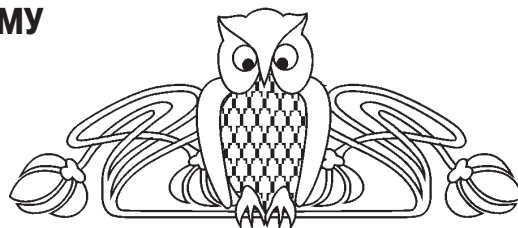
Ключевые слова: политика, политизация, политическая повестка дня, послания президента.

The Politicization of Economic Issues in the Presidential Address to the Federal Assembly of Russian Federation as a Mechanism for Construction of Political Agenda

M. V. Danilov

The article considers the processes of inclusion in the policy of economic issues in the text of the The Author is offered original vision of the reasons and mechanism politicization of issues of economic development in Russia.

Key words: politics, politicization, political agenda, presidential addresses.

Ключевым понятием, используемым в данной статье, является «повестка дня». По сути, это набор тем, политически значимых в определенный момент времени. Или, другими словами, совокупность «неполитических» тем, ставших политическими, актуализированных в политическом пространстве. Доктор политических наук, заведующий отделом социологии и социальной психологии ИНИОН РАН Д. В. Ефременко добавляет в качестве характеристики политической повестки дня еще и управленческий потенциал. Он указывает, что речь идет о темах, которые имеют высокие (хотя и не абсолютные) шансы быть переведенными в плоскость конкретных политических решений и действий¹. Политическая повестка – это концентрированное выражение наиболее значимых, самых острых проблем, которые стоят в тот или иной момент перед обществом. Политическая повестка – явление конкретно историческое и динамичное. Набор актуальных

политических тем постоянно меняется. Изменения в политической повестке дня кажутся, на первый взгляд, логичными, последовательными и плавными. На уровне обыденного политического сознания такие изменения вообще чаще всего остаются неотрафлексированными. Но на самом деле анализ показывает, что актуальность одних проблем со временем нарастает, а других – снижается. Процессы политической актуализации тех или иных сторон социальной реальности можно назвать политизацией, представляющей собой весьма эффективную технологию формирования политической повестки дня. Когда мы говорим о политизации как о технологии, мы подразумеваем, что имеет место сознательно направляемый и управляемый процесс привнесения в политическую сферу изначально неполитических вопросов.

Современная политическая наука накопила достаточно обширный опыт исследования политических повесток как в аспекте внутреннего содержания, так и с точки зрения механизмов их формирования². Согласно одному из самых распространенных мнений, повестка дня возникает на пересечении усилий СМИ, государства, социальных и политических институтов, групп влияния. Помимо этого, она подвержена воздействию неконтролируемых событий и внезапных кризисов, влиянию форс-мажорных обстоятельств. То есть, признавая в целом конструируемость повестки дня, исследователи отмечают ее лабильность, податливость влиянию острых, важных сюжетов, связанных с актуальными событиями, явлениями³. Атрибуция повестки дня в качестве политической означает лишь то, что поднимаемые проблемы требуют решения политическими средствами и не могут быть разрешены штатными методами. Из этого следует, что политическими становятся любые темы, становящиеся предметом дискуссий в политическом пространстве.

Ключевым институтом политизации общественных отношений в России является государственная, а точнее, президентская власть. Президент выступает в качестве основного субъекта, формирующего политическую повестку дня, именно он в условиях отечественной политической системы определяет, какие проблемы требуют политического решения и должны быть переведены из плоскости обыденного в плоскость властного дискурса. Кристаллизованным выражением этого процесса являются ежегодные послания Федеральному собранию.

Согласно ст. 84 Конституции РФ, президент «обращается к Федеральному собранию с ежегодными посланиями о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства»⁴. Такая формулировка конституционного положения подчеркивает именно политический характер посланий. Сопоставление политического и правового начал в президентских обращениях достаточно хорошо проанализировано в работе Н. Ф. Земченкова⁵. Однако он несколько

абсолютизирует сами послания, рассматривает их в отрыве от общеполитической ситуации, преподносит президента как демиурга политики, не зависящего от каких-либо внешних обстоятельств. По нашему мнению, послания – отражение объективной картины баланса общественных сил, выражение реакции государственной власти на существующие проблемы, основная масса которых носит неполитический характер.

Данный вид политико-правовых документов представляется одним из важнейших каналов политизации общественных отношений, поскольку его транслирует главный субъект власти. Здесь мы имеем дело с довольно примечательной особенностью российской политической ситуации, которая характеризуется тем, что президент является безусловным лидером по уровню доверия и лояльности граждан⁶. Это обстоятельство обуславливает и повышенный научный интерес к президентским посланиям.

Существует направление, которое стремится выявить в них идеологическую природу⁷. Другие авторы, работающие в русле политико-лингвистического подхода, стремятся подвергать тексты дискурс-анализу⁸. Наш подход заключается в том, чтобы последовательно представить динамику изменения формируемой политической повестки дня в посланиях Президента РФ, проанализировать список политизируемых вопросов на протяжении 1990–2000-х гг. В результате мы можем сделать достаточно уверенные выводы относительно того, какие «неполитические» темы стабильно присутствуют в политическом пространстве России, а какие попадают туда ситуативно и вновь возвращаются в лоно своих социальных подсистем (экономики, культуры, права, быта, религии). Будучи помещенными в политическую среду, изначально неполитические проблемы не только приобретают новый статус, новый уровень общественного обсуждения, но получают новые механизмы и инструменты своего решения. Эти инструменты и механизмы хорошо известны и связаны с полномочиями политической, а если точнее – государственной власти. В связи с этим становится понятным смысл политизации как технологии формирования политической повестки дня: придав проблемам политический статус, попытаться решить их политическими средствами ввиду неэффективности инструментария тех сфер, откуда «генетически» происходят проблемы.

Ситуация перехода от советского типа политической системы к современному сопровождалась глубокой экономической перестройкой. Формирование новой рыночной экономики проходило в условиях отсутствия нормативной базы, в агрессивной социально-политической среде, часто при непонимании самим руководством государства технологии проведения реформ. В подобных обстоятельствах совершенно естественной оказывается политизация экономиче-

ских вопросов. Политическое звучание экономических проблем – главный пункт в российской повестке дня.

Послания, адресованные Федеральному собранию Борисом Ельциным, дают понимание глубины экономического кризиса и количества нерешенных и, как казалось, нерешаемых проблем. Уже в первом своем Послании в 1994 г. президент Б. Н. Ельцин отмечает тревожное положение в российской экономике. Рост цен усугубляется взаимными неплатежами предприятий. Месячная инфляция зашкаливает за 20%, люди месяцами не получают заработную плату, те граждане, которые имеют доход, стараются спрятать его от государственного налогообложения. Сама экономическая система эти проблемы решить была не в состоянии, потребовались политические средства реагирования. В 1994 г. в качестве важнейшей политической темы была обозначена тема приватизации, создания частной собственности и класса собственников. Приватизация надолго войдет в политическую повестку дня, ее значение в политической сфере окажется настолько значительным, что даст возможность анализировать ее именно как политический процесс⁹.

Послание 1995 г. содержало в себе не только констатацию проблем, но и отчет о некоторых достигнутых результатах, в частности в обуздании инфляции, проведении масштабной приватизации. В 1995 г. в политическую повестку были включены такие темы, как создание благоприятного инвестиционного климата, сокращение сырьевой сферы экономики за счет увеличения ее наукоемкой части. Эти аспекты уже более полутора десятилетий не выходят из числа наиболее актуальных политических сюжетов. Российская экономика так и не научилась регулировать эти вопросы самостоятельно, без политической подпитки.

Послание 1996 г. имело особую специфику, поскольку носило характер предвыборного для переизбрания Б. Н. Ельцина на второй президентский срок. Обличая советскую власть в трудностях новой России, президент не мог их не обозначить. Они, в целом, оказались довольно типичными и отчасти знакомыми по предыдущим текстам, но впервые экономическим, как, впрочем, и другим проблемам был придан столь явный политический характер: «До сих пор не преодолены некоторые последствия системного кризиса плановой экономики». Из текущих экономических проблем, получивших политическую актуализацию, были указаны: инфляция, кризис неплатежей, плохая собираемость налогов и пошлин, слабый контроль расходования бюджетных средств, недостаточный объем инвестиций в производство. Неэффективность российской экономики 1990-х гг. наглядно может быть продемонстрирована посредством преемственности этих вопросов в последующих обращениях президента к парламенту, что свидетельствует о неспособности экономической

системы решать базовые проблемы штатными методами. В 1997–1998 гг. мы обнаруживаем те же самые темы: «удавка» неплатежей, снижение инвестиционной активности, ущербность системы исполнения бюджета. Однако были заявлены и относительно новые сюжеты, например контроль естественных монополий, необходимость проведения налоговой реформы, неравномерность экономического развития регионов. То есть накопленный за пять лет (1994–1998) опыт уже позволяет говорить о сформированности ядра политической повестки 1990-х гг. в представлении президентской власти. В 1999 г. президент выступил с Посланием, которое было призвано ответить на вызовы кризиса 1998 г., так называемого дефолта. Необходимо отметить, что данное обстоятельство существенно переформатировало повестку дня. Появились такие темы, как отсутствие эффективной системы банкротства и спроса на банковский кредит, проблема внешнего и внутреннего государственного долга, кризис банковской системы. Вновь актуальной стала задача борьбы с инфляцией.

Таковы оказались политические проблемы, сгенерированные в экономике в период президентства Б. Н. Ельцина. Фактически лишь одна задача была реально решена – проведение приватизации государственной собственности. Остальные аспекты экономической политики не выходили из повестки дня, политически актуализировались, но не решались ни экономическими, ни политическими средствами. На этом фоне новому Президенту России В. В. Путину требовалось кардинальным образом изменить повестку дня, добиться решения ряда злободневных задач для доказательства своей эффективности. Уже в первом путинском Послании 2000 г. были обозначены важнейшие направления дальнейшей работы: снижение уровня налогообложения, борьба с государственным долгом, улучшение делового климата в стране.

Изменения, произошедшие в повестке дня 2000-х гг., заметны не только на содержательном, но и на номинальном уровне. Появились новые термины, абсолютно не свойственные ельцинскому периоду. Так, проблема делового климата вновь была актуализирована в 2001 г., тогда же в качестве политических были заявлены задачи по реформированию электроэнергетики, газоснабжения, железнодорожного транспорта и связи; конкретизированы планы проведения налоговой и таможенной реформ. Развитие этих сюжетов последовало и в 2002 г. В Послании-2002 была объявлена реформа жилищно-коммунальной сферы и поставлен вопрос о присоединении России к Всемирной торговой организации (ВТО). Амбициозным по своим планам стало Послание 2003 г., в котором заявлено о необходимости удвоения валового внутреннего продукта за десять лет и достижения полной конвертируемости рубля. Тема налоговой реформы в этом Послании перешла в разряд постоянных и заняла место вы-

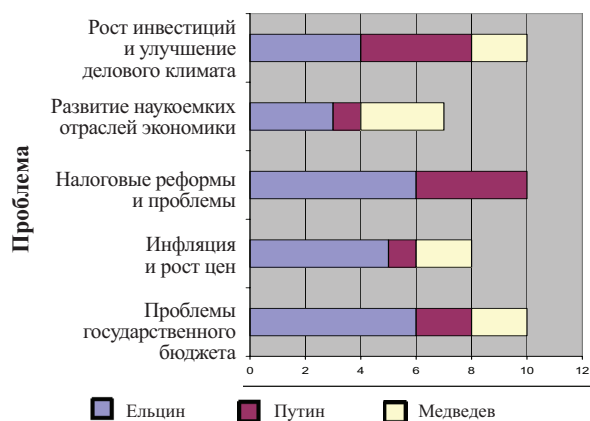
бывшей из повестки дня инфляционной проблематики. Поствыборное Послание 2004 г. особой оригинальностью не отличалось, к известным уже вопросам добавилось лишь желание обеспечить граждан доступным жильем. Обращение Президента РФ к Федеральному собранию в 2005 г. в экономическом плане было чрезвычайно скудным. Фактически политизировалась лишь тема притока частных, в том числе иностранных инвестиций.

2006 г. ознаменовал переход президентской власти при формировании политической повестки дня в сфере экономики от глобальных проблем к частным конкретным вопросам (эффективное использование энергетики, развитие коммуникационной и космической отраслей, реорганизация авиа- и судостроения). Впрочем, не обошлось и без традиционных тем (присоединение к ВТО и обеспечение конвертируемости рубля). Тенденция точечной политизации экономики была продолжена в 2007 г. На этот раз подошла очередь строительства жилья, электрификации страны, расширения транспортной системы, строительства аэропортов и морских портов. Таким образом, прослеживается достаточно четкая логика путинских посланий. Начав с глобального, принципиально важного, фундаментального в экономике, он завершил цикл локальным, конкретным, конъюнктурным. В. В. Путин удалось избежать в экономической части своих посланий ельцинской ошибки. Он не заикливался на одном и том же, что могло быть расценено как неспособность решать проблемы, демонстрировал динамику в снятии вопросов, показывал эффективность политических инструментов в решении экономических задач.

Послание 2008 г. – первое, с которым обратился к Федеральному собранию президент Д. А. Медведев. В своей экономической части оно было посвящено реакции российской власти на мировой финансовый кризис. Подчеркнув, что экономические проблемы России в данном случае вызваны ее интеграцией в мировое хозяйство, президент в качестве базового политического приоритета в этой связи заявил решение задачи вливания финансовых ресурсов в отрасли отечественной промышленности и сельского хозяйства. В качестве новаций в плане политизации экономических вопросов можно отметить актуализацию темы развития наукоемких технологий и производств. Тема финансового кризиса была поддержана и в 2009 г. Стратегическим направлением преодоления кризисных ситуаций было объявлено развитие инновационной экономики, освобождение бюджета от зависимости от цен на сырье, повышение конкурентоспособности отечественных отраслей обрабатывающей промышленности. В послании нашлось место планам государственной поддержки сельского хозяйства, потребительского кредитования и жилищного строительства. Большое внимание президент Медведев уделил развитию инфраструктурных

объектов и оздоровлению финансовой системы. В 2010 г. послание президента в экономической части сочетало в себе и посткризисные, и иные темы. К посткризисной проблематике можно отнести рост цен на продовольствие, угрозу усиления инфляции, рост бюджетного дефицита. Были обозначены и вопросы, не связанные напрямую с кризисом. Это и проблемы сельского хозяйства в засушливый год, и уже поднимавшиеся ранее проблемы энергоэффективности экономики. Впервые начиная с 1990-х гг. была актуализирована тема приватизации крупных компаний.

Такова содержательная часть экономических вопросов, политизированных в Посланиях Президента РФ Федеральному собранию РФ. Дискурсивная часть нашего анализа, очевидно, должна быть дополнена структурированием выделенных сюжетов повестки дня, сформированной президентской властью. Для этого мы воспользовались процедурой контент-аналитического исследования. Были выделены темы, политизированные в посланиях, явившиеся в данном случае единицами счета. Затем данные темы были ранжированы согласно частоте их упоминаний в посланиях. Кроме того, в общем объеме упоминаний той или иной темы были обозначены доли, приходящиеся на ельцинские, путинские и медведевские послания. Из общего массива политизированных экономических проблем мы выбрали пять, имеющих наибольший вес (диаграмма).

Основные проблемы экономической повестки дня в Посланиях Президента РФ Федеральному собранию РФ

Структурный анализ политизированных экономических проблем наглядно показывает, что вопросы экономики в политическом аспекте были максимально актуальными в период президентства Б. Н. Ельцина. Данный вывод был вполне ожидаемым в отношении таких вопросов, как инфляция и рост цен, проблемы государственного бюджета, приватизация. Именно решением этих задач сопровождалось кардинальное реформирование российской экономической системы. Однако не очевидным оказался результат политизации таких сюжетов, как рост инвестиций и улучшение делового климата, налоговое реформирование,

развитие наукоемких отраслей экономики, которые принято связывать с деятельностью последующих российских президентов.

Таким образом, неполитическая повестка дня, содержащаяся в ежегодных Посланиях Президента РФ Федеральному собранию РФ, может быть представлена как механизм ускорения социальных процессов, технология катализации общественной динамики, а не просто банальный набор актуальных тем. Структурный и содержательный анализ текстов президентских обращений к парламенту позволяет сделать вывод о стремлении политизированной элиты, власти «приучить» неполитизированное общество к социально-политическим инновациям за счет профилактики инерционных эффектов футурофобии. В связи с этим, по нашему мнению, неполитическая повестка дня в данном случае является не столько отражением естественного, стихийного развития событий, сколько инструментом политического управления.

Примечания

- 1 См.: *Ефременко Д. В.* Дуумвират и формирование российской политической повестки // *Россия и современный мир.* 2009. № 3. С. 5.
- 2 См.: *Гончарова В. С.* Исследования проблемы «повестки дня» в политической науке // *Известия Санкт-Петербургского ун-та экономики и финансов.* 2007. № 2. С. 320–324; *Кузнецов И. И.* Российская конституционная реформа: моделирование политической повестки дня // *Сравнительное конституционное обозрение.* 2005. № 3(52). С. 12; *Мамонов М.* Роль политических субъектов в формировании приоритетов межличност-

ной «повестки дня» россиян // *Политэкс.* 2008. № 3. С. 97–107; *Куц Г.* «Установление повестки дня» и политический режим: проблема корреляции / *Изменение России: политические повестки и стратегии* : Междунар. науч. конф : тезисы докладов. М., 2010. С. 121 и др.

- 3 См.: *Дьякова Е. Г.* Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // *Полис.* 2003. № 3.
- 4 Конституция Российской Федерации. М., 2006. С. 23.
- 5 См.: *Земченков Н. Ф.* Послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию как стимул правовой реформы: проблемный комментарий // *Известия ТРТУ.* 2004. № 4. С. 268–272.
- 6 Фонд общественного мнения [официальный сайт]. Рейтинги доверия/недоверия политикам. URL: http://bd.fom.ru/cat/polit/rat_good, Рейтинги доверия/недоверия институтам власти и общества URL: http://bd.fom.ru/cat/power/pow_rei (дата обращения: 30.05.2011).
- 7 См.: *Мартыанов В. С.* Идеология В. В. Путина: концептуализация посланий Президента РФ. URL: <http://www.politex.info/content/view/322/30/> (дата обращения: 11.01.2010).
- 8 См., например: *Гусев Д. В.* Концептуально-дискурсивные структуры в Послании Президента Федеральному Собранию РФ 2008 года // *Политическая лингвистика.* 2010. № 3(33). С. 64–70; *Шилина С. А.* Анализ Посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ как фрагмент управленческого дискурса (социолингвистический аспект) // *Вестник Брянского ун-та. История. Литературоведение. Право. Философия. Языкознание.* 2010. № 2. С. 234–239.
- 9 См.: *Долгова Г. Н.* Российская приватизация как политический процесс : дисс. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2005.

УДК 321:342.4

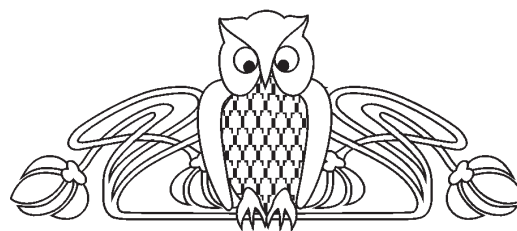
ПОТЕНЦИАЛЬНО ВНЕКОНСТИТУЦИОННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ КАК «ПОПУТНЫЙ ПРОДУКТ» ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

С. Г. Сергеев

Поволжский институт им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)
E-mail: vestnik@pags.ru

Анализируются актуальные инициативы по созданию и позиционированию внеконституционных политических структур, призванных усилить электоральные позиции российских политических партий. Показаны принципиально значимые черты, позволяющие маркировать эти вновь образованные институты как внеконституционные.

Ключевые слова: внеконституционные политические институты, политические партии, политическая система.

Potentially Extraconstitutional Political Institutions as a «Byproduct» of Party Building

S. G. Sergeev

Current initiatives for the creation and positioning of extraconstitutional political structures designed to strengthen the electoral positions of Russian political parties are analyzed. The fundamentally important features that allow to label these newly created institutions as extraconstitutional are revealed.

Key words: extraconstitutional political institutions, political parties, political system.

В непосредственной связи с предстоящими выборами партиями и их лидерами определяются перспективы дальнейшего политического благополучия и масштабы участия в политической системе страны. Громкие предвыборные заявления и неотложные инициативы часто не соответствуют не только букве, но и духу закона, в том числе – Основного. В таком случае возникает проявляющаяся в разных формах и видах демонстрация внеконституционности. Богатую эмпирическую базу для политологического анализа этого явления предоставляют российские политические партии, стремящиеся повысить общественный интерес к себе и расширить собственную электоральную базу.

Весной-летом 2011 г. различными политическими партиями последовательно озвучены схожие по своей сути политические инициативы, направленные на специфическую «достройку» институциональной подсистемы. По своим форме и содержанию предполагаемые структуры явно напоминают недавно отмененные избирательные блоки, включавшие в себя политические партии и общественные объединения.

Начало процессу было положено на конференции региональных отделений «Единой России» в Южном федеральном округе, проведенной 6 мая 2011 г. в городе-герое Волгограде. Действующий премьер-министр В. В. Путин, выступавший в роли лидера «партии власти», предложил создать Общероссийский народный фронт – коалицию разных сил, «разделяющих стремление укрепить Россию»¹. Очевидно, что в данном случае инициировалось предвыборное объединение, призванное, по крайней мере, сформировать впечатление наличия широкой социальной платформы той программы, с которой на выборы в «нижнюю» палату федерального парламента собралась идти доминирующая политическая партия².

Само по себе создание в преддверии выборов подобных ассоциаций не ново. Однако отдельные детали предлагаемого сегодня образования позволяют расценивать его как потенциально внеконституционный политический институт.

«Народный фронт» является сложным по своей структуре феноменом, сочетающим в себе черты ассоциации (объединения объединений) и основанного на индивидуальном членстве общественного объединения. Де-юре он находится вне каких-либо правовых рамок. По поводу его создания и функционирования не издано никакого «именного» закона или подзаконного акта. Он не зарегистрирован в Министерстве юстиции РФ и, следовательно, не подпадает под действие Федерального закона «Об общественных объединениях»³. Таким образом, в современном российском правовом государстве уже достаточно

длительное время существует и активно, судя по медийному сопровождению, действует «широкая коалиция общественных сил»⁴, на которую не распространяются (?) российские законы. Иллюстрацией этого является то, что Фронт заявлен как непосредственный актор избирательного процесса, хотя в соответствии с действующим законодательством не имеет права принимать участия в выборах.

Как пояснил пресс-секретарь Председателя Правительства РФ Д. Песков, Фронт – это «надпартийная структура», которая «будет формироваться не на базе партии “Единая Россия”, а, скорее, вокруг Путина – автора этой идеи»⁵. В случае успешного своего воплощения и будучи наделенным соответствующими административными ресурсами, Общероссийский народный фронт действительно может стать внеконституционным форматом партии вождистского типа.

Анализ различных деталей самого процесса институционализации Фронта также указывает на его внеконституционный характер.

ОНФ изначально создавался и оформлялся под эгидой государства. Доказательством тому служит ряд фактов. В частности, о создании координационного совета, на который возлагалась организационная работа по подготовке «запуска» процесса образования Общероссийского народного фронта, было объявлено в официальной резиденции Председателя Правительства РФ в Ново-Огарево на рабочей встрече премьер-министра с деятелями общественных организаций. ИТАР-ТАСС приводит слова В. В. Путина: «Мне бы очень хотелось, чтобы наша сегодняшняя встреча была оформлена как создание координационного совета...»⁶. Причин считать, что В. В. Путин выступал в роли частного лица или исключительно лидера одной из российских политических партий, а не государственного деятеля, нет.

По поручению Председателя Правительства РФ активное и заинтересованное участие в процессе образования и руководства Фронтом (в политологическом понимании – общественным объединением!) приняли высшие государственные чиновники. Показательно, что руководителем штаба ОНФ стал вице-премьер – руководитель аппарата Правительства РФ В. В. Володин⁷. Пресс-секретарь Председателя Правительства РФ Д. Песков однозначно дал понять: аппарат правительства, занимающийся «именно обеспечением деятельности Путина», будет задействован в процессах институционализации Общероссийского народного фронта. Более того, он подтвердил, что Владимир Путин будет заниматься Фронтом не только как лидер партии «Единая Россия», но и как Председатель Правительства РФ⁸. Сам же Д. Песков «на уровне заместителя руководителя штаба [ОНФ]» курирует PR-деятельность – отвечает за агитацию и работу со средствами массовой информации⁹. В целом не трудно заметить, что деятельность, казалось бы, негосударственного

по своей сути образования организована сугубо государственной структурой – аппаратом Правительства РФ.

Весьма показательно, что офис и штаб ОНФ разместились в здании правительства Москвы на Новом Арбате, для чего оттуда предварительно были выселены арендаторы помещений. При этом им пояснили, что площади потребовались федеральному правительству¹⁰.

Будучи еще окончательно не институционализированным, Общероссийский народный фронт стал обрастать институциями-сателлитами. Для написания предвыборной (судя по всему – единой для ЕР и ОНФ) программы по инициативе В. В. Путина специально создан Институт социально-экономических и политических исследований. Его возглавил член Совета Федерации, бывший глава Чувашии Н. Федоров, который, попутно заметим, назначен руководителем созданного в недрах центрального избирательного штаба «Единой России» совета по реализации «Стратегии-2020»¹¹. Соответствующее поручение Н. Федорову во время рабочей встречи дал Председатель Правительства РФ¹², а заявление о регистрации института сделал председатель Государственной думы Б. Грызлов¹³.

Согласно сообщению спикера «нижней» палаты российского парламента, вновь созданная структура под руководством Н. Федорова «сформулирует принципы и задачи развития страны на ближайшие годы»¹⁴. Показательно, что сам руководитель института предвыборную программу ЕР/ОНФ видит в форме пятилетнего плана. Как он заявил на пресс-конференции¹⁵, в подготовленной программе будет присутствовать график выполнения пятилетнего плана, а также представлены виды наказаний за его невыполнение. Н. Федоров полагает, что соответствующие пятилетние планы должны быть приняты во всех субъектах Федерации и даже муниципалитетах. К тому же, по его мнению, в работе института следует учитывать существующую стратегию развития федеральных округов с целью «синхронизировать эти федеральные многомиллиардные, триллионные программы». Зная особенности функционирования выстроенной в современной России вертикали власти, вряд ли будет преувеличением ожидать тотального интегрирования высказанных идей и разработанных (в будущем) положений в управленческую практику исполнительных органов государственной и муниципальной власти.

Ряд содержательных признаков деятельности по созданию программы развития страны позволяет высказать вполне обоснованное опасение, что антураж, ее сопровождающий, больше соответствует государственному органу, чем общественному объединению (ОНФ) или же экспертной структуре (ИСЭиПИ). Ближайший институциональный аналог из относительно недалекого прошлого очевиден – Госплан СССР. Однако его существование полностью укладыва-

лось в советское конституционное поле, тогда как деятельность современных внеконституционных преемников не регламентирована никакими нормативно-правовыми актами. В данном случае внеконституционное образование пытается выполнять некоторые функции Правительства РФ, которое в современной конституционной системе наделено полномочиями по социально-экономическому планированию (речь, прежде всего, идет об эксклюзивной роли высшего органа государственной исполнительной власти в бюджетном процессе).

Важным аналитическим замечанием относительно рассмотренного сюжета является констатация стремления распространить организационные подходы и содержательные установки Общероссийского народного фронта на все уровни публичного управления – общегосударственный, субрегиональный (федеральных округов), региональный (субъектов Федерации) и муниципальный. Тем самым сформулированное нами ранее теоретически значимое положение, что внеконституционные политические институты структурно транслируются на все уровни власти¹⁶, дополняется принципиальным замечанием, что собственно институциональная и функциональная трансляция дополняется программно-идеологической.

Вполне ожидаемой реакцией политических сил, оппонировавших «Единой России»/Общероссийскому народному фронту, стала попытка «отзеркалить» столь грандиозный и амбициозный политический проект. Причем в этом были замечены как системные, так и внесистемные институционализированные акторы.

Менее недели после выступления В. В. Путина в Волгограде русским националистическим организациям потребовалось для того, чтобы подписать соглашение о создании национально-патриотического фронта «Державный союз России»¹⁷. В совместном заявлении они призвали к консолидации всех национально-патриотических сил и важнейшей задачей для себя определили выдвижение «народного кандидата» на предстоящих в марте 2012 г. выборах главы государства¹⁸. Таким образом, хотя «Державный союз России» объявлялся альтернативой Общероссийскому народному фронту, планируемый масштаб его деятельности изначально несопоставим с последним.

Наиболее непримиримые противники существующего политического режима о своем проекте – Комитете национального спасения¹⁹ – заявили чуть более чем через две недели после объявления о создании провластного ОНФ. В декларации, которую совместно приняли «Другая Россия», «Рот-Фронт», «Родина: здравый смысл» и «Левый фронт», фигурировал оборот, словно заимствованный у их главного идеологического противника. Инициаторы объявили, что новое объединение открыто для всех политических и общественных организаций (правда, только оппозиционных по отношению к действующей

«тандемocratной» власти)²⁰. Однако, в отличие от своих визави, организаторы Комитета признают, что их объединение создано в преддверии выборов в Государственную думу²¹ и не планируется придание ему каких-либо стратегических функций, связанных с перспективными планами развития Российского государства, политической демократии, создания социальных лифтов и прочего, что характерно для заявлений об ОНФ.

В целом заметим, что несистемная оппозиция свои проекты, в сравнении с Общероссийским народным фронтом, видит гораздо более «приземленными». По причине ограниченности имеющихся в их распоряжении ресурсов маргинализованные политические силы целенаправленно формируют именно предвыборные коалиции. Тем самым они признают, что только через участие в избирательном процессе они способны сохранить себя в политической системе. Образующие ими структуры призваны выполнять функции координации и взаимопомощи. При этом необходимо подчеркнуть, что действующее избирательное законодательство практически полностью исключает для несистемной оппозиции в сколь-нибудь институционализированной форме возможность участвовать в выборах – формировать «партийные» списки или выдвигать кандидатов.

В легальном партийном секторе российской политической системы институциональное «надстраивание» официальных политических партий разного рода «фронтами», «комитетами», «союзами» не ограничилось только лишь «Единой Россией».

С заявлением о намерении открыть «свой фронт» председатель «Справедливой России» Н. Левичев выступил буквально спустя считанные часы после речи В. Путина на конференции региональных отделений «Единой России» в Южном федеральном округе²². При этом и по форме, и по основному содержанию «справороссовские» предложения фактически копировали «единороссовские» инициативы. В частности, была озвучена идея открыть партийные списки кандидатов на выборах в Государственную думу для представителей различных общественных организаций и беспартийных россиян, которые выражают разные интересы²³.

Уже через три недели после этого заявления «Справедливая Россия» отказалась от своего первоначального замысла дать «партии власти» симметричный ответ. Лидер партии С. Миронов на встрече с журналистами сообщил, что его организация «не будет создавать собственный блок по образцу Общероссийского народного фронта “Единой России”»²⁴. По всей видимости, в партии, заявляющей о себе как о принципиально оппозиционной по отношению к «Единой России», поняли, что, копируя в своих действиях институциональные инициативы оппонентов, «Справедливая Россия» оказывается вторичной политической силой и несет имиджевые потери.

Однако такая позиция лидера партии, как показало время, не означала принципиального отказа от создания структуры «прикрытия и сопровождения» «Справедливой России» на предстоящих выборах.

Неделю спустя после дезавуации С. Мироновым заявления Н. Левичева о создании «Справедливой Россией» собственного «второго фронта» (и, таким образом, через месяц после объявления о формировании ОНФ) он же высказал идею о готовности партии противопоставить Народному фронту Путина созданный под ее эгидой в 2007 г. «Союз сторонников “Справедливой России”»²⁵. По данным «Справедливой России», в Союз уже сейчас входит более 170 общественных организаций, а региональные отделения существуют в почти половине субъектов РФ²⁶, что позволяет считать его вполне солидной ресурсной базой для апробирования предвыборного институционализированного объединения.

В отличие от «Справедливой России» три другие оппозиционные партии – Коммунистическая партия Российской Федерации, Либерально-демократическая партия России и «Яблоко» – решили воспринять милитаризованную риторику своего главного оппонента – «Единой России». «Мы создадим свой гражданский “фронт”... Это будет независимое объединение», – заявил лидер «Яблока» С. Митрохин²⁷. ЛДПР озвучила намерение организовать «Русский национальный фронт»²⁸, а КПРФ – основной конкурент «партии власти» на политическом поле – ответить на Общероссийский народный фронт Всенародным ополчением²⁹.

По своему названию, организационной форме и методам работы, очевидным тактическим (получение дополнительной электоральной поддержки в преддверии грядущих думских выборов) и не столь очевидным стратегическим («построение в России социализма 21 века», «воплощение правительством народного доверия программы нужд и интересов трудящихся»³⁰) целям и задачам «Всенародное ополчение имени Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского» в наиболее полном формате «отзеркаливает» ОНФ. В частности, так же как и Общероссийский народный фронт, Всенародное ополчение не планируется регистрировать в Минюсте. Следовательно, на него не будут распространяться установленные законами (избирательным и об общественных объединениях) ограничения, что признал председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации В. Чуров³¹.

Безусловно, приближение выборов актуализирует и активизирует публичную политическую деятельность тех групп интересов, которые рассчитывают на получение какой-либо доли участия во власти. Оно может быть явным или скрытым, большим или меньшим, длительным или кратковременным, но в любом случае представляет собой неоспоримую ценность, во имя которой устоявшиеся, казалось бы, политические

структуры готовы проводить эксперименты в области институционального дизайна российской политической системы. В текущей ситуации вряд ли эти шаги стоит воспринимать как нацеленные на действительно долгосрочную перспективу, но они достаточно показательны.

Структуры, образуемые в партийном секторе российской политической системы, призваны не просто мобилизовать электорат. В определенном смысле они позволяют «обкатать» инновационные формы формализованных политических институтов, «примерить» их на систему публичного (в широком понимании термина) управления социумом, озвучить нестандартные (в том числе и управленческие) идеи и при этом не рисковать политической стабильностью, поскольку их инициатор (внеконституционное политическое образование) может быть практически безболезненно ликвидирован в любой удобный момент.

С другой стороны, некоторые формы внеконституционных политических институтов в случае их успешного воплощения вполне могут оказаться жизнеспособными и вне непосредственной связи с выборами. По крайней мере у Общероссийского народного фронта в том виде, как он заявлялся его политическими демиургами, для этого есть все основания.

И все же следует учитывать, что рассмотренные нами институционализированные образования, выполняющие тактические задачи «прикрытия и сопровождения» политических партий и общественных объединений, не являются полноценными внеконституционными политическими институтами. Скорее, они несут в себе потенциал внеконституционности, хотя каждое из них – по своему. В частности, для того чтобы оформиться как полноценный внеконституционный институт, Общероссийский народный фронт должен быть в буквальном юридическом смысле этого понятия легализован. Другим потенциальным внеконституционным образованиям в первую очередь предстоит добиться, как минимум, реального участия в процессе выработки, принятия и реализации политических решений, имеющих властную силу и обращенных в сферу публичного управления.

Таким образом, анализ эмпирического материала позволяет сделать теоретически значимый вывод: наряду с состоявшимися (реализованными) внеконституционными политическими институтами в политической жизни современной России отмечен феномен несостоявшихся или потенциально внеконституционных политических институтов. Эти образования, как и состоявшиеся внеконституционные структуры, порождены конституционными институтами, однако, в отличие от состоявшихся внеконституционных образований, не закреплены законодательно и не обладают самостоятельными управленческими функциями, позволяющими участвовать в политической жизни в качестве организационно самостоятельных акторов.

Примечания

- 1 Путин хочет подкупить молодежь. URL: // <http://www.stringer.ru/publication.mhtml?Part=48&PubID=16545> (дата обращения: 25.09.2011).
- 2 См.: Кузнецов А. Премьерский фронт. URL: <http://lenta.ru/articles/2011/05/09/onfr> (дата обращения: 25.09.2011).
- 3 Об общественных объединениях : федер. закон Рос. Федерации от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (в ред. от 01 июля 2011 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1930 ; 2011. № 27, ст. 3880.
- 4 См.: Декларация об образовании Общероссийского народного фронта (проект). URL: <http://narodfront.ru/docs/about/declaration> (дата обращения: 25.09.2011).
- 5 Путин создал координационный совет Народного фронта. URL: <http://lenta.ru/2011/05/07/front> (дата обращения: 25.09.2011)
- 6 Встреча премьер-министра Владимира Путина с деятелями общественных организаций. URL: <http://www.itar-tass.com/c1/138070> (дата обращения: 25.09.2011).
- 7 См.: В Общероссийский народный фронт Путина вошли 450 организаций. URL: <http://lenta.ru/news/2011/06/01/front> (дата обращения: 25.09.2011).
- 8 См.: Загорец Я., Цыбульский В. В рабочее и нерабочее время. URL: <http://lenta.ru/articles/2011/05/31/front> (дата обращения: 25.09.2011)
- 9 См.: Турмастэ М.-Л. «Единая Россия» окопалась в тылу «Народного фронта» // Коммерсантъ. 2011. 25 мая.
- 10 См.: Варфоломеев В. Имущественный фронт. URL: <http://varfolomeev.livejournal.com/516117> (дата обращения: 20.09.2011).
- 11 См.: Турмастэ М.-Л. Указ. соч.
- 12 См.: Председатель Правительства Российской Федерации В. В. Путин провел рабочую встречу с членом Совета Федерации Н. В. Фёдоровым. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/15284> (дата обращения: 20.09.2011).
- 13 См.: «Единая Россия» зарегистрировала предвыборный институт. URL: <http://lenta.ru/news/2011/05/23/institut> (дата обращения: 20.09.2011).
- 14 См.: Борис Грызлов: Нужно закрепить базовые принципы и задачи развития нашей страны. Создается Институт социально-экономических и политических исследований. URL: <http://old.er.ru/text.shtml?20/4693> (дата обращения: 20.09.2011).
- 15 См.: Федоров: программа ЕР и ОНФ станет пятилетним планом развития страны. URL: <http://ria.ru/politics/20110602/383335226> (дата обращения: 20.09.2011).
- 16 См.: Сергеев С. Г. Общественная палата: опыт структурирования внеконституционного политического института // Политические механизмы управления национальной периферией: отечественный и зарубежный опыт: материалы Всерос. науч. конф. / редкол.: проф. И. В. Бахлов (отв. ред.) [и др.]. Саранск, 2010 ; *Он же*. Учреждающая и ограничивающая роль Конституции: опыт внеконституционных политических институтов в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 3.
- 17 См.: Родин И. Фронт без линии фронта // Независимая газета. 2011. 16 мая.

- ¹⁸ См.: Националисты придумали альтернативу фронту Путина. URL: <http://lenta.ru/news/2011/05/13/opfront> (дата обращения: 20.09.2011).
- ¹⁹ См.: Путин: Подражатели ОНФ не будут лучше оригинала. URL: <http://grani.ru/Politics/m.188693> (дата обращения: 20.09.2011).
- ²⁰ См.: Оппозиция сформировала Комитет национального спасения. URL: <http://lenta.ru/news/2011/05/23/komitet> (дата обращения: 20.09.2011).
- ²¹ См.: Шевчук М. «Народному фронту» возразит «Национальный комитет» // Деловой Петербург. 2011. 23 мая.
- ²² См.: Кулагин И. «Справедливая Россия» открыла «второй фронт». URL: <http://www.pravda.ru/politics/parties/other/07-05-2011/1075175-front> (дата обращения: 20.09.2011).
- ²³ См.: Левичев: «Справедливая Россия» создает «свой фронт», списки партии открыты для общественников. URL: http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2011/05/07/n_1827509; «Справедливая Россия» создаст свой Народный фронт. URL: <http://www.spravedlivo-online.ru/content/news/SER1.php?news> (дата обращения: 20.09.2011).
- ²⁴ См.: «Справедливая Россия» не будет создавать аналог Народного фронта. URL: <http://www.mironov.ru/main/publications/9034> (дата обращения: 20.09.2011).
- ²⁵ См.: Гурин Н., Тагаева Л. Партийная мобилизация // Новая газета. 2011. 08 июня.
- ²⁶ См.: Список общественных объединений, вступивших в Общероссийскую общественную организацию «Союз сторонников Политической партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ»». URL: http://souz-ccp.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=234&Itemid=20 (дата обращения: 20.09.2011).
- ²⁷ См.: Фронт народный и неформальный // Коммерсантъ. 2011. 16 мая.
- ²⁸ См.: Макаркин А. Пиаровский фронт // Ежедневный журнал. 2011. 7 июня. URL: <http://ej.ru/11084> (дата обращения: 20.09.2011).
- ²⁹ См.: Баташьева А. На олигархов – с хоругвями и Сталиным // Новая газета. 2011. 15 июля.
- ³⁰ Зюганов: народное ополчение коммунистов станет достойным ответом ОНФ. URL: <http://ria.ru/society/20110702/396484975> (дата обращения: 20.09.2011).
- ³¹ См.: Рожкова Н. Коммунисты ополчились на единомоссов // Московские новости. 2011. 18 июля.

УДК 32:070:004:056

ИНФОРМАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

А. В. Россошанский

Саратовский государственный университет
E-mail: up@gtrk.renet.ru

В статье рассматриваются практические и теоретические предпосылки для введения в научный оборот понятия «информационный суверенитет», как понятия, характеризующего возрастание роли информации в организации современных политических процессов.

Ключевые слова: политический суверенитет, политическая информация, средства массовой информации, кризис либеральной политики, современная демократия.

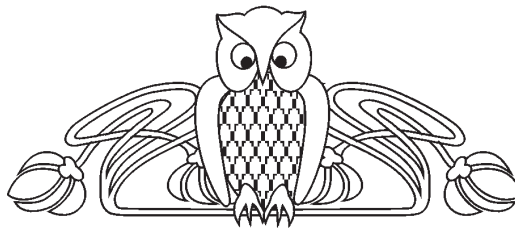
A. V. Rossoshanskiy

Information Part of Political Sovereignty

In this article practical and theoretical premises for introduction into scholar usage the notion of «political sovereignty» as the notion characterizing the rising role of information in the modern political processes organization are considered.

Key words: political sovereignty, political information, Mass Media, crisis of liberal policy, modern democracy.

Большинство современных исследований, затрагивающих проблемы нынешнего состояния и перспектив развития политики в контексте глобализационного и модернизационного процессов, не обходится без констатации их авторами факта

кризиса государственных принципов и институтов, традиционных для мира либеральной демократии. «С одной стороны, – пишет в своем исследовании академик РАН О. Т. Богомолов, – в конституции все большего числа стран закладываются демократические принципы, а с другой, в государствах, давно практикующих демократию, содержание этого понятия, а именно – народовластие, т. е. власть народа и для народа, выхолащивается. Выборы, как главный признак наличия демократии, теряют смысл, ибо с помощью больших денег и возможностей телевидения, приемов так называемых «политтехнологов», «административного ресурса» властей и других средств обработки общественного мнения удается манипулировать поведением избирателей. Кроме того, избиратель все более ощущает свое бессилие влиять на политику и формирование власти. Сталкиваясь с аморальностью и беспринципностью многих политических деятелей, он сторонится политики, считая ее грязным делом, становится безучастным к гражданским делам. Да и выборы все больше походят на театрализованное шоу, чем на политический акт»¹.

Такого рода оценки побуждают задаться вопросом: а было ли когда-нибудь в практике

либеральных демократий иначе? Вот что об этих практиках писал в XIX столетии, например, классик французского либерализма Франсуа Гизо: «Демократическая система провозглашает суверенитет народа оттого, что утомилась искать легитимную власть, надзирать за правами свободы, и, дабы отдохнуть, она возвращается под тень тирании»².

Другой, не менее известный сторонник либеральной демократии А. де Токвиль отзывался о ее практическом применении не менее критически: «Впрочем, я считаю, что страшна не столько безнравственность людей, стоящих у власти, сколько безнравственность, ведущая к власти. В демократических странах простые граждане видят, как вышедший из их среды человек в короткий срок оказывается у власти и становится богатым; это вызывает удивление и возбуждает их зависть; они начинают доискиваться, каким образом тот, который еще вчера был им ровней, сегодня наделен правом править ими. Приписать такое восхождение его способностям или добродетелям – весьма неудобно, так как это означало бы признать, что ты сам менее способен и менее добродетелен. Тогда основная причина его успеха относится за счет его пороков, и часто это бывает правдой. Вот так происходит отвратительное соединение понятия власти и низости, успеха и недостойности его, полезности и бесчестия»³. О том, как оценивали качество демократических практик их идейные противники, консерваторы и левые радикалы, упоминать в данном случае не имеет смысла.

Остается предположить, что правильнее было бы говорить не о кризисе современной либерально-демократической государственной политики в ее идейных, организационных и процедурных аспектах, а о кризисе тех теоретических эталонов государственной либеральной политики, либеральной демократии вообще, которые были созданы в прежние столетия, уже тогда они в той или иной степени выполняли в отношении практической политики нормирующую функцию, но сегодня по-прежнему (других нет) используются исследователями для оценки качества политической практики. При том что вслед за анализом непреодолимых тупиков, в которые зашло развитие современных демократических государств и обществ, обычно следует довольно внушительный список тех мер государственного регулирования, которыми государство, находящееся у «последней черты», должно обеспечить быстрый прогресс гражданского общества и прочих институтов демократии. «Выбор модели социального государства мог бы означать для России следующее: сохранение социальных завоеваний прошлого и важной регулирующей роли государства **в выполнении провалов** (выделено нами. – А. Р.) рыночной экономики <...> активная роль государства в обеспечении интересов всего общества, в формировании социально справедливой политики

доходов, в предоставлении основных социальных гарантий всему населению, в развитии науки, культуры, здравоохранения, просвещения, охране окружающей среды, поддержке инноваций и технического прогресса, борьбе с преступностью и в поддержании необходимого морального климата в стране: обеспечение демократических процедур принятия важнейших государственных решений, честного информирования общества о положении дел в стране, поддержка институтов гражданского общества, независимость СМИ и демократический контроль за их деятельностью»⁴.

Заметим: речь идет не о каком-то государстве, которое придет на смену нынешнему, загнавшему себя в угол принципами и практиками либеральной демократии, а о государстве, существующем ныне, в современной России в том числе, которое прежде характеризовалось как носитель множества существенных недостатков. Мы специально привели весь этот обширный список требований, который политические аналитики обычно от лица российского общества адресуют современному российскому государству, потому что он означает две вещи: либо все эти требования заведомо невыполнимы и наука здесь выступает в роли политического субъекта, генерирующего в массовом сознании опасные своей завышенностью ожидания, либо они реалистичны (в пользу чего свидетельствует положительный опыт европейских «государств благосостояния», на который часто ссылаются), но тогда, следовательно, не все так плохо обстоит с функциональностью либерально-демократических институтов и процедур (раз они все это могут обеспечить), как это рисуют исследователи.

По сути, современные исследователи демократической политики не обнаруживают в ней того, что всегда с трудом обнаруживали и прежде. А именно видимого проявления, наряду с суверенитетом государственной власти, народного суверенитета как основы и предпосылки суверенности демократической власти как таковой. Дискуссии правоведов о том, что эти дефиниции должны и могут обозначать, скорее всего будут продолжаться бесконечно. Но для политической науки, в рамках которой обсуждается вопрос о плачевном состоянии современной либерально-демократической практики, это вопрос насущный и подразумевающий необходимость использования уточненных теоретических понятий, поскольку прежние не позволяют нам объяснить то, что происходит в политической жизни.

Мы в нашем исследовании не будем вторгаться в сферу современных теоретико-правовых дискуссий и подробно сопоставлять преимущества и недостатки различных толкований и определений суверенитета вообще и народного и государственного суверенитета в частности. Заметим только, что для политической науки представляется важным, есть ли у современного либерально-демократического государства суверенная воля

и суверенные возможности, чтобы выполнять предписанный список всех обязательств перед обществом. При этом нецелесообразно исходить из представлений о существовании в политике общества вообще и государства вообще. Того общества, о суверенитете которого рассуждали в XVIII столетии вслед за Ж.-Ж. Руссо теоретики европейского либерализма, уже давно нет как объективной реальности. Иными являются нормы гражданственности, моральные и экономические принципы взаимоотношений между гражданами, восприятие политики как контекста, определяющего жизнь современного человека, возможности и риски этой жизни. То, что граждане стали меньше действовать в политике, не означает, что они меньше о ней думают и менее активно реагируют на вызовы с ее стороны в плане организации своей повседневной культурной и хозяйственной жизни. А когда гражданин политику продумал, сделал свой осознанный выбор в пользу оптимального для него стиля отношения к ней и поведения в ней, то ему необязательно идти на площадь и там всем сообщать о своем гражданском выборе. Современные «информационные» общества существенно отличаются от европейских обществ времен Ж.-Ж. Руссо уже тем, что больше ориентированы на осмысление политической и иной информации, больше думают о причинах и следствиях политики, и это избавляет их от многих лишних движений в данной сфере. Это выглядит как возрастающая политическая пассивность граждан. Хотя, как показывает современная ситуация в арабском мире, нарастающие протестные движения граждан по всей Европе и в Америке против государственных мер по предотвращению очередного витка экономического кризиса, совершать такие движения общества не разучились и совершают их тогда, когда государственная власть пытается действовать только по своей суверенной воле.

Нет и того либерально-демократического государства. Оно изменилось и уже не привязывает свои взаимоотношения с гражданами к создаваемым самими элитами представлениям о том, чего «хочет народ», что «народ» поймет в государственной политике, а чего не поймет. Государство само активно рассказывает обществу о себе, о содержании и целях своей политики, о трудностях и механизмах решения проблем, оно само задает и формулирует повестку дня для политики, не дожидаясь зарождения социальных и научных утопий, само занимается прогнозированием развития общества в будущем. С этим, собственно, связаны оптимистичные расчеты современных исследователей, что государство сможет взять на себя не только решение своих собственных проблем, но и за общество решит его проблемы. Все это делает вторжение современного государства в сферу общественной жизни гораздо более масштабным, чем прежде, но менее заметным и болезненным в силу применения так-

тики навязывания государством общественному сознанию информации о себе и своей политике.

Когда политическая позиция государственной власти кажется гражданину понятной, она уже не выглядит для него настолько опасной для его образа жизни, чтобы на нее реагировать немедленно и активно. Современное государство очевидно и понятно для граждан (во всяком случае на уровне внешних, институциональных и процессуальных оболочек политики) настолько, что выглядит достаточно предсказуемым и потому относительно безопасным. Для государства такое ощущение гражданским обществом своей безопасности создает невиданный прежде ресурс легитимности и соответствующий простор для решения задач политического управления как раз теми способами, которые больше всего критикуются современными аналитиками и определяются ими в качестве симптомов кризиса либерально-демократической государственной политики.

Сама политика изменилась. Из преимущественно спонтанной, диктуемой внешними по отношению к демократической политике классовыми и сословными позициями политических субъектов, игры политических интересов, ориентированной на стимулирование экономического, правового, культурного и прочего прогресса, она превратилась (что особенно заметно в модернизирующихся социально-политических системах) в конструирование усилиями политических и интеллектуальных элит проектов стабильности (гражданских прав и свобод, конституционного строя, материального благосостояния и уровня потребления, культурного пространства). Выглядит вполне закономерным, что в формате этого обновления политики современным государствам приходится расставаться с идеологией мультикультурализма, внимательнее относиться к проблемам миграции населения и мириться с националистическими и ксенофобскими настроениями своих граждан.

Очертания этого нового стиля современной политики выдают те самые требования к изменению форм и сути государственной политики, о которых упоминалось выше. Создание таких современных проектов стабильности, действительно выступающих альтернативой прогрессистски ориентированным классическим идеологиям, обеспечивается современными информационными технологиями, которые действительно устраняют из политического процесса многие дестабилизирующие факторы. В частности, до предела сжимается физическое пространство и время, благодаря чему к минимуму сводится дистанция между постановкой политической задачи и ее решением. В физическом пространстве и времени не остается места для традиционных демократических дискуссий, что, с одной стороны, создает политике сверхэффективный имидж, а с другой стороны, открывает простор для фактически беспредельного расширения виртуального

пространства и времени взаимоотношений политических субъектов. Политику начинают творить СМИ и электронные сети.

Можно ли в этих новых обстоятельствах при изучении свойств и тенденций развития современных демократических обществ и государств опереться на изначально крайне расплывчатое и неустойчивое по смыслу классическое понимание «народного суверенитета» и «государственного суверенитета» как основ демократической политики? Свойства политических субъектов как носителей суверенитета со всей очевидностью меняются. Это позволяет предположить, что и суверенность как их сущностное свойство тоже может и должна подвергаться изменению. Другое дело – как факт этих изменений зафиксировать на дискурсивном уровне.

Представляется возможным использовать для этого понятие «информационный суверенитет», имея в виду, что это обобщенная характеристика всех перечисленных выше тенденций в изменении политической субъектности общества и государства, обусловленных общим возрастанием роли информационного сегмента в структуре современной цивилизации. Это не значит, что классические определения суверенитета и постоянные дискуссии о его природе теряют смысл. Напротив, информационная составляющая присутствовала в структуре того межсубъектного политического взаимодействия, качество которого мы обозначаем понятием «политический и правовой суверенитет», изначально, с момента рождения политики как новой социальной практики. Все, что в суверенности государственной власти в разные исторические эпохи и в суверенности общества определялось мыслителями-консерваторами как «тайна» источника властной воли и властных функций, а мыслителями прогрессивного толка – как «воля народа» (что не менее таинственно), по сути было теоретической характеристикой способности одних субъектов политики, обеспечиваемой специфическим набором ресурсов и инструментов в руках государства и общества, сообщать другим субъектам политики такую информацию о себе и о них, которая позволяла определенным образом выстроить конфигурацию политических интересов, воли, процессов.

Современные тенденции в развитии цивилизации вывели эту исконную информационную составляющую политического и правового суверенитета прошлых эпох на первый план, сделали ее слишком заметной и практически значимой чертой в отношениях властвования и подчинения, чтобы игнорировать потребность отразить в политическом дискурсе эту новую тенденцию при помощи дополнительного понятия. Понятием «информационный суверенитет» предлагается обозначить значимую для современной демократической политики способность и намерение субъекта политики производить, распределять

и потреблять информацию в зависимости от собственных интересов участия в политике и использовать ее как ресурс политического влияния в тех масштабах и объемах, которые соответствуют его текущим и долгосрочным политическим интересам.

Факт обладания значительными объемами политической информации и, главное, очевидная способность манипулировать форматами, объемами и даже качеством информации в интересах разных политических субъектов и даже в собственных интересах уже давно подвели аналитиков к интуитивному восприятию роли СМИ в политике как роли «четвертой власти». При всей публицистичности этого понятия в эпоху тотальной информатизации всего, включая и политику, оно приобретает в том числе и конструктивный смысл. Во всяком случае без учета реалий, скрывающихся за определением «четвертая власть», действительно невозможно постичь логику многих современных политических конфликтов, союзов, взаимных претензий и расчетов в политике.

Именно СМИ своим быстрым прогрессом в последние два столетия вывели информационную составляющую политического и правового суверенитета на первый план. Информационные технологии только легитимировали и технически обеспечили ее сегодняшнее устойчивое присутствие на первом плане и придали тому, что прежде выглядело как «тайна власти и политики», вид очевидных истин и даже банальностей. Это служит для современных исследователей роли средств массовой информации в современной политике основанием для суждений об их, СМИ, самостоятельной политической субъектности в политике и праве и возможности восполнить своими структурами и своей политической активностью неработающие институты гражданского общества.

Фактически, если говорить о российской действительности, на уровне политики и права сегодня ситуация выглядит так, что общественное начало политики представлено двумя институтами – политическими партиями и СМИ. Партии больше тяготеют к государственной политике, и тенденция эта только усиливается в последнее десятилетие. СМИ остаются единственным представителем общества в политике, которому может быть делегирован общественный суверенитет во взаимоотношениях с властью. При отсутствии развитых гражданских институтов они и для власти становятся естественным и почти единственным источником информации об общественной жизни и инструментом перевода «общественного суверенитета» в формат конкретных идей, запросов, ожиданий рядовых граждан. Информационный суверенитет сегодня концентрируется в сфере политических коммуникаций, обеспечиваемых средствами массовой информации, настолько быстро и зримо, что вопрос о правовых и полити-

ческих механизмах обеспечения СМИ достойного места в политике выглядит как бы уже не предварительным условием, а неким дополнением к уже сложившейся фактической ситуации.

Владение СМИ информацией воспринимается гражданами и элитами как владение основополагающей «тайной» политики, что позволяет говорить о том, что современное понимание того, что было обозначено понятием «информационный суверенитет», в принципе тяготеет к традиционному для последних двух веков консервативному пониманию политического суверенитета, в которое либеральная политическая практика постоянно и безуспешно привносит вопрос: а не следует ли к воле и интересам народа перестать относиться как к тайне и писать о политике в СМИ так, как оно есть на самом деле? Проект привлекательный, но его реализация приведет к превращению СМИ в справочную службу и к появлению на их месте в политическом процессе новой «четвертой» власти в виде сетевых структур. Отчасти это происходит уже сегодня, и, как представляется, именно вследствие стремления некоторых СМИ конвертировать свою информационную суверенность в реальные экономические и правовые преимущества.

Информационный суверенитет мотивирует и определяет понимание СМИ своей политической субъектности. Конфигурация запроса СМИ на информационный суверенитет определяет структуру их отношений с другими политическими субъек-

тами и всю структуру трудностей и проблем, с которыми сталкиваются современная информационная политика и ее правовое регулирование. Исследование информационного суверенитета даст практическую возможность четко сформулировать идеологию информационной политики в современной России. Причем сформулировать, имея в виду, что основным в ее структуре должно быть не сопоставление интересов государства и общества (попытки сделать из СМИ инструмент согласования этих интересов не могли и не могут по определению иметь положительного результата). Это может быть именно идеология политического участия СМИ как самостоятельного субъекта, наделенного политическим ресурсом, которым они распоряжаются по собственному усмотрению.

Примечания

- ¹ Богомолов О. Т. Демократия и социально-экономический прогресс // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 5.
- ² Гизо Ф. Политическая философия: о суверенитете // Классический французский либерализм : сборник / пер. с фр. М., 2000. С. 572.
- ³ Токвиль А. де. Демократия в Америке : пер. с франц. / предисл. Г. Дж. Ласки. М., 1992. С. 177.
- ⁴ Богомолов О. Т. Указ. соч. С. 11.

УДК 323.1; 323.2

ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С. И. Морозов, Е. Л. Кулешова

Волгоградский государственный университет
E-mail: si.morozov@mail.ru

В статье рассматривается процесс конструирования национально-государственной идентичности населения России. Особое внимание уделено современному этапу политического развития российского общества. Анализируются возможности реализации различных проектов конструирования общероссийской идентичности.

Ключевые слова: государство, модернизация, политическая идентичность, патриотизм, политическая культура, политический дискурс.

State as a Subject of Nation-State Identity Construction in Contemporary Russia

S. I. Morozov, E. L. Kuleshova

This article concerns the process of nation-state identity construction in Russia. Special attention is paid to contemporary stage of political development of Russian society. Potentials of different projects of construction of overall Russian identity are examined.

Key words: state, modernization, political identity, patriotism, political culture, political discourse.

Эффективность конструирования национально-государственной идентичности в современной России обусловлена в первую очередь ограничениями, накладываемыми на национальные отношения историко-культурными особенностями, а также изменением роли Российского государства в структуре современных международных отношений. В этой связи характер общегосударственной идентичности относит нас к прошлому опыту политики идентичности.

Так, в отличие от западного варианта, длительный контакт с монгольской культурой предопределил деспотический характер власти царя на Руси. Здесь особый интерес представляет

осмысление проблемы самовластия. До XV в. этого вопроса в общественно-политическом дискурсе не существовало. Первоначально постановка данной проблемы ограничивалась только тем, в какой мере царь волен в управлении своими холопами. Последующее осмысление этой проблемы характеризуется тем, что, с одной стороны, акцент осмысления смещается в сторону общественных практик, а с другой – теперь вопрос о степени свободы и ответственности за свои действия ставится в отношении каждого человека. Таким образом, происходит следующая эволюция самоотнесения. Если в ранние периоды российского государства оппозиция «Я – Иной» выстраивалась на основе корпоративных общностей и групп, то в последующем происходит индивидуализация субъекта, то есть человек сам начинает определять свои предпочтения и получает возможность выбирать.

С XVII в. сфера духовного постепенно становится все более абстрактной и отступает на второй план, начинает проявляться разделение частного и государственного интереса. Так, уже в XVIII в. Петр I призывает служить не ему лично, но Отечеству. Однако парадокс ситуации в том, что требование служить «абстрактной» идее Родины как всероссийское благо исходило от царя – того самого, кто провозглашался отцом и хранителем божественной «тайны» государства. Идея безликого государства насильственно насаждалась, а не была насущной необходимостью. Однако в сознании народа авторитет царя так и остался непоколебимым, а весь негатив был направлен на различные бюрократические структуры как препятствие на пути единения монарха со своими подданными.

С этого же периода начинается и государственная категоризация населения. «Переход от состояния практической группы к официально оформленной группе (класс, нация и т. д.) предполагает конструирование классифицирующего основания, которое способно произвести совокупность отличительных черт, свойственных всем членам этой группы, и одновременно аннулировать совокупность незначимых черт, которыми в ином качестве обладают некоторые или все ее члены (например, национальностью, возрастом, полом) и которые могли бы служить основой для альтернативных конструкций»¹.

С другой стороны, стоит отметить еще один момент. Постепенно государственная идентичность приобретает новые черты и смещаются акценты. Так, если российская идентичность московского периода носила не этнический, а конфессионально-цивилизационный характер (причем единичей национально-государственной идентичности выступал именно православный народ)², то начиная с XVIII в. в общественно-политический дискурс входит этнический компонент.

В период правления Петра I появляются категории «русский народ», «россияне», которые развивались прежде всего в работах Н. М. Карамзина. Быть россиянином означало

прежде всего чувствовать глубокую связь с Отечеством и быть «совершеннейшим гражданином». Эта линия понимания «русскости» на основе русской культуры и православного христианства занимала доминирующее положение по сравнению с этническим национализмом, который был маргинальным не только в центре, но и в окраинных регионах, кроме Польши и Финляндии. Примечательно, что категория «русский народ» была востребована лишь дворянской частью населения, которая ассимилировала значительное количество элементов европейской культуры, в то время как основная масса населения самоопределялась как «русские». Причем это понятие не имело значения этнической принадлежности, а означало скорее культурно-религиозную принадлежность.

Идентичность «россияне» в дальнейший период развития абсолютизма приобрела, таким образом, двойную смысловую нагрузку, обозначая верных Отечеству граждан и в то же время вбирая в себя религиозные оттенки понятия «русский». Особенно отчетливо это проявилось в уваровской доктрине «Самодержавие. Православие. Народность» в период правления Николая I. Понятие «народность», однако, относилось только к представителям титульной нации – великороссам, малороссам и белорусам, которые тогда определялись как три субэтноса русского народа. Все остальные жители России считались «иностранцами». Однако, по мнению П. Струве, «географически расширяя свое национальное ядро, русское государство превратилось в государство, которое, будучи многонаrodnым, в то же время обладает национальным единством»³.

Ситуация существенно изменилась после 1917 г. Большевики использовали протестный потенциал национальных движений и создавали Советское государство как братский союз равноправных наций; украинцы и белорусы обрели статус наций, а на территориях, заселенных «иностранцами», сформировалось более 30 союзных и автономных республик со своей культурой и своими институтами государственности.

Советский проект по созданию национально-государственной идентичности можно считать успешным по ряду условий:

– это система образования с общими для всех национальных сегментов стандартами, а также единая система занятости, здравоохранения, комплектования вооруженных сил и т. п.;

– это экономическая система, создававшая условия для высокой территориальной мобильности населения, внутренней миграции и урбанизации, которая нивелировала культурные различия;

– это разветвленная партийная структура, объединяющая все сегменты многосоставного общества в единой системе политико-идеологических координат.

В результате все эти компоненты в той или иной мере способствовали формированию единой советской идентичности, включенные в единую

идеологическую систему, которая способствовала унификации различных сегментов общества.

В то же время в советском проекте был заложен ряд факторов, способствующих дезинтеграции государства, которые сыграли немаловажную роль в распаде СССР. Это, во-первых, актуализация этнической идентичности. В СССР приоритет нациестроительства был «спущен» с общегосударственного на регионально-этнический уровень. На основе этнических общностей и региональных идентичностей были сконструированы «социалистические нации». Население страны жестко разделилось по «нациям и народностям», общее число которых менялось в зависимости от процедуры подсчета и политико-идеологических установок. Изменилось содержание понятия «русский», которым стали обозначать только бывших великороссов, а категория «великоросс» исчезла из общественной практики, а затем из самосознания людей. В свою очередь, малороссы стали называться украинцами, белорусы остались белорусами, но обе группы перестали считать себя одновременно и русскими. Таким образом, для России XX в. культурно-исторический тип носил имя советского человека, или *homo sovieticus*.

В результате А. В. Рубцов выделяет следующие характерные черты российской национально-государственной идентичности, красной нитью проходящие через всю российскую историю:

- ведомость, высокую идеологичность и псевдодуховность;
- самобичевание и готовность подчиняться земным культам;
- вторичность народа по отношению к власти, поклонение и заискивание перед властью⁴.

Анализируя процесс изменения национально-государственной идентичности в постсоветской России, представляется возможным выделить следующие альтернативные варианты ее конструирования. Первая модель – советский проект и его противоположность – либеральная модель, представляли собой развитие России в рамках целостной системы интерпретации прошлого с соответствующими СССР традициями, нормами и символами⁵.

Однако в 1990-е гг. национально-государственное единство определялось характером «негативной идентичности», противопоставляемой первой и на первых порах суверенного существования России принятой в качестве официальной политики идентичности. Её эволюция в целостную систему позитивной модели сопровождалась длительным кризисом и хронологически закончилась только к началу 2000-х гг.⁶

На наш взгляд, в этот период исследователи упускали из виду консервативный проект. В рамках этого проекта основной исходной единицей выступает традиционное для русского общества желание самоорганизоваться на началах «одухотворенной верой державной государственности». Сторонники этого подхода в рамках дихотомии

«Я – Другой» определяют себя через противопоставление с «Западом». Вместе с тем западнический проект также предполагает смену идеологии. Однако в его основе лежит необходимость приближения России к некоей идеальной модели цивилизованного правового демократического государства. Таким образом, данный проект представляет собой «кальку» с основных условий и принципов функционирования либеральных западных демократий.

Как отмечает И. К. Пантин, «восприняв ценность национального в период глобального кризиса национально-государственной парадигмы, российское общество ... разрывается между потребностью модернизации ... и необходимостью адаптации к “постмодерным”, глобальным тенденциям мирового развития»⁷. Таким образом, внедрение одного из проектов или их синтеза позволит добиться стабилизации обстановки не только в политической сфере, но и в области социально-экономических, межнациональных отношений. А это, в свою очередь, обуславливает перспективы устойчивого функционирования и развития современной российской государственности.

Уже в 2008 г. В. А. Тишков сделал вывод об устойчивых предпосылках формирования в России «позитивной» национально-государственной идентичности на базе политической нации⁸. Более того, он заявил, что «процесс формирования гражданской нации достаточно давно и успешно идет в России, а в каком-то смысле или в какие-то событийные моменты следует говорить о российской нации как о свершившемся факте общественного сознания»⁹.

С другой стороны, некоторые исследователи, признавая главной тенденцией политического дискурса последних лет активное выстраивание политической нации, говорят о несбыточности этого проекта. Л. Радзиховский отметил: «...я не могу сказать, что этот процесс идет успешно. Даже думаю, что, возможно, он и не будет доведен до конца. Потому что Россия никогда не сможет стать полноценным национальным государством, – ведь она происходит от империи, от государства, которое правильно бы назвать супер-этническим»¹⁰. В подобном ключе высказалась и Л. М. Дробижина: «...исторически сложилось в России понимание нации как этнокультурной общности»¹¹.

Следует отметить, что модель общегосударственной идентичности воспринимается в сознании народа с помощью политических идеологем, употребляемых в официальном дискурсе, или, иначе, с помощью ключевых политических мифов и символов. Например, в советском обществе это были такие слова, как «народовластие», «дружба народов», «социалистический выбор». В постсоветской России их сменили термины, близкие по смыслу к западной идеологии «прав человека», сейчас им составляет конкуренцию группа слов,

близких к концепции «государственных интересов» и «государственной безопасности»¹².

Таким образом, если исходить из понимания национально-государственной идентичности как собрания мифов, идеологем, используемых политической властью для удержания общественного мнения и настроения, то необходимо отметить следующее. Единство национально-государственной идентичности в Советской России основывалось на частом повторении «ключевых» символов: повсеместном изображении и памятниках В. И. Ленина, создании и распространении образов народных героев, в том числе и при помощи СМИ, а также всеобъемлющем влиянии соответствующей музыки, искусства и архитектуры соцреализма.

В связи с этим современная Россия только находится на пути конструирования «ключевых» мифологем, замещающих прежние. В то же время современная российская идентичность представляет собой «сложный конгломерат» новой идентичности, советской идентичности, региональной, этнической и религиозной. В первую очередь эти проблемы касаются сферы межэтнических отношений. Межэтнический конфликт в Кондопоге в сентябре 2006 г. наглядно продемонстрировал сложность достижения национального единства в России.

Современная государственная стратегия в области конструирования российской идентичности и национального строительства базируется, по мнению Ричарда Саквы, на развитии патриотизма, который, в противоположность национализму, пропагандирует гордость за разнообразие российской культуры, исторических традиций и менталитета¹³. Согласно всероссийским опросам общественного мнения, патриотизм – это единственная ценность общенационального характера, более половины взрослого населения России поддерживает или заявляет о готовности поддержать тех политиков, которые называют себя российскими патриотами.

Второе основание общегосударственной стратегии – державная риторика, оперирующая понятиями безопасности, стабильности, стремления вернуть России прежнюю роль в международных отношениях. Согласно выводам ВЦИОМ, треть опрошенных выступает за возвращение России статуса супердержавы; данные Левада-центра подтверждают желание россиян жить в стране, которую боятся или уважают другие. Причем в настроениях наблюдается положительная динамика.

В этой связи актуализируется так называемый русский вопрос. Как справедливо заявляет ряд исследователей, русского вопроса не существует, но его достаточно легко создать. Так или иначе и крайние либералы, и консерваторы, и националистические организации используют эту тематику. Наиболее активно этот вопрос начинает привлекать внимание во время кризисных ситуаций, предвыборных кампаний. Показательно

высказывание президента Д. А. Медведева на встрече с членами Общественной палаты РФ: «... нам не нужно стесняться быть русскими, быть православными ... мы обязаны беречь и продвигать подлинные, а не мнимые ценности всех народов, входящих в нашу многонациональную страну, всех культур этих народов, и в том числе, конечно, и культуры русского народа, потому что эта культура всегда была системообразующей в нашем государстве»¹⁴. Тем не менее «русские» не становятся ни объектом, ни субъектом государственной политики в современной России.

Для официального дискурса более характерна идея многонациональности и многоконфессиональности России, ее населения, культуры. Вместе с тем Русская православная церковь, по сравнению с другими конфессиями, имеет некоторые преимущества во взаимоотношениях с политической элитой: высшие должностные лица государства присутствуют на службах в православных храмах, православные священники благословляют чиновников и военные учения и т. д. Несомненно, тема православия является выигрышной в вопросе конструирования позитивных оснований национально-государственной идентичности (по опросам ВЦИОМ, 70–75% россиян называют себя православными), хотя скорее всего использование понятия «православие» «не более чем компенсация за недостаточную национальную идентичность»¹⁵.

Таким образом, в настоящее время государственный проект национально-государственной идентичности выстраивается на основе сближения различных альтернативных вариантов и в значительной степени базируется на патриотическом прочтении истории России. Именно через патриотическую составляющую политика идентичности государства восстанавливает единство новой национально-государственной идентичности России как с советским, так и с досоветским прошлым. Именно на государство возложена задача конструирования образа «Другого» российского общества, который позволит обрести собственную уникальность.

Существуют разные источники формирования образа «Другого». В первую очередь необходимо подчеркнуть значимость административного ресурса, в частности миграционного законодательства. В этом смысле паспортная система позволяет первоначально классифицировать «своих» и «чужих». В результате официальным критерием «российскости» и «инаковости» выступает наличие/отсутствие российского паспорта и регистрации.

Еще одним критерием выделения «Другого» является не официальный статус – гражданин/не-гражданин, – а принцип восприятия «Другого» в категориях этничности. В этом случае «Другой» наделяется уже качественной оценкой – «наш»/«не-наш». Парадокс ситуации в том, что в данных обстоятельствах ряд российских территорий, областей, регионов подпадает при

такой классификации в категорию «не наших». В результате эти две формы не совпадают в ряде случаев и порой иностранцу легче попасть в эти категории именно не по формальному принципу, а согласно внешней «схожести».

В итоге процесс строительства нации и конструирования национально-государственной идентичности идет противоречиво, сопровождаясь искусственной унификацией и жесткой официальной классификацией, не всегда находящих понимание среди российского общества и противоречиво влияющих на развитие национальных отношений в России.

Таким образом, отсутствие адекватного проекта национально-государственной идентичности предопределяет поиск альтернативных вариантов единения. Поэтому перед современной Россией стоит вопрос выживания по ряду оснований. Во-первых, остается вероятность «цивилизационного одиночества» государства, так и не сумевшего выстроить систему приоритетов во внешней политике. Во-вторых, опасность кроется в актуализации региональных и локальных идентичностей, в первую очередь на базе этнического родства. В конечном итоге выбор в пользу одного из проектов так и не был найден. В политическом дискурсе характерна установка не просто на плюральность суждений, а на совершенно антагонистические варианты интерпретации проекта общероссийской идентичности. Так или иначе отсутствие консенсуса в политическом пространстве по некой одной парадигмальной модели национально-государственной идентичности выливается в конфликтные, напряженные отношения в социально-политическом поле.

Однако следует отметить определенные тенденции конструирования «российской нации», которая, в противовес этнической идентификации, направлена на формирование гражданской российской идентичности. Так, в политическом дискурсе последнего десятилетия понятие «российский народ» используется как оппозиция «русскости». Несомненно, это позитивный момент, так как конструирование идентичности должно начинаться с «имени» нации, и в этом смысле концепт «россияне» и призван заменить негативные основания идентификации.

Кроме того, в вопросе конструирования национально-государственной идентичности современной России проблемным остается поиск общенациональной идеи. Совершенно безосновательно звучат мнения, что национальная идея должна аккумулировать общественный запрос, а государство в этом случае лишь озвучивает его. На самом деле национальная идея носит преимущественно проективный характер, задающий вектор движения и развития страны. В этом смысле отсутствие такого государственного целеполагания и горизонтов будущего тормозит общественное развитие.

Отсутствие собственно национального «начала» в структуре национально-государственной

идентичности приводит к объективным последствиям – у российской нации нет перспективных приоритетов и ориентиров. Подобный «дрейф» идентичности приводит к тому, что локальная (этноконфессиональная, региональная) идентичность актуализируется. Сегодня, по мнению В. А. Ачкасова, фактор землячества, или «малой родины», выходит на первый план, что предсказуемо ведет к нарушению общегражданской российской солидарности и единства общества¹⁶.

Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы в рамках мероприятия 1.1 «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области юридических и политических наук».

Примечания

- ¹ Бурдые П. Описывать и предписывать. Заметка об условиях возможности и границах политической действительности // Логос. 2003. № 4–5. С. 36.
- ² См.: Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С. 54.
- ³ Струве П. Проблема русского могущества // К познанию России. Взгляды русских мыслителей начала XX века / сост.: А. Е. Савинкин, И. В. Домнин, Ю. Т. Белов. М., 1994. С. 73.
- ⁴ См.: Рубцов А. В. Российская идентичность и вызов модернизации. М., 2009. С. 186–187.
- ⁵ См.: Орлов Б. Россия в поисках новой идентичности. М., 1995. С. 267.
- ⁶ См.: Тишков В. А. Самоопределение российской нации // Международные процессы. 2005. Май–август. Т. 3. № 2(8). С. 33.
- ⁷ Пантин И. К. Россия : окончание исторического цикла? // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 3. С. 123.
- ⁸ См.: Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / отв. ред. В. А. Тишков. М., 2008. С. 3–4.
- ⁹ Там же. С. 4.
- ¹⁰ Радзиховский Л. Национальный вопрос // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2011/01/25/radzhovskij.html> (дата обращения: 10.08.2011).
- ¹¹ Российская идентичность в Москве и регионах / отв. ред. Л. М. Дробужева. М., 2009. С. 18.
- ¹² Шатина Н. В. Современная политика: формирование и репрезентация смыслов. М., 2007. С. 100.
- ¹³ См.: Саква Р. Выбор России / пер. с англ. В. Львова, В. Яковлева, Д. Налепиной. М., 2005. С. 345.
- ¹⁴ Стенографический отчет о встрече с членами Общественной палаты Российской Федерации 20 января 2011. URL: <http://special.kremlin.ru/transcripts/10106> (дата обращения: 10.08.2011).
- ¹⁵ См.: Русское самосознание и социальные трансформации // Агентство политических новостей. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=3685> (дата обращения: 10.08.2011).
- ¹⁶ См.: Ачкасов В. А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве // ПОЛИТЭКС. 2005. № 1. С. 69.

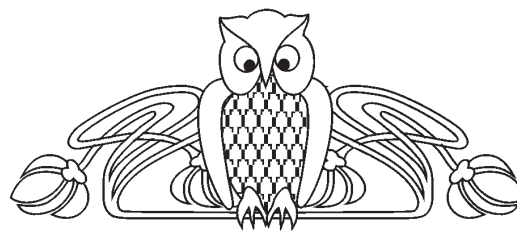

УДК 342.413: 347.23

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ

В. В. Гошуляк

Пензенский государственный университет
E-mail: vvgoshulyak@rambler.ru

Статья посвящена исследованию института собственности в политическом и правовом аспектах.

Ключевые слова: правовые институты, конституционное право, конституционные принципы.

Political and Legal Nature Institute of Property in Russia

V. V. Goshulyak

The article deals with the institution of property in two aspects: political and legal.

Key words: legal institutes, constitutional law, constitutional principles.

Правовой институт собственности юридическая наука традиционно относит к гражданскому праву. И это неудивительно, так как научные изыскания специалистов в области теории государства и права, составляющие методологическую основу для всех отраслей права, именно в этом ключе выработали понятие «институт права». Так, например, Л. И. Спиридонов дает следующее определение института права: «Группу юридических норм, регулирующих *в пределах отрасли права* (курсив наш. – В. Г.) отдельный подвид общественных отношений, называют правовым институтом»¹.

Следовательно, определенный институт права имеет место быть только в определенной отрасли права. Именно отсюда логически вытекает вывод о том, что институт собственности относится только к гражданскому праву.

Между тем настоящий вывод не может быть признан бесспорным и отнесен к юридическим аксиомам. Разве можно институт собственности сводить только к подвиду общественных отношений? Ведь собственность, право и государство возникли практически одновременно. Более того, есть основания полагать, что собственность возникла раньше государства и права. При всем разнообразии теорий происхождения государства и права абсолютное их большинство подчеркивает то обстоятельство, что именно возникновение собственности оказало решающее влияние на происхождение государства и права. Собственность – это неизбежный атрибут человеческого общества, отличающий его от мира животных, двигатель общественного прогресса, основа жизни и деятельности человека. Поэтому нельзя низводить институт собственности только к регулированию определенного подвида общественных отношений

и рассматривать его как институт только одной отрасли права.

Таким образом, теория государства и права не в полной мере разработала само понятие правового института. Видимо, поэтому М. Н. Марченко, рассматривая теорию права как самостоятельную юридическую дисциплину, ушел от анализа правовых институтов как таковых². Он ограничился лишь указанием на то, что нормативную сторону элементов правовой системы составляют юридические нормы, принципы и институты³.

Нельзя не отметить и того факта, что такой подход к определению правовых институтов в теории права не является единственным. О. Ф. Скакун в определении правового института не столь категорична. По ее мнению, институт права представляет собой систему относительно обособленных от других и связанных между собой правовых норм, регулирующих определенную группу общественных отношений⁴. Как видим, здесь нет указания на то, что институт права может быть отнесен только к одной отрасли права. Кроме того, О. Ф. Скакун подчеркивает два важных обстоятельства. Во-первых, институт права – необходимое звено в целостной системе права и, *как правило* (курсив наш. – В. Г.), каждая отрасль права имеет институты права как свои самостоятельные структурные подразделения⁵. Обращает на себя внимание в данной посылке утверждение «как правило». Это означает, что автор допускает и такие институты права, которые могут быть структурными подразделениями разных отраслей права, о чем она и пишет далее: во-вторых, «институты права могут состоять из правовых норм различных отраслей, быть межотраслевыми. Ведь главное назначение институтов права – в пределах своей группы однородных общественных отношений обеспечить цельное, относительно законченное регулирование»⁶. И с этим следует согласиться.

По мнению Е. А. Суханова, в институт собственности включаются не только нормы гражданского права, но и нормы публично-правового характера: конституционные, административные и даже уголовно-правовые⁷. Следовательно, институт собственности представляет собой не только гражданско-правовой, но и комплексный, межотраслевой институт права.

В. Д. Мазаев говорит о конституционно-правовом, цивилистическом, хозяйственно-правовом,

финансовом и других элементах межотраслевого института права собственности⁸.

Б. Н. Алейников пишет о комплексном межотраслевом институте права собственности как структурном элементе каждой отрасли права⁹.

В. Мельников рассматриваемый институт права собственности называет смешанным институтом российского права¹⁰.

О. Ф. Скакун также отнесла институт частной собственности к межотраслевым институтам права¹¹.

Институт собственности является неизбежным атрибутом гражданского общества. И главная задача права состоит в том, что оно должно регулировать (и регулирует, по крайней мере в демократических государствах) отношения гражданского общества и государства. Оно определяет тот баланс гражданских свобод и государственной власти, который позволяет этим главным сферам человеческой деятельности существовать автономно, взаимно уравновешивая друг друга и не нарушая прав друг друга.

Гражданское общество представляет собой особую сферу общественных отношений, главным образом имущественных, рыночных, семейных, нравственных. Это область реализации интересов отдельных индивидов и их объединений при минимальной роли государства. Среди признаков гражданского общества Н. И. Матузов вполне правомерно на первое место ставит экономическую свободу, многообразие форм собственности, рыночные отношения, конкуренцию¹². В этом случае собственность становится фундаментальной и краеугольной ценностью гражданского общества. При наличии гражданского общества собственность выступает главной предпосылкой свободы личности и всего общества. Это является дополнительным аргументом в пользу присутствия института собственности во всех отраслях права, регулирующих социальные институты гражданского общества.

Следовательно, институт собственности находит свое выражение и в конституционном праве. Однако конституционалисты не относят его к институтам конституционного права, а предпочитают вести речь об институте основ конституционного строя, в который входит и правовое регулирование отношений собственности. М. В. Баглай, В. А. Туманов в «Малой энциклопедии конституционного права» не выделяют института собственности вообще¹³. В. О. Лучин в своей теоретической работе «Конституционные нормы и правоотношения» также не ведет речи об институте собственности¹⁴. Обошли данный институт права и авторы учебника «Конституционное право стран Содружества Независимых Государств»¹⁵. По крайней мере, нам не известно ни одной научной работы, которая рассматривает институт собственности в конституционном праве. Это означает, что данная проблема нуждается в своем всестороннем освещении.

Авторы научных работ в области конституционного права, рассматривая основы конституционного строя, в числе важнейших элементов фундамента гражданского общества выделяют институт экономических отношений¹⁶. А. В. Зиновьев акцентирует внимание на институте экономической политики¹⁷, что, по нашему мнению, одно и то же. Такой подход нам также представляется неправомерным, так как экономические отношения представляют собой экономический базис гражданского общества и складываются из отношений собственности, производства, обмена, распределения и потребления материальных и духовных благ. Однако именно отношения собственности присутствуют и в производстве, и в обмене, и в потреблении. Поэтому более верным будет вести речь не об институте экономических отношений, а об институте собственности в конституционном праве. Он понимается в широком смысле как урегулированная правом система исторически изменяющихся общественных отношений между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ, а в узком смысле – как имущество, принадлежащее лицу. При этом в широком смысле понятия институт собственности регулируется конституционным правом, а в узком смысле – иными отраслями права.

Также следует обратить внимание и на тот факт, что институт собственности нельзя сводить только к основам конституционного строя. Он присутствует и в конституционном праве.

Институт собственности в конституционном праве, так же как и другие правовые институты, имеет свои совершенно определенные черты. Они в общем виде нам представляются следующим образом.

Во-первых, нормы о собственности в основах конституционного строя носят учредительный характер. Они конституируют экономические основы Российского государства, закрепляют единство экономического пространства, предусматривают формы и объекты собственности, указывают основные направления социального развития страны. Эти нормы подчеркивают своеобразие юридического режима собственности. Кроме того, на учредительность конституционных норм о собственности указывает и тот факт, что на конституционном уровне впервые юридически признаны в России такие формы собственности как частная и муниципальная, неведомые ранее советскому праву.

Во-вторых, Конституция РФ учредила разные формы собственности и признала их многообразие. И здесь основным, на наш взгляд, является не этот факт, а то, что эти разные формы собственности защищаются государством равным образом.

Нередко в научных работах принцип равной защиты всех форм собственности трактуется как принцип равенства форм собственности. Так, например, Т. А. Горюнова пишет о том, что

большинство конституций бывших социалистических стран закрепило принцип равенства форм собственности¹⁸.

Е. А. Суханов по этому поводу высказал мнение о том, что в действительности никакого равенства форм собственности нет и быть не может, ибо правовой режим имущества, находящегося в разных формах собственности, различается¹⁹. В подтверждение этих слов можно привести пример о том, что в государственной собственности может находиться любое имущество, как изъятое, так и не изъятое из гражданского оборота, а в муниципальной и частной – далеко не все. Поэтому, как справедливо пишет Г. Н. Комкова, достижение полного равенства во всех сферах жизни – несбыточная идиллия, к достижению которой стремились и стремятся многие человеческие сообщества²⁰. В. Д. Маззаев вполне справедливо считает, что ставить вопрос о приоритетности той или иной формы собственности некорректно. Каждая из них выполняет определенную социальную задачу, дополняя друг друга²¹.

Нам представляется, что анализируемую конституционную норму о формах собственности и их равной правовой защите необходимо понимать буквально и не давать ей расширительной трактовки, распространяя принцип равной правовой защиты форм собственности до более общего принципа равенства всех форм собственности. Конституция РФ установила не равенство форм собственности, а только их равную правовую защиту. Конституционное положение о том, что частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности защищаются равным образом, означает следующее: все субъекты права собственности обладают равными правами на защиту этого права.

В-третьих, особенностью института собственности в конституционном праве является тот факт, что он регулируется только материальными конституционными нормами. Эта особенность вытекает из общего характера конституционного института собственности. Процессуальные нормы института собственности содержатся, например, в гражданской, гражданско-процессуальной и иных отраслях права.

В-четвертых, институт собственности в конституционном праве представлен правонаделительными и правоохранительными нормами. Если первые устанавливают позитивные юридические права и обязанности, то вторые служат целям их гарантирования, охраны и защиты на случай возможного нарушения и направлены на регламентацию мер юридической ответственности.

В-пятых, конституционные нормы о собственности не носят обязывающего характера, а только управомочивающий или запрещающий. Очевиден также ряд гарантирующих норм. Это связано с тем, что государство, способствуя формированию гражданского общества в России, стремится предоставить человеку максимальную степень свободы, в том числе и в сфере собственности.

В-шестых, ряд положений Конституции РФ устанавливает пределы права собственности, например на землю.

В-седьмых, конституционные нормы о собственности несут не конкретно-регулятивный, а общерегулятивный характер. Конституция РФ является Основным законом страны, учредительным правовым актом, который, в силу этого, не может ставить своей целью конкретное правовое регулирование отношений собственности. Это задача других отраслей права. Конституция РФ в отношении рассматриваемого института устанавливает такие правила поведения, которые не получают достаточно четкого выражения. Эти нормы определяют правовые цели, принципы, понятия или категории, имеющие юридическое значение. Они не формируют непосредственных юридических прав и обязанностей, однако обретают высокую ценность, так как заставляют субъекты права действовать с их учетом.

В-восьмых, субъектами права собственности на конституционном уровне выступают все субъекты конституционного права – личность, народ, государство.

В-девятых, конституционное право, в силу общего характера правового регулирования института собственности, не устанавливает степени присвоения средств производства и иных материальных и духовных благ. Поэтому на его уровне не может идти речи о праве собственности в рамках известной триады: право владения, право пользования и право распоряжения.

Таким образом, институт собственности, учитывая специфику его регулирования Конституцией РФ, должен быть признан в том числе и институтом конституционного права. Это комплексный и общий институт права, и из этого следует исходить при его рассмотрении в любой отрасли права.

Анализ теоретических вопросов института собственности в конституционном праве требует также решения проблемы, связанной с оценкой его нормативности. Это прежде всего положения Конституции, закрепляющие принципы института собственности, такие как: признание и защита равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности; единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств; провозглашение Российской Федерации социальным государством; охрана частной собственности законом и т. п. Отдельные из них, по мнению ряда авторов, несмотря на их большое значение, не могут быть признаны нормами права²². Утверждается также, что некоторые конституционные положения по существу являются правоотношениями, «которые лишь через посредство других правовых норм и лишь в сочетании с ними определяют поведение участников общественных отношений»²³. Иными словами, это квазинормы, которые лишены самостоятельного регулятивного характера.

С этими точками зрения трудно согласиться. Если такие воззрения логически провести до конца, то можно сделать вывод о том, что конституционное право не является самостоятельной отраслью российского права. Однако это не так.

Действительно, далеко не все конституционные положения устанавливают точно определенные права и обязанности участников регулируемых отношений. Конституция – не свод законов и поэтому не в состоянии охватить систему функционирующих в обществе отношений путем установления конкретных прав и обязанностей участвующих в них субъектов. Поэтому в конституционном законодательстве, наряду с предписаниями, устанавливающими конкретные варианты поведения граждан и иных субъектов права, содержится немало правовых деклараций, принципов, определений, имеющих юридическое значение и выполняющих особую роль в правовом регулировании. И такие принципы следует признать нормами права, так как они самым тесным образом связаны с регулированием общественных отношений, оказывают направляющее воздействие на всю правовую систему и действуют именно в качестве правовых принципов, которыми обязаны руководствоваться все правотворческие и правоприменительные органы, все граждане, должностные лица и общественные объединения. Такой точки зрения придерживаются видные ученые – специалисты в области конституционного права В. О. Лучин, А. В. Мицкевич, Н. А. Михалева, Ю. А. Тихомиров, Л. А. Морозова²⁴, и ее следует разделить. Именно поэтому институт собственности в конституционном праве, так же как и в других отраслях права, носит нормативный характер.

С оценкой нормативной природы конституционных предписаний связан вопрос о поведенческом характере конституционных положений. Н. А. Михалева и Л. А. Морозова считают, что конституционные нормы-принципы, нормы-цели, нормы-задачи, нормы-определения по своей юридической природе не имеют поведенческого характера и не устанавливают правил поведения²⁵. Это утверждение относится в том числе и к институту собственности, где есть такие правовые нормы. Однако с такой позицией трудно согласиться. Действительно, поведенческий характер некоторых конституционных норм скрыт, завуалирован, но это не означает, что они не устанавливают правил поведения. Несмотря на особенности внешнего выражения, такие конституционные нормы определяют основные параметры (цели, границы, способы, условия) поведения социальных субъектов в наиболее важных сферах общественной и государственной жизни. Более того, такие нормы обязательно учитываются при принятии других, текущих законов. Сказанное касается не только института собственности, но и всех конституционных прав и свобод человека и гражданина, включая и право собственности. Для

них характерна высокая степень обобщенности (абстрактности)²⁶ и одновременно нормативности предписаний.

Итак, в институте собственности в конституционном праве мы обнаруживаем основополагающие конституционные нормы, которые в теории права относятся к нормам-целям, нормам-задачам, нормам-принципам, нормам-определениям. В настоящее время в правовой науке содержится по крайней мере три определения принципов права.

Согласно первому определению, «принципы права – основополагающие идеи, начала, выражающие сущность права и вытекающие из генеральных идей справедливости и свободы»²⁷.

По второму определению «правовые принципы – это воплощенные в праве основные положения (руководящие начала, идеи), определяющие содержание права и обусловленные, в конечном счете, объективными общественными закономерностями»²⁸.

По третьему определению правовые принципы – суть специфическое юридическое выражение объективно существующих экономических и политических законов общественного развития²⁹. Они имеют, как писала Н. А. Богданова, большое значение для развертывания конституционно-правового знания, в основу них кладутся те или иные мировоззренческая позиция, закономерность, выявленная практикой, или сформулированное умозрительно положение, являющееся плодом научной мысли³⁰.

Из всех приведенных определений правовых принципов мы склонны отдать предпочтение последнему. Первое определение не может быть принято, так как оно выводит принципы права только из человеческого мышления, оставляя вне анализа реально существующую объективную действительность. Второе определение ближе к истине, но оно обуславливает принципы права только в конечном счете объективными общественными отношениями. И лишь третье определение считает принцип права непосредственным, хотя и специфическим выражением объективно существующих экономических и политических законов общественного развития. Другими словами, принципы права не придумываются учеными, как считает Н. А. Богданова, а открываются ими в результате изучения объективной действительности. Только после этого они закрепляются в законодательстве. Здесь мы солидарны с точкой зрения, высказанной Д. А. Ковачевым по данному вопросу³¹.

Следовательно, конституционные принципы института собственности установили то, что к моменту принятия Конституции РФ 1993 г. уже реально существовало в действительности, начиная от форм собственности и заканчивая правомочиями собственника. Это положение, на наш взгляд, является принципиально важным. Сюда относятся принципы правового государства, приоритета прав и свобод человека и гражданина,

социального государства, федерализма, экономического плюрализма и равной защиты всех форм собственности, единства экономического пространства и поддержки конкуренции.

Вместе с тем необходимо обратить внимание и на тот факт, что в конституционном праве могут находиться и такие правовые положения, которые закрепляют то, чего еще нет в реальной действительности: например, факта частной собственности на землю в Российской Федерации в момент принятия новой российской Конституции еще не существовало, но, тем не менее, такое право граждан в ней было закреплено. Из этого можно сделать вывод, что приведенное выше третье определение правовых принципов также несостоятельно. Однако это не так. Дело в том, что конституционное право, как ни одна из других отраслей права, тесно связано с политикой. И конституция в этом смысле является элементом философии государства. Она есть стабильный и долговременный, рассчитанный на длительную перспективу нормативный правовой акт. Поэтому государство, определяя стратегию своего развития с целью стимулирования возникновения того или иного процесса, включает такие правовые нормы в основной закон страны. Тем более что такие правовые нормы к моменту принятия Конституции РФ уже существовали в конституциях других государств мира. Удивляться этому не следует. Такой подход является вполне правомерным.

Примечания

- 1 Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М., 1996. С. 170.
- 2 См.: Теория государства и права / под ред. М. Н. Марченко. М., 1998.
- 3 См.: Там же. С. 300.
- 4 См.: Скакун О. Ф. Теория государства и права. Харьков, 2000. С. 269.
- 5 См.: Там же.
- 6 Там же.
- 7 См.: Маттен У., Суханов Е. А. Основные положения права собственности. М., 1999. С. 310.
- 8 См.: Мазаев В. Д. Понятие и конституционные принципы публичной собственности. М., 2004. С. 29.
- 9 См.: Алейников Б. Н. Институт права собственности и социальное государство в России. СПб., 2008. С. 89–108.
- 10 См.: Мельников В. Экономические отношения и собственность в России // Право и жизнь. 2009. № 12. С. 89.
- 11 См.: Скакун О. Ф. Указ. соч.
- 12 См.: Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 395.
- 13 См.: Баглай М. В., Туманов В. А. Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998.
- 14 См.: Лучин В. О. Конституционные нормы и правоотношения. М., 1997.
- 15 Ковешников Е. М., Марченко М. Н., Стешенко Л. А. Конституционное право Содружества Независимых Государств. М., 1999.
- 16 См.: Конституционное право / отв. ред. А. Е. Козлов. М., 1996. С. 94.
- 17 См.: Зиновьев А. В. Конституционное право России. М., 2000. С. 61.
- 18 См.: Горюнова Т. А. Место и роль понятия «форма собственности» в конституционном праве России // Конституционное развитие России : межвуз. сб. науч. статей. Вып. 6. Саратов, 2005. С. 118.
- 19 См.: Суханов Е. А. Право собственности в современной России. М., 1999. С. 171.
- 20 См.: Комкова Г. Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека в России. Саратов, 2002. С. 7.
- 21 См.: Мазаев В. Д. Указ. соч. С. 10.
- 22 См.: Бабаев В. К. Советское право как логическая система. М., 1978. С. 178 ; Копейчиков В. В. Конституция развитого социализма: теоретические основы, сущность, функции. Киев, 1979. С. 21.
- 23 Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 67.
- 24 См.: Лучин В. О. Конституционные нормы и правоотношения. С. 10 ; Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства. М., 1967. С. 145 ; Михалева Н. А. Социалистическая конституция. М., 1981. С. 131–132 ; Тихомиров Ю. А. Конституционные нормы. Теоретические основы советской конституции. М., 1981. С. 138 ; Морозова Л. А. Конституционное регулирование в СССР. М., 1985. С. 52–54.
- 25 См.: Михалева Н. А. Указ. соч. С. 140 ; Морозова Л. А. Указ. соч. С. 51–55.
- 26 См.: Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 272.
- 27 Лившиц Р. З. Современная теория права. Краткий очерк. М., 1992. С. 88–91.
- 28 Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 1999. С. 213.
- 29 См.: Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М., 1998. С. 215 ; Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 58.
- 30 См.: Богданова Н. А. Система науки конституционного права. М., 2001. С. 166.
- 31 См.: Очерки конституционного права иностранных государств. М., 2001. С. 28–29.

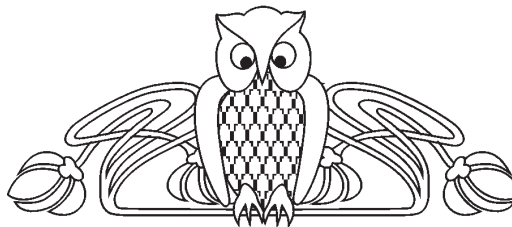
Слово молодым политологам

УДК [355+323] (470+571)

ПОЛИТИКО-РЕСУРСНЫЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д. Е. Петров

Саратовский государственный университет
E-mail: baikonur001@gmail.com

В данной статье исследуются политико-ресурсные аспекты реформы органов внутренних дел в современной России. Обозначаются и характеризуются с точки зрения изменения политической ресурсности системы органов внутренних дел основные направления реформы, анализируется её информационное обеспечение. Раскрывается взаимосвязь ключевых мероприятий реформы и политико-инструментальной роли МВД в жизни государства и общества.

Ключевые слова: политическая ресурсность, полиция, силовые структуры, реформа.

Political-Resource Aspects of the Reform of Internal Affairs in Modern Russia

D. E. Petrov

This article explores the political-resource aspects of the reform of internal affairs in Russia today. Identified and characterized in terms of changes in the political system of internal resource grandfather main areas of reform, and analyzes its information provision. Discloses the relationship of key reform measures and the political instrumental role of police in public and social life.

Key words: political resources, police, power structures, reform.

Реформа системы органов внутренних дел, начавшаяся в 2009 г., является шестой по счету реформой МВД в истории постсоветской России¹ и по праву считается самой масштабной². Коренные преобразования, к тому же инициированные Президентом РФ, изначально носят характер политической реформы и оказывают значительное влияние на политическую ресурсность МВД России как силовой структуры.

Каждая силовая структура характеризуется определенным объемом политической ресурсности, которая, в зависимости от уровня самостоятельности данного силового ведомства, может быть реализована либо в политико-субъектной, либо в политико-инструментальной форме³. Правящему режиму по понятным причинам приемлема политико-инструментальная форма реализации политической ресурсности силовых структур, когда, например, МВД играет в политике только одну роль – политического инструмента правящего класса, гаранта стабильности государственной

власти и безопасности общества. При этом исключаются предпосылки проявления политической самостоятельности силовой структуры, её выхода из-под контроля правящей элиты.

Текущая реформа МВД в полной мере вписывается в обозначенную логику политико-ресурсного подхода к анализу роли органов внутренних дел в политической жизни общества. Предыдущие пять реформ системы органов внутренних дел в постсоветской России также сочетали в себе функциональные и политические аспекты: борьбу с партийными пережитками в МВД и становление системы борьбы с оргпреступностью при В. Ерине; увольнение высокопоставленных коррупционеров МВД при А. Куликове; избавление от избыточных функций и демилитаризацию МВД при С. Степашине; создание мощнейшей, почти автономной системы РУОПов, общее усиление роли МВД в общественно-политических и социально-экономических процессах при В. Рушайло; разгром РУОПов и снижение самостоятельности «силовиков» МВД при Б. Грызлове⁴.

Начавшаяся в 2009 г. реформа МВД не является попыткой власти решить имиджевую проблему, возникшую в результате серии гротескных преступлений, совершенных сотрудниками милиции, и шокирующих признаний представителей системы, как это склонны понимать некоторые исследователи⁵.

Наоборот, эта имиджевая проблема была искусственно создана властью через СМИ: очевидно, что коррупция, низкая, по мнению обывателя, эффективность правоохранительной деятельности, резонансные преступления сотрудников сопровождали милицию на протяжении всего постсоветского периода, но государственная информационная политика была направлена на улучшение имиджа МВД и повышение уровня общественного доверия к этой силовой структуре. Периодически в СМИ появлялись сюжеты об «оборотнях в погонах», выполнявшие роль информационного обеспечения очередных кадровых чисток в системе МВД. Но в 2009 г. ситуация изменилась – все СМИ, в том числе и государственные, начали против МВД настоящую информационную

войну, а жизнь и профессиональная деятельность сотрудников милиции как будто бы специально подкидывала журналистам новые истории об «оборотнях в погонах»⁶. Возмущение в обществе росло и в конечном итоге оказалось достаточным информационным фоном для подписания Указа Президента Российской Федерации от 24 декабря 2009 г. № 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»⁷. Благодаря грамотной информационной подготовке данный нормативный документ был воспринят обществом как воплощение его ожиданий в воле государства, а радикальные меры президентского указа – адекватными ситуации и направленными исключительно на повышение эффективности органов внутренних дел.

В дальнейшем мероприятия реформы МВД также обеспечивались мощными PR-кампаниями. Особенно масштабным было общественное обсуждение проекта федерального закона «О полиции», а «Российская газета» открыла целую тематическую рубрику, посвященную вопросам реформирования системы органов внутренних дел.

Вместе с тем инициированная Президентом РФ реформа МВД уже на начальном этапе рельефно обозначила свою политико-ресурсную сущность. Даже приоритетное использование в официальном общественно-политическом дискурсе термина «модернизация» вместо термина «реформа»⁸ показывает желание правящей элиты вписать реформирование МВД в общие процессы политической модернизации страны, де-факто представляющие собой корректировку политической реальности под текущие нужды и потребности властвующих. К тому же опыт реформирования сектора безопасности в странах мира показывает, что кардинально перенастроить правоохранительные органы без реформы политической системы практически невозможно⁹.

Кардинальное сокращение численности сотрудников милиции на 20% – первый элемент политико-ресурсной стороны исследуемой реформы. В частности, до 1 января 2012 г. число сотрудников МВД должно быть сокращено на 20%¹⁰. Это значит, что из примерно 1 млн 200 тыс. (по другим данным – 1,28 млн) милиционеров будет уволено порядка 240 тыс. человек¹¹. В два раза сокращается численность сотрудников МВД центрального подчинения – с 19 970 до 10 тыс. единиц¹². В результате же аттестации полицейские звания получило 875 344 сотрудника. При этом центральной аттестационной комиссией под председательством главы президентской администрации С. Нарышкина было переаттестовано 327 генералов, в том числе 73 – в порядке ротации. 21 генерал не прошел переаттестацию¹³.

Сокращение штата органов внутренних дел, особенно сотрудников центрального аппарата, является одной из наиболее эффективных мер чистки рядов от излишне самостоятельно мыслящих

сотрудников, в том числе и высокопоставленных офицеров, проявляющих относительную независимость при принятии решений и в действиях. Такие люди есть воля системы, обязательное условие превращения политической ресурсности в политическую субъектность, что объективно никогда не будет вписываться в политико-инструментальные представления правящего класса.

При такой успешной реализации плана по сокращению численности сотрудников органов внутренних дел с возможностью при этом удалить из рядов полиции не только недобросовестных, но и неудобных и неблагонадежных с политической точки зрения офицеров не столь актуальными становятся задачи по реформированию силового аппарата МВД – системы отрядов особого назначения и отрядов специального назначения, а также внутренних войск.

В этой сфере также имели место определенные изменения: 121 отряд особого назначения (в прошлом – ОМОН) и 87 отрядов специального назначения (прежнее название – ОМСН) общей численностью 25 тыс. человек были объединены в централизованную систему управления, чтобы исключить ситуации, когда «мало-мальски крупный начальник старался иметь свою собственную “гвардию”, зачастую никак не взаимодействующую с “родственными” подразделениями»¹⁴. Таким образом укрепляется вертикаль власти в МВД, в то время как само ведомство существенно ограничивается в оперативности использования своего силового инструмента. Для придания гражданско-реформаторского формата работы с полицейским спецназом руководством МВД было оглашено требование к бойцам спецназа неукоснительно соблюдать права и свободы граждан, также было заявлено о кардинальной переработке правовой базы деятельности спецназа (издано более 50 нормативных актов)¹⁵.

Относительно внутренних войск МВД ограничили информационным поводом о возможности превращения их в некий аналог национальной гвардии¹⁶, который довольно быстро опровергли на официальном уровне. «Снимите вы этот термин вообще. Слова “национальная гвардия” нигде не звучат, и до 2016–2020 годов термин подниматься не будет», – сказал главком ВВ МВД РФ Н. Рогожкин¹⁷.

Правовым «хребтом» реформы МВД стал Федеральный закон «О полиции», принятию которого предшествовало широкое общественное обсуждение, в том числе и в Интернете¹⁸. Издание этого нормативного правового акта окончательно и бесспорно показало, что власть по отношению к реформе МВД настроена серьезно и пойдет до конца, прислушиваясь при этом к мнению общества. Кроме того, огромную систему органов внутренних дел вписали в совершенно новые правовые реалии, соответствующие представлениям правящего класса о социально-политическом значении полиции.

Отдельным направлением реформы системы органов внутренних дел стал курс на ликвидацию ранее существовавшего разделения милиции на федеральную и муниципальную. В западных странах именно муниципальная полиция составляет основу сил правопорядка и борьбы с преступностью. В России в муниципальной милиции увидели угрозу «срачивания» с региональными властями, поэтому с 2012 г. полиция будет финансироваться только из федерального бюджета. По мнению экспертов, это позволит сотрудникам полиции работать без «оглядки» на региональные власти и не страдать от задержек зарплаты¹⁹. С политико-ресурсной точки зрения такие преобразования существенно увеличивают политико-инструментальный потенциал полиции для федерального центра и существенно снижают вариативность политической активности руководства МВД на местах.

Важным политико-ресурсным аспектом реформы МВД является избавление полиции от выполнения избыточных функций²⁰. Если принимать во внимание то, что за каждой функцией органа государственной власти закреплены определенный объем полномочий и конкретная сфера контроля, то передача от МВД якобы «избыточных» функций другим ведомствам²¹ негативно скажется на политической ресурсности данной силовой структуры.

Отдельно стоит остановиться на ребрендинге органов внутренних дел – переименовании милиции в полицию. Первым такой шаг 13 января 2010 г. предложил С. Миронов²², неделю спустя поддержал «полицию» С. Степашин²³, и только потом – инициаторы и организаторы реформы МВД. С одной стороны, ребрендинг, несмотря на его высокую для налогоплательщика стоимость, есть информационный повод, отвлекающий внимание общественности от более важных и тонких моментов реформы, с другой – переименование «народной» милиции в «государственную» полицию способствует более конкретному отражению социальной миссии органов внутренних дел по защите правящего режима в политико-правом дискурсе.

Общественным ожиданиям и демократическим представлениям о гражданском контроле сектора безопасности в полной мере соответствует созданная в процессе реформы и закреплённая в ФЗ «О полиции» система контроля и надзора деятельности полиции, включающая в себя государственный, общественный (вплоть до востума недоверия руководителям полиции)²⁴, судебный и прокурорский надзор и контроль²⁵, ежегодные отчеты руководителей региональных органов внутренних дел перед legislatures субъектов РФ, активизацию кампании по развитию системы общественных советов при органах внутренних дел²⁶, повышение информационной открытости деятельности полиции²⁷. Также усиливается роль подразделений собственной безопасности МВД²⁸.

Но одновременно с этим в рамках развития кадрового потенциала МВД принимается ряд мер, направленных на закрытие системы органов внутренних дел, формирование некой касты полицейских: вводятся институт поручительства при приеме на службу²⁹, психологическое тестирование, проверка на полиграфе³⁰, а в перспективе – обязательность высшего юридического образования³¹ или соответствующей юридической переподготовки для службы в полиции³², существенно повышается уровень денежного содержания сотрудников полиции³³, обозначается возможность решения их жилищных проблем³⁴. По сути, оставив в системе благонадежных людей, власть стремится её законсервировать, сформировать «новое дворянство» под предлогом повышения социальной защищенности сотрудников полиции, вместе с тем вокруг «корпорации МВД» создаются системы контрольно-надзорных рычагов, которые реальную силу смогут приобрести только если на это будет воля правящей элиты.

Тот факт, что, по данным социологических исследований, ни в 2010 г.³⁵, ни в 2011 г.³⁶ россияне не только не почувствовали какого-либо серьезного улучшения в деятельности органов внутренних дел, но и не выразили уверенности в том, что реформа МВД может исправить ситуацию, свидетельствует о том, что проводимая модернизация системы органов внутренних дел носит преимущественно политический, а не функциональный характер.

В целом реформа МВД в современной России характеризуется ярко выраженным политико-ресурсным аспектом, который выражается в ослаблении тех ресурсов системы органов внутренних дел, которые носят политико-субъектный характер, при усилении ресурсов, составляющих основу политико-инструментального потенциала полиции. Вместе с тем реализуются мероприятия по формированию новой социально-профессиональной идентичности сотрудников органов внутренних дел и созданию политико-административного контекста, исключающего проявление МВД своей политической ресурсности вне интересов правящей элиты или в качестве самостоятельного политического актора.

Примечания

- 1 См.: Таратута Ю., Архипов И., Седаков П. Мистерия внутренних дел // Русский Nesweek. 2010. № 6. С. 26–31.
- 2 См.: Фалалеев М. Генеральное увольнение // Рос. газ. Столичный вып. № 5115(36). 2010. 19 февр.
- 3 См.: Петров Д. Е. Политическая ресурсность силовых структур: сущность и составляющие // Материалы Всероссийской политологической ассамблеи. Пермь, 2008. С. 90–96.
- 4 См.: Таратута Ю., Архипов И., Седаков П. Указ. соч. С. 26–31.
- 5 См.: Пастухов В. «Реформа МВД» и кризис «регулярного государства» в России // Полит.ру. URL: <http://>

- www.nacbez.ru/society/article.php?id=2962 (дата обращения: 10.02.2010).
- 6 См.: Преступления правоохранителей // Рос. газ.: [сайт]. URL: <http://www.rg.ru/sujet/3818.html> (дата обращения: 10.09.2011).
 - 7 О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2009 г. № 1468 // Рос. газ. Федер. вып. № 5075. 2009. 28 дек.
 - 8 Глава МВД: Термину «реформа МВД» предпочитаю понятие «модернизация» // Независимая газета: [сайт]. URL: http://www.ng.ru/politics/2010-06-25/3_mvd.html (дата обращения: 25.06.2010).
 - 9 См.: *Пастухов В. Б.* Реформа МВД как сублимация политической реформы в России // Полис. 2010. № 10. С. 23–40.
 - 10 О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2009 г. № 1468.
 - 11 См.: *Кузьмин В.* Мы новый МВД построим // Рос. газ.: [сайт]. URL: <http://www.rg.ru/2010/02/18/mvd-rotacia-site.html> (дата обращения: 18.10.2010).
 - 12 См.: О некоторых мерах по реформированию Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 18 февраля 2010 г. № 208 // Рос. газ. Федер. вып. № 5115. 2010. 19 февр.
 - 13 См.: *Фалалеев М.* Милиция попрощалась. Вчера в МВД завершили внеочередную переаттестацию // Рос. газ. Федер. вып. № 5543. 2011. 2 авг.
 - 14 См.: *Фалалеев М.* ОМОН раскулачили. Спецназу запретили бездумно махать кулаками // Рос. газ. Федер. вып. № 5545. 2011. 04 авг.
 - 15 Там же.
 - 16 См.: Внутренние войска МВД могут стать аналогом национальной армии // Рос. газ.: [сайт]. URL.: <http://www.rg.ru/2010/02/26/mvd-anons.html> (дата обращения: 26.02.2010).
 - 17 Главком: Реформа МВД не коснется внутренних войск // Рос. газ.: [сайт]. URL.: <http://www.rg.ru/2010/03/26/reforma-anons.html> (дата обращения: 26.03.2010).
 - 18 См.: *Раичев Д.* 15 тысяч писем о полиции // Рос. газ. Федер. вып. № 5263. 2010. 19 авг.
 - 19 См.: *Орлов П.* Милиция отказалась делиться надвое // Рос. газ.: [сайт]. URL: <http://www.rg.ru/2010/01/18/miliciya-site.html> (дата обращения: 18.01.2010).
 - 20 См.: Полицейский вопрос. Как избавить милицию от избыточных функций // Рос. газ. Неделя. № 5096. 2010. 28 янв.
 - 21 См.: Директор ФССП: Судебные приставы готовы забрать себе часть полномочий органов МВД // Рос. газ.: [сайт]. URL: <http://www.rg.ru/2010/01/18/pristavy-anons.html> (дата обращения: 18.01.2010).
 - 22 Сергей Миронов предложил устроить «ребрендинг» органам внутренних дел // Рос. газ.: [сайт]. URL: <http://www.rg.ru/2010/01/13/mironov-anons.html> (дата обращения: 13.01.2010).
 - 23 *Орлов П.* Милиция уходит из-под палки. Глава МВД изменил систему отчетности // Рос. газ.: [сайт]. URL: <http://www.rg.ru/2010/01/21/milicia-site.html> (дата обращения: 21.01.2010).
 - 24 *Куликов В.* Вотум недоверия для порядка // Рос. газ. Федер. вып. № 5349. 2010. 30 нояб.
 - 25 О полиции : федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Рос. газ. Федер. вып. № 5401. 2011. 8 февр.
 - 26 См.: МВД приступило к формированию общественного совета // Рос. газ.: [сайт]. URL: <http://www.rg.ru/2011/08/05/sovets-anons.html> (дата обращения: 05.08.2011).
 - 27 См.: *Орлов П.* Доходный спецназ // Рос. газ.: [сайт]. URL: <http://www.rg.ru/2010/03/22/mvd-site.html> (дата обращения: 22.03.2010).
 - 28 См.: *Фалалеев М.* Милиция для милиции // Рос. газ. Федер. вып. № 5107. 2010. 11 февр.
 - 29 См.: МВД ввело институт личного поручительства при приеме на службу и зачислении в милицейские вузы // Рос. газ.: [сайт]. URL: <http://www.rg.ru/2010/11/26/mvd-anons.html> (дата обращения: 26.11.2010).
 - 30 См.: *Фалалеев М.* Милиция читает мысли. Полицейских проверяют на специальных психофизиологических приборах // Рос. газ. Федер. вып. № 5328. 2010. 03 нояб. ; *Кондрева О.* Форма требует содержания // Рос. газ.: [сайт]. URL: <http://www.rg.ru/2010/05/19/reg-volga-kama/forum.html> (дата обращения: 19.05.2010).
 - 31 См.: *Рузанова Н.* Полицейский – он же и юрист. Так считает министр внутренних дел // Рос. газ. Федер. вып. № 5544. 2011. 03 авг.
 - 32 См.: *Кузнецов Д.* Глава МВД: В полицию не будут брать людей без юридического образования // Рос. газ.: [сайт]. URL: <http://www.rg.ru/2011/08/24/reg-roscentr/mvd-anons.html> (дата обращения: 24.08.2011).
 - 33 См.: *Серенко А.* Социальная модель Рашида Нургалиева. Глава МВД лично проверяет итоги реформирования силового ведомства // Независимая газета: [сайт]. URL: http://www.ng.ru/regions/2011-08-11/100_nurgaliev.html (дата обращения: 11.08.2011).
 - 34 См.: *Фалалеев М.* Новые по лицам. Статс-секретарь МВД представил в «РГ» законопроект о службе в органах внутренних дел // Рос. газ. Федер. вып. № 5586. 2011. 21 сент.
 - 35 См.: Россияне не верят, что закон «О полиции» что-то изменит // Независимая газ.: [сайт]. URL: <http://www.ng.ru/society/news/2010/11/25/1290695241.html> (дата обращения: 25.11.2010).
 - 36 См.: Только 9% россиян заметили улучшения в работе полиции после начала реформы МВД // Независимая газ.: [сайт]. URL: http://www.ng.ru/politics/2011-09-08/2_opros.html (дата обращения: 08.09.2011).

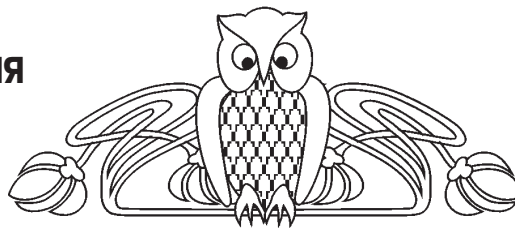

УДК 323.232

«ПРЕДЕЛ» СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ АДМИНИСТРАТИВНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В РОССИИ

О. Н. Жильцова

Саратовский государственный университет
E-mail: mui@astranet.ru

В статье рассматриваются теоретические и практические предпосылки для корректировки современной стратегии и тактики реформирования системы политического и административного управления в России.

Ключевые слова: административная реформа, политические и социальные последствия административного реформирования, оценка эффективности власти.

«Limit» of Modern Administrative Reformation Policy in Russia

O. N. Zhiltsova

In the article theoretical and practical premises for the correction of modern strategy and tactics in reformation system of political and administrative management in Russia are considered.

Key words: administrative reform, political and social consequences of administrative reforms, evaluation of the power efficiency.

В названии статьи слово «предел» поставлено в кавычки преднамеренно. У политики как процесса, касается она конфликтов интересов социальных групп или вопросов совершенствования государственного управления, предела как такового не существует. Точнее сказать, можно чисто логически предположить его наличие на том основании, что у политики как способа жизни социально-политических систем когда-то было начало, хотя и очень условное. И все же понятие «предел» представляется уместным в контексте анализа современных российских реформ.

Любая реформа, а тем более административная, как определенный этап политического процесса в идеале в своей стратегии должна учитывать не только желания и интересы реформаторов, но и возможности социальной среды откликнуться на эти желания и обеспечить их реализацию своими ресурсами. Здесь, на стыке желаний реформаторов и возможностей социальной среды, образуется тот самый «предел», дальше которого реформа теряет свой изначальный конструктивный смысл частично или совсем. Ее реализация переходит в режим вялой имитации преобразовательной деятельности, реформа затягивается и из стимула политического развития превращается, скорее, в его тормоз.

Для стратегии большинства политических реформ, которые прошли в России в 90-е гг. XX в. и идут в настоящее время, учет этого обстоятельства нехарактерен. В лучшем случае обозначались и обозначаются условные календарные сроки (к 2015 г. или к 2017 г.) завершения преобразований, имеющие мало связи с динамикой реальных процессов трансформации политической, экономической, культурной сфер и просто декларирующие перед гражданами намерение политической элиты России закончить реформирование каким-то конкретным результатом.

Нечто подобное происходит и с административной реформой, для которой тоже периодически устанавливаются календарные сроки. Но в отведенное время, как об этом можно судить из критических замечаний политических аналитиков и самих чиновников, обычно укладывается только структурное изменение. Перемены в качестве механизмов управления совершаются с другой периодичностью. Коррупционные, клановые связи внутри административного механизма, обеспечение принятия квалифицированных и компетентных решений – все это меняется медленно и в соотношении с быстрыми структурными преобразованиями создает видимость отсутствия перемен как таковых. Возникает опасный для модернизационной политики эффект: преобразования идут, но общество не видит в них смысла и, соответственно, не видит смысла оказывать власти, которая занимается реформированием своих внутренних механизмов, сильное содействие.

Возникает упомянутый «предел» политической трансформации, дальше которого требуется, по сути, выработка другой, новой по отношению к прежней стратегии реформирования. Если структурные преобразования, например, не ведут к существенному снижению уровня коррупционных связей в административном механизме, то как должна реагировать на этот факт стратегия реформы? Ориентироваться на доведение до конца раз начатых мероприятий, мотивированных соображением, что коррупцию можно и нужно победить до определенного назначенного срока? Или же она должна сообразовываться с тем, что, скажем,

коррупция останется базовой характеристикой преобразованной административной системы неопределенно долго и вновь создаваемый административный дизайн не только не решит основной проблемы, а может создать на практике еще больше проблем?

Ведь если ту же коррупцию никому не удалось истребить в разных государственных системах за тысячи лет, то это само по себе является поводом для размышления не только над средствами операционного лечения этой «болезни», но и над средствами, которые позволяли бы социально-государственному организму болеть без катастрофических для себя последствий и развиваться.

Опыт других стран по поддержанию механизмов административного и политического управления в рабочем состоянии подсказывает, что борьбу с коррупцией вообще имеет смысл начинать не с чиновников и политиков, а с вопросов оптимизации внутрисоциальной конкуренции, с урегулирования в сознании людей вопроса о целях жизни, ради которых хороши или плохи те или иные честные или нечестные средства. Это может восприниматься как парадокс, но вопрос о том, в чем «в жизни счастье», является самым существенным в борьбе с коррупцией.

Это та сторона идеологии политико-административной реформы, которая обычно не прописывается, но которая фактически всегда присутствует в подтексте.

Новая стратегия не может быть противоположностью прежней, а скорее, должна ее развивать. А это будет зависеть от понимания теоретиками и практиками реформ структуры и содержания тех процессов, которые начинаются в массовом сознании и знаменуют собой образование того самого «предела», дальше которого общество не готово идти рука об руку с политическими и административными элитами.

«Предел» имеет свои пространственные характеристики, вытекающие из стремления элит придать своим реформаторским действиям уникальный, новаторский вид и тем самым повысить градус своей легитимности. Но, как часто бывает в политике, преимущества первопроходца в мобилизации на свою сторону людей и ресурсов заканчиваются в тот момент, когда реализуемая им модель реформы дает сбой. В тот же момент возникает вопрос: а не лучше ли было бы воспользоваться уже готовыми и апробированными чужими моделями?

Массовое сознание переключается на зарубежные образцы, с которыми сравнивает «свою» модель. В настоящее время можно говорить о формировании европейской «рамочной модели» административно-государственного реформирования, которая достаточно эклектична и включает несколько основных направлений: информатизацию и дебиюкратизацию, новый государственный менеджмент и концепцию «хорошего управления»

(«good governance»), «активизирующее государство»; децентрализацию (деконцентрация, аутсорсинг); приватизацию и введение экономических элементов регулирования управленческих процессов, сервисное администрирование, корпоративизм и неокорпоративизм. Однако данная «рамочная модель» не претендует на полноту, поскольку европейский опыт реформирования базируется на установках на культурную гетерогенность и партикуляризм, что непосредственно отражается в моделях административного реформирования каждой отдельной европейской страны.

Каждая из национальных моделей административных реформ обладает значительным своеобразием. Английская модель административных реформ является достаточно радикальной, что связано с высокой степенью свободы маневра в рамках английской системы государственного управления. Здесь присутствует повышенная институциональная восприимчивость к реформам основных учреждений (правовые и исторические традиции). Реформаторы могли опереться на традиции сильного единого административного ведомства и однопартийного большинства в парламенте. Французская модель административных реформ является социализированной: приоритетом здесь выступает не удешевление государственных услуг и повышение отдачи от деятельности чиновничества, а усиление демократического характера государственного управления, поскольку от реформ французы ожидают большей социальной справедливости и равенства граждан перед государством, утверждения общественного интереса над частным. Немецкая модель реформ может быть названа консервативной, она базируется на осознании самобытности национальной управленческой культуры, квалифицируемой как «культура государственности», в отличие от «культуры гражданского общества», характерной для Великобритании. Германия стремится сохранить веберовские традиции рациональности управления как рациональности законов, планов и инструкций, но в то же время реформаторы постепенно вводят элементы новых управленческих концепций. Финская модель административных реформ является инверсионной, поскольку в процессе реформирования происходила радикальная корректировка реформационной стратегии.

Сравнение обычно получается не в пользу «своей» модели уже потому, что речь идет именно об апробированных и хорошо себя показавших зарубежных моделях, а «своя» еще только складывается. В этот момент против авторского характера и уникальности «своей» модели начинает работать простое разнообразие иных моделей решения проблемы реформирования, например административных и политических отношений, поскольку сам факт такого разнообразия подводит сознание современников к заключению, что задача имеет множество достаточно простых решений и, следовательно, трудности, с которыми

сталкивается «своя» модель реформирования, имеют субъективную природу (нет компетентных реформаторов, идеологов, организаторов и исполнителей). Такой подход к проблеме российской политики административного реформирования стал сегодня уже преобладающим в трудах политологов и юристов.

«Предел» имеет свои временные характеристики. Внешне выглядит логичным, что если реформирование какой-либо стороны общественной или государственной жизни органично вписано в общую стратегию системных преобразований, то оно не должно проводиться в спешке. Но при этом стратегия реформирования административной сферы, как и многие другие стратегии реформирования, не принимает во внимание поколенческого фактора. То, что для поколения, при котором начиналась реформа, выглядит действительно попыткой элит исправить прежнее, неудовлетворительное ведение дел, для следующего поколения уже становится олицетворением неудовлетворительной организации управления.

Возникает ситуация, когда общество начинает требовать от элит реформирования самого реформационного процесса, инициированного ими. В границы этой логики укладываются, как представляется, разнообразные и почти непрерывные «цветные» революции на постсоветском пространстве и в арабском мире. Как в глазах нового поколения придать продолжающимся и тем же самым, по сути, административным реформам вид новых стратегических и тактических решений – это уже вопрос не структурной организации процесса, а его идеологии, или, точнее, агитационно-пропагандистского обеспечения. В настоящее время в поведении реформаторски настроенных политических элит в России и многих других странах просматривается искренняя убежденность, что само слово «реформа» обладает без-

условным магическим влиянием на политическое сознание граждан, и, повторяя его раз за разом, можно поддерживать в социуме политический энтузиазм и готовность активно сотрудничать с государственной властью.

Но тут обнаруживается, что «предел» имеет и свои ресурсные характеристики. Общество и государство по ходу реформ беднеют, истощают свои ресурсы. Истории в настоящее время неизвестны случаи, когда бы общество и государство наживались на самом процессе проведения реформ. В лучшем случае они впоследствии компенсируют себе затраты и что-то дополнительно приобретают. Но не так много. В противном случае не происходило бы революций, а инструментарий политических преобразований ограничивался бы реформами. Истощение ресурсов активизирует обмен ими между двумя основными политическими субъектами – государством и обществом. И, как и в любом обменном процессе, тут образуется множество посредствующих структур и связей, просто уничтожающих перераспределяемый ресурс. В момент, когда реформирование той же административной системы выходит на этап завершения структурной реорганизации, выясняется, что на наполнение новых структур новыми кадрами, новыми технологиями и новыми стилями работы ресурсов больше нет. Государству как организатору преобразований приходится изыскивать эти ресурсы для доведения дела до конца, а в обществе возникает убеждение, что преобразование лучше закончить. Общество соглашается с тем, что новые структурные подразделения в системе административного управления по качеству останутся прежними, что в них сохранятся клановость, коррупция, протекционизм просто потому, что дальнейшая борьба с этими явлениями беднее в ходе реформ общество ввергнет в полную нищету.

УДК 329 (470)

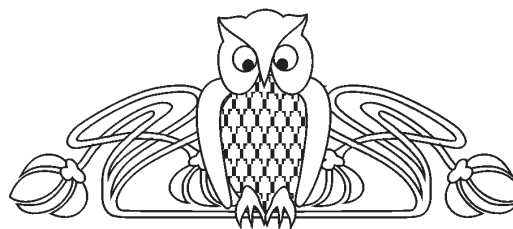
ПОТЕНЦИАЛ И ОГРАНИЧЕНИЯ «ТРАНЗИТОЛОГИЧЕСКОГО» ПОДХОДА К ОБЪЯСНЕНИЮ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ш. М. Хаутиев

Ульяновский государственный университет
E-mail: sharp1974@yandex.ru

В статье с критических позиций рассматривается «транзитологическая» интерпретация политической динамики в постсоветской России. Указываются ограничения и минусы, налагаемые данным подходом.

Ключевые слова: концепт «транзитология», объяснительная модель, природа постсоветской трансформации.

The Potential and Limits of «Transitology» Approach to Post-Soviet Politics

Sh. M. Khautiev

This article presents an arguments on conceptual limitations of «transitology» theory for post-Soviet explanation. One can say that the

Russian academic community could be able to propose conceptual alternative for better understanding of post-Soviet affairs.

Key words: «transitology concept», research model, nature of post-soviet transformation.

После крушения коммунистической системы зашли в тупик пути познания посткоммунистических государств, а также способы объяснения постсоветской динамики. Возникла настоятельная необходимость заново переосмыслить природу трансформации посткоммунистических сообществ.

В науке утвердилось «транзитологическое» понимание постсоветской политической динамики. Более того, в какой-то момент политические исследования оказались во власти епископальной догмы «транзитологии». Это значит, что в изучение постсоветской Евразии начала поспешно внедряться телеологическая схема в объяснении происходящих изменений. Данная схема подразумевала необходимость движения от прежнего, советско-коммунистического общества (которое характеризовалось как стабильное, но авторитарное) к новому состоянию, которое описывалось в терминах демократии и рыночной экономики. Россия в 1990-е гг. была охвачена спонтанным строительством конкурирующих региональных рынков в сочетании с хаотической фрагментацией государства и строительством протодемократических институтов, что означало тройную трансформацию и, соответственно, тройную сложность¹. Известный немецкий исследователь Клаус Оффе в 1991 г. обозначил данный процесс как «тройной переход» («triple transition»): от авторитаризма к демократии, от плановой государственной экономики к рыночной, от централизованного государства к федеративному². Тогда, в атмосфере посткоммунистической эйфории, мало кто сомневался в том, что политическая система России и Восточной Европы должна реализоваться как демократия. Так задавалась телеология переходного периода о неизбежном наступлении демократии. Как результат, все ждали так называемой демократической консолидации правящих элит в качестве предпосылки окончательного торжества российской демократии³. Однако драматические, а в чём-то и трагические последствия ельцинских преобразований 1990-х гг. породили обширный и устойчивый скепсис по поводу перспектив демократии в России. В ответ для объяснения дефектных характеристик российского «демократического транзита» появились понятия «авторитарная демократия», «гибридная демократия», «нелиберальная демократия», «номенклатурная демократия» и другие демократии с прилагательными.

Данный подход стал привычным и устоявшимся за последние десятилетия. Новые государства посткоммунистической Восточной

Европы и СНГ получили название «переходные экономики», или страны «посткоммунистического транзита». Такие названия ясно указывают на общее наследие постсоветских государств от коммунистического прошлого. Справедливости ради необходимо отметить, что на раннем этапе посткоммунистической эволюции транзитологическая парадигма была способна объяснять многие вещи. В частности, этот подход был эффективен в сравнительном объяснении существующих политических и экономических институтов, а также систем ценностей в ареале постсоветской Евразии, поскольку в первые годы после развала коммунистической системы люди региона разделяли идентичность, основанную на общем опыте в эпоху социализма. В данном контексте термин «посткоммунистический переход» всё ещё является полезным, поскольку основан на переходных постсоветских реалиях.

Однако важно осознавать и ограничения, налагаемые такого рода схемами: ориентируясь на встроенную в них телеологию, исследователь рискует не заметить «несущественных» с точки зрения именно этой самой телеологии фактов, которые не укладываются в «транзитологические» интерпретации. Всё больше становится очевидным, что «транзитологический» подход не может устраивать политологическое исследование⁴. Введение подобных рамочных исследовательских установок – что Россия должна развиваться обязательно в сторону демократии – препятствует предметно-ориентированному и свободному от оценок анализу. Чем дальше постсоветские общества отдаляются от событий начала 1990-х гг., тем больше данный подход теряет свою эвристическую силу. Разнообразие внутри постсоветских сообществ растёт стремительными темпами. В условиях такой сложной трансформации «транзитологический» подход, как отмечалось, предлагает лишь ограниченный круг исследовательских перспектив в посткоммунистическом развитии: рыночную экономику и политическую демократию. Становится очевидным, что телеология переходного периода в этой ситуации сдерживает пути познания постсоветской трансформации. Данный подход не объясняет, например, почему российский правящий класс в современных условиях пытается законсервировать переходное состояние общества, а не преодолеть его. И почему, например, отечественная политико-правовая модель «встроена» в атмосферу спекулятивного затыгивания политического неопределённости? У нас до сих пор нет концептуальных рамок для того, чтобы категоризировать процессы политической неопределённости в посткоммунистических обществах. Нам необходимо создать новую теоретическую рамку для анализа логики и динамики продолжающейся политической неопределённости.

В 1990-е гг. было модно приспособливаться к доминирующему тону западных объяснительных моделей постсоветского развития. В течение всего этого периода «транзитологическая» парадигма осуществляла своего рода духовную опеку социальных знаний в России. Российские специалисты стали чувствовать себя весьма комфортно в таком интеллектуальном климате, поскольку он казался многим из них фешенебельным и солидным. В значительной степени это лишало российское политологическое сообщество мыслительной энергии. Думается, в данной ситуации было бы уместным и многообещающим рассматривать вопрос о природе российской переходности, ставя во главу угла концепт «неопределённость». Отечественное политологическое сообщество способно предложить новые познавательные альтернативы описательным «транзитологическим» схемам.

УДК 323 (470+571)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

Д. С. Горелик

Саратовский государственный университет
E-mail: dmitriy.gorelik@mail.ru

В статье рассматриваются институциональные изменения в политической системе России, которые отразились на модернизационных преобразованиях.

Ключевые слова: политическая модернизация, политико-правовая система, правовое государство.

Institutional Prerequisites for Political Modernization in Russia

D. S. Gorelik

The article considers institutional changes in political system of Russia, which have an effect on modernization transformation.

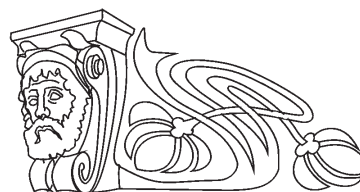
Key words: political modernization, political-legal system, legal state.

Среди важнейших стратегических целей политической модернизации российского общества заявлено становление правовой государственности.

В 1990–2000-е гг. произошли радикальные преобразования не только в экономике, но и в политико-правовой системе. Самым принципиальным изменением в системе государственной власти периода новейшей истории стали введение в 1991 г. поста Президента РСФСР и соответствующее перераспределение властных функций между различными ветвями власти. Несмотря на то что Съезд народных депутатов как высший орган государственной власти и Верховный Совет сохраняли широкие полномочия в области

Примечания

- ¹ См.: Магомедов А. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу». М., 2000. С. 200.
- ² Offe C. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe // Social Research. 1991. Vol. 58, №. 4. P. 865–892.
- ³ См., например: Шмунтер Ф., Карл Т. Что такое демократия, а что – нет // Демократия. Теория и практика. М., 1996; Мельвилль А. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. 1998. № 2. С. 6–38.
- ⁴ Одним из первых на это указал Б. Капустин (Капустин Б. Г. Посткоммунизм как постсовременность. Российский вариант // Полис. 2001. № 5. С. 6–28).

законодательной деятельности, определения внутренней и внешней политики, принятия решений по вопросам государственного устройства и т. д., многие их прежние права, включая подписание и обнародование законодательных актов, формирование правительства и назначение его председателя, контроль его деятельности отошли к Президенту РСФСР как высшему должностному лицу в Российской Федерации.

Подобное перераспределение полномочий в условиях отсутствия парламентских традиций и отработанного механизма согласования интересов часто становилось причиной острых правовых и политических коллизий во взаимоотношениях законодательной и исполнительной власти. Именно данный факт привел в октябре 1993 г. к открытому конфликту, завершившемуся роспуском Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ и ликвидацией системы Советов.

Все институциональные изменения были закреплены в нормативно-правовых актах. Принятие Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г. как важнейшего этапа в процессе политической модернизации позволяет утверждать, что в результате ускоренной модернизации демократическая Конституция была введена авторитарными методами.

Конституция разрабатывалась и принималась в условиях жесткого противостояния сил старого порядка и формирующегося нового режима. При-

нятие Основного закона страны – несомненное достижение по сравнению с предшествующим этапом трансформации политического режима государства¹. Россия стала определяться как «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» (ч. 1 ст. 1), как «светское» (ст. 14), а также «социальное» (ст. 7). Носителем суверенитета и единственным источником власти в государстве провозглашался «многонациональный народ» (ст. 3).

В ходе радикального преобразования экономики и соответствующей трансформации политико-правовой системы сформировалась и была зафиксирована в соответствующих нормативно-правовых актах институциональная основа правового государства. Тем не менее, как показал посттрансформационный период жизни российского общества, сами по себе институциональные преобразования не привели к достижению всех заявленных целей по модернизации политической системы. Необходим долговременный процесс формирования соответствующих установок общественного сознания, преобразования правового менталитета, развития правовой культуры, воспитания поколений с высоким правосознанием.

Модернизационные преобразования охватывают и экономическую, и политическую, и ценностную системы общества, этому процессу присущи ускорение и замедление. В России модернизация, как отмечают в своем исследовании В. И. Пантин и В. В. Лапкин, необычайно растянута во времени².

Другой особенностью институциональных предпосылок политической модернизации следует назвать значимую и активную роль государства в инициировании и определении основных направлений этих изменений. Причем общество выступает лишь как объект модернизационных преобразований, а не как опора или стимул к изменениям.

Тем не менее следует подчеркнуть, что Конституция, принятая в 1993 г., стабилизировала российский политический процесс. Основные политические акторы, находясь в конституционно-правовом пространстве, оказывали различное влияние на развитие институтов.

Среди институциональных предпосылок политической модернизации следует назвать многопартийность, институт президентства, двухпалатный парламент, Общественную палату. Однако следует отметить, что некоторые из названных институтов не обладают достаточной силой.

Этот фактор не позволяет осуществлять в политике каких-либо долгосрочных стратегий. Слабые, неустойчивые институты побуждают различные элитные группы ориентироваться на реализацию краткосрочных и главным образом корпоративных целей. В таких системах, как правило, либо плохо прописан в законах, либо фактически не действует на практике институт политической ответственности. Все решения

в основном принимаются «наверху», но ответственность за неверные решения руководители спускают вниз, на других субъектов политики. Подобная схема, однако, хороша для самоподдержания системы, но абсолютно непригодна для осуществления политики модернизации.

Институты с 2000-х гг. с формально-правовой точки зрения выглядят более устойчивыми и сильными. Но с точки зрения их влияния на процесс политической модернизации они минимизируются (обе палаты парламента, институт губернаторов и т. д.). Поэтому уровень слабой институционализированности остается прежним, хотя меняются параметры.

Изменения в политической системе 2004–2006 гг. затронули и партийную систему, и способ формирования Совета Федерации, произошел отказ от прямых выборов губернаторов. Все преобразования способствовали завершению формирования «вертикали власти»³.

Создание Государственного совета и Общественной палаты должно было способствовать более тщательному контролю со стороны общественности готовящихся законопроектов. В реальной политической практике эти институты превратились в дополнительные инструменты, поддерживающие моноцентричную систему власти.

Основу функционирования политических систем демократического типа составляет политическая цепь подотчетности государственной власти гражданскому обществу. Особое влияние должна оказывать многопартийная система, которая обеспечивает политико-идеологическое структурирование общества в форме независимых объединений граждан. Партийная система, которая базируется на ограниченном количестве партий, имеющих вертикально-иерархическое построение, как правило, перестает эффективно выполнять функцию структуризации политического представительства общества во власти, особенно это касается подотчетности государственной власти гражданскому обществу⁴.

Это связано, по-видимому, и с отсутствием запроса на эффективную систему представительства интересов. Для партийной системы в первую очередь важен запрос на систему представительства интересов. Даже мировой финансовый кризис не привел к запросу на реально действующую многопартийную систему в стране. Реформа политической системы, которая в некоторой степени позволяет в цикле 2011 г. участвовать большему количеству партий в выборах в Государственную думу и региональные законодательные органы власти, сохраняет прежний формат функционирования политических институтов.

Это актуализирует проблему доступа на политический рынок, поскольку политический контроль федеральных и региональных телеканалов исключает допуск к телеэфиру политически нелояльных акторов⁵.

Запаздывание модернизационных преобразований в политической системе России показывает сложность и противоречивость происходящих институциональных трансформаций. Главным фактором, от которого зависит достижение заявленных целей, является деятельность центральных институтов власти и управления. Именно базовые политико-управленческие структуры смогут побудить общество работать в направлении новых целей.

Примечания

¹ См.: Медушевский А. Н. Российская модель конституционных преобразований в сравнительной перспективе

// Проблемы становления гражданского общества в России. Материалы научного семинара. Вып. № 3. М., 2003. С. 41.

² См.: Пантин В. И., Лапкин В. В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // Полис. 1998. № 2. С. 41.

³ См.: Лапкин В. В., Пантин В. И. Политические трансформации в России и на Украине в 2004–2006 гг.: причины и возможные последствия // Полис. 2007. № 1. С. 107.

⁴ См.: Нисневич Ю. Аудит политической системы посткоммунистической России. М., 2007. С. 49.

⁵ См.: Соловьев А. И. Институты власти и управления в стратегии российской модернизации: проблемы и перспективы // Вестник МГУ. Сер. 21. 2010. № 3. С. 15.

УДК 329 (470)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ГОРОДСКИХ ЭЛИТ (на примере Удмуртской Республики)

Д. П. Соснин

Ульяновский государственный университет
E-mail: uldps@mail.ru

В статье показано влияние институционализации местного самоуправления на формирование и эволюцию городских элит в постсоветский период на примере Удмуртской Республики.

Ключевые слова: городские элиты, местное самоуправление, институционализация, муниципальная реформа.

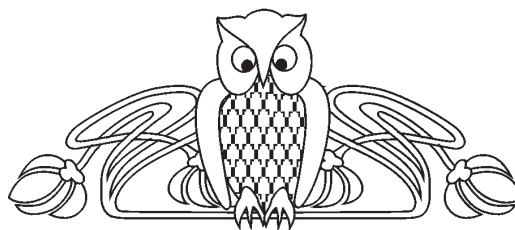
Institutional Factors of Formation and Evolution of City Elites (on an Example of the Udmurt Republic)

D. P. Sosnin

The article shows the influence of institutionalization of local self-government on formation and evolution of city elites during the Post-Soviet period on an example of the Udmurt Republic.

Key words: city elites, local self-government, institutionalization, municipal reform.

Существование элиты неразрывно связано с реализацией ею функций управления, в том числе и принятия и воплощения в жизнь стратегических решений. Управление территориальными социальными общностями, как правило, является хорошо институционализированным. Так, система публичных институтов управления Российской Федерации состоит из федерального, регионального и муниципального уровней. На базе данной «трехзвенной» структуры публичного управления складываются и три уровня элит: федеральный, региональный и локальный (субрегиональный). В рамках локального уровня особую роль играют

городские элиты, обладающие большим ресурсным потенциалом и политическим влиянием по сравнению с локальными элитами сельских поселений и муниципальных районов.

В советские времена местные органы власти являлись нижним звеном единой государственной системы управления. Возрождение местного самоуправления в нашей стране связано с общими демократическими преобразованиями, инициированными перестройкой. Юридически самостоятельность органов местного самоуправления была закреплена в принятой 12 декабря 1993 г. новой Конституции Российской Федерации. Конституционные принципы легли в основу первого Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Однако, как отмечает В. Я. Гельман, «муниципальная реформа 1990-х годов была чем угодно, но только не целостным продуманным проектом, целенаправленно реализованным на общенациональном и местном уровне единым административным аппаратом»¹. В итоге в субъектах Российской Федерации сложились различные формы организации местного самоуправления. В большей части регионов местное самоуправление осуществлялось только на уровне районов и крупных городов. В некоторых субъектах Федерации муниципалитеты были организованы на уровне отдельных поселений, в других – и на уровне

районов, и на уровне поселений. В отдельных регионах органов местного самоуправления не было вообще, а их функции исполнялись территориальными подразделениями органов государственной власти. Еще более запутанной ситуация была с исполнением полномочий. Местные бюджеты несли расходы по решению вопросов, отнесенных к ведению органов государственной власти, зачастую не получая от них необходимых финансовых средств.

В этих условиях федеральный центр взял курс на реформирование системы местного самоуправления в Российской Федерации, закрепив его Федеральным законом от 6 октября 2004 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Нормами данного закона была введена двухуровневая система местного самоуправления: первый уровень – поселенческий, второй уровень – муниципальные районы и городские округа. Более четко были регламентированы полномочия муниципальных образований различных типов, а также порядок их взаимодействия с органами государственной власти. При этом федеральный центр сконцентрировал у себя основные налоговые ресурсы с последующим частичным перераспределением их в регионы и муниципалитеты посредством различных механизмов финансовой помощи.

Несмотря на тенденцию к унификации, действующее законодательство в сфере местного самоуправления допускает определенную вариативность структур органов местного самоуправления, а также порядка их формирования. В условиях крайней неравномерности социально-экономического развития, многообразия социокультурных характеристик, географических, климатических и иных контекстов местные сообщества просто не могут (по крайней мере, в обозримом будущем) достичь той степени унификации, которая элиминирует актуальность категории «локальная политика»².

Таким образом, при всех издержках проведенной в 2000-е гг. централизации власти наличие в Российской Федерации института местного самоуправления создает условия для существования городской элиты как самостоятельного социально-политического феномена и её дифференциации от региональной элиты.

Рассмотрим на примере Удмуртской Республики, как изменение институционального дизайна местного самоуправления отражается на структурных характеристиках и положении городских элит. В качестве объектов исследования возьмём городские элиты Ижевска, Глазова и Сарапула. Выбор названных городов обусловлен существенными различиями их социально-экономических и социокультурных характеристик. Ижевск – столица Удмуртской Республики, крупный промышленный, культурный и научный центр. Глазов является вторым по величине промышленного по-

тenciала городом Удмуртской Республики, с четко выраженным основным градообразующим предприятием – ОАО «Чепецкий механический завод» (предприятие специализируется на переработке уранового сырья, а также производстве циркония и его сплавов). Сарапул – один из старейших городов Прикамья, сохранивший множество объектов культурного наследия и обладающий развитой перерабатывающей промышленностью.

В первое десятилетие постсоветской истории взаимоотношения между городскими элитами (прежде всего Ижевска) и республиканской элитой складывались сложно. Региональная власть различными способами пыталась установить контроль над деятельностью органов местного самоуправления.

Своеобразным «пиком» противостояния было принятие республиканского закона от 17 апреля 1996 г. «О системе органов государственной власти в Республике Удмуртия». Он ограничивал местное самоуправление сельскими поселениями, поселками, частями городских поселений в границах жилых комплексов. Органы местного самоуправления городов и районов подлежали огосударствлению: их руководители из всенародно избранных глав муниципальных образований превращались в назначаемых президиумом Госсовета республики глав администраций.

Однако смещенные мэры уходили в отставку отказались и возникла ситуация конфликта. «Удмуртское дело» вызвало большой общественный резонанс. Решение Конституционного суда, принятое 24 января 1997 г., подтвердило автономию органов местного самоуправления и стало предметом широкого обсуждения в общероссийской печати³.

В 2000-е гг. ситуация стала постепенно меняться в пользу региональной элиты. Мэром Ижевска был избран лояльный президенту республики политик – В. В. Балакин. В других городах также произошла плавная ротация высших должностных лиц.

В 2005 г. все города республики синхронно изменили порядок избрания глав городов: вместо прямых выборов населением – избрание из числа депутатов представительных органов. Региональная власть получила формальный инструмент влияния на кадровую политику органов местного самоуправления в виде права назначения одной трети членов конкурсных комиссий при проведении конкурсов на замещение должностей глав городских администраций.

Установленная в городах Удмуртской Республики модель управления предусматривает две ключевые позиции: глава муниципального образования, избираемый депутатами представительного органа из своего состава, и глава местной администрации, назначаемый на должность по контракту. В этом смысле существенным является вопрос: привело ли изменение институциональной структуры высшего звена управления

в Ижевске, Глазове и Сарапуле к формированию «двухполюсной» организации муниципальных властных элит?

На основании серии углубленных интервью, проведенных с представителями городских элит Удмуртской Республики, можно сделать вывод, что в Ижевске внедрение системы назначения главы администрации по контракту привело к образованию в период 2005–2010 гг. двух «центров силы» в структуре городской муниципальной элиты. Один сложился вокруг главы муниципального образования В. В. Балакина, обладавшего опытом публичного политика (в 2001 г. он избирался мэром Ижевска на прямых выборах населением), другой – вокруг главы администрации А. А. Ушакова. Данный период характеризовался постепенным перетеканием все большего объема властных ресурсов к команде главы администрации. В итоге осенью 2010 г. после очередных выборов депутатского корпуса А. А. Ушаков «пересел в кресло» главы муниципального образования.

В отличие от Ижевска формальное разделение должностей главы города и главы местной администрации не привело в Глазове и Сарапуле к формированию двух центров влияния в структуре муниципальной элиты. Главам указанных городов удалось полностью сохранить определяющее влияние на городскую политику, а главам администрации фактически была отведена роль «первых заместителей».

Таким образом, изменение порядка избрания глав муниципальных образований привело в столице Удмуртской Республики к диверсификации ресурсов влияния в среде муниципальной элиты со смещением «центра тяжести» к группе, кристаллизовавшейся вокруг главы администрации, в Сарапуле и Глазове, напротив, неформальный вес мэров оказался сильнее формального распределения полномочий – городские системы управления остались «моноцентричными».

Ретроспективный анализ эволюции городских элит Республики Удмуртия в постсоветский период позволяет сделать следующие выводы.

Юридическое оформление на федеральном уровне института местного самоуправления в сочетании с внедрением практики конкурентных выборов депутатов и глав муниципальных образований привело к формированию в городах Удмуртии достаточно независимых и консолидированных городских элит. Конституционные гарантии автономии местного самоуправления позволили городским элитам Удмуртии отразить в середине 1990-х гг. политическую экспансию региональной власти в муниципальную сферу.

В середине 2000-х гг. произошел отход от практики прямых выборов населением глав городов республики. От главы города как ключевой фигуры в структуре городской элиты в гораздо меньшей степени, чем раньше, стали требоваться качества публичного политика. Появилась опасность внутриэлитного раскола по линии «глава города, избранный из состава депутатов, – глава администрации, нанятый по контракту». Данные институциональные факторы облегчили инкорпорирование в состав высшего эшелона ижевской городской политической элиты представителей региональной правящей группы. Городские элиты Глазова и Сарапула, напротив, сумели успешно адаптироваться к изменениям, фактически воспроизведя в новых институциональных условиях прежнее распределение властных ресурсов.

Примечания

- ¹ Гельман В. Я. От местного самоуправления – к вертикали власти // Pro et Contra. № 1. 2007. С. 7.
- ² Панов П. В. Локальная политика в разных измерениях // Политическая наука. № 3. 2008. С. 15.
- ³ Сельцер Д. Г. Взлеты и падения номенклатуры. Тамбов, 2006. С. 249.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

29 сентября 2011 г. в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского под председательством доктора политических наук, профессора кафедры политических наук СГУ **Н. И. Шестова** состоялось заседание Саратовского регионального отделения РАПН.

В работе приняли участие: *Шестов Н. И.*, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук СГУ, председатель диссертационного совета СГУ по политическим наукам; *Вилков А. А.*, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук СГУ; *Барашков Г. М.*, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук СГУ; *Семенова В. Г.*, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук СГУ; *Труханов В. А.*, доктор политических наук, профессор кафедры истории и социологии политики Саратовской государственной юридической академии; *Тарасов И. Н.*, доктор политических наук, заведующий кафедрой философии и политологии Саратовского государственного социально-экономического университета; *Кузнецов И. И.*, доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории политики МГУ; *Константинов И. Б.*, кандидат экономических наук, начальник отдела аспирантуры и докторантуры Поволжского института им. П. А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (г. Саратов); *Рязанов А. В.*, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Поволжского института им. П. А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (г. Саратов); *Сергеев С. Г.*, кандидат политических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Поволжского института им. П. А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (г. Саратов).

Для обсуждения участникам заседания были предложены следующие вопросы:

Каковы причины участия государства в создании общественно-политических объединений?

Не является ли создание подобного рода объединений признанием недееспособности или ограниченной дееспособности российских политических партий?

Каким образом или в какие организационные формы могут быть преобразованы «пропартийные» общественно-политические объединения после окончания избирательной кампании?

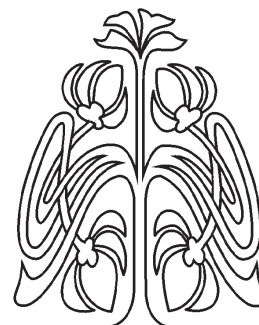
Способствуют ли «пропартийные» общественно-политические объединения позитивному развитию политических институтов (парламентаризм, народовластие, выборы, партии) в Российской Федерации?

Модератором дискуссии выступил **Шестов Н. И.** С докладом на тему «Потенциально внеконституционные политические институты как “попутный продукт” партийного строительства» выступил **Сергеев Сергей Геннадьевич** (материалы доклада опубликованы в данном журнале).

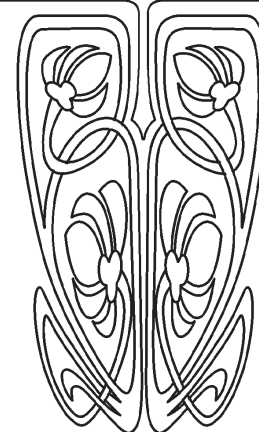
Шестов Н. И. Коллеги, прошу высказываться, задавать вопросы.

Вилков А. А. Мы уже не в первый раз обсуждаем тематику внеконституционных институтов. Хотелось бы услышать ответ на вопрос: можно ли любой социальный или политический институт, не прописанный в Конституции, назвать внеконституционным?

Сергеев С. Г. Внеконституционные институты обладают целым рядом признаков, по которым они идентифицируются именно в таком качестве. Отсутствие упоминания института в Конституции – это лишь один признак, весьма существенный, но не исключительный. При этом надо иметь в виду не только букву, но и дух Основного

ПРИЛОЖЕНИЯ

закона. Считаю, что политические институты в правовом государстве должны безусловно ему соответствовать, особенно те, которые специально созданы для участия в публичном управлении. Изучаемые мною внеконституционные институты «нагружаются» совершенно определенным социально-политическим смыслом, под них пытаются «подвести» определенную правовую базу, они существуют в публичном политическом пространстве и распространяют свое воздействие, говоря юридическим языком, на неопределенный круг лиц – на все общество в целом.

Шестов Н. И. Пожалуйста, еще вопросы.

Тарасов И. Н. Сергей Геннадьевич, уточните, пожалуйста: «потенциальность» в Вашем докладе относится к внеконституционности или все же к институциональности?

Сергеев С. Г. В данном случае – к внеконституционности.

Тарасов И. Н. Тогда возникает еще один вопрос: все ли образования, которые Вы упоминали в докладе, являются институтами?

Сергеев С. Г. Нет, не все. Из анализируемых к таковым можно отнести лишь Общероссийский народный фронт.

Тарасов И. Н. Думаю, что в первую очередь и докладчику, и нам всем следует определить, являются ли вообще названные в докладе образования институтами, и только потом уже решать – внеконституционные они или конституционные, состоявшиеся или же только потенциальные.

Сергеев С. Г. В своих рассуждениях я исходил из того, что прежде всего следует обращать внимание на формы и степень участия государства в формировании и активном продвижении того или иного образования. Участие государства в проекте ОНФ придает последнему качества потенциально внеконституционного политического института. Общероссийский народный фронт, пользуясь покровительством государства, стал даже претендовать на участие в некоторых государственных функциях – в частности, в разработке бюджета. Что касается, например, Державного союза или Народного ополчения, то это – общественные объединения, созданные в форме ассоциаций. У них отсутствуют ресурсы государственной поддержки, и это не позволяет им институционализироваться во внеконституционные формы.

Константинов И. Б. «Вписываются» ли потенциально внеконституционные политические институты в создаваемую Вами концепцию? На мой взгляд, они отличаются от тех структур, которые Вы ранее представляли нам как внеконституционные образования.

Сергеев С. Г. Действительно, потенциально внеконституционные образования, ставшие предметом рассмотрения в докладе, существенно отличаются от уже имеющихся внеконституционных институтов – Общественной палаты, Государственного совета, Уполномоченного по правам ребенка и прочих. Но в текущих политических об-

стоятельствах потенциально внеконституционные институты, в первую очередь ОНФ, проявили себя как отдельное явление, подтвержденное практикой. В чем-то они недооформились, в чем-то не состоялись. Не все из них в текущий момент времени могут претендовать на сколь-нибудь заметную степень вовлеченности в публичное управление или даже просто на высокую степень публичности. Но все вместе – и ОНФ, и иные упомянутые в докладе структуры – имеют черты сходства и несут в себе потенциал внеконституционности, хотя и весьма различающийся в плане ресурсообеспеченности. В этой связи весьма показательно, на мой взгляд, что ОНФ инициировал так называемый народный бюджет, стал диктовать новые правила публичного политического поведения. Функционально он стал наделять себя государственными полномочиями. Совершенно очевидно, что такое поведение, как минимум, внеконституционно по своему содержанию. И даже если соответствующее образование нельзя назвать полноценным, состоявшимся политическим институтом, то потенциально внеконституционным оно, несомненно, уже является.

Вилков А. А. Прежде всего хочу остановиться на самих понятиях «внеконституционность» и «внеконституционные политические институты», которые С. Г. Сергеев последовательно и настойчиво продвигает в отечественной политологии. Дискуссия на эту тему у нас уже была, поэтому Сергей Геннадьевич использует их в представленном докладе как устоявшиеся и бесспорные. Для меня лично остается много вопросов в свете целесообразности и правомерности их использования. Думаю, что у того, кто впервые познакомится с материалами доклада, также могут возникнуть подобные вопросы. Наверное, имело смысл в начале обсуждаемого доклада еще раз дать в тексте либо подстрочнике краткое авторское пояснение по поводу данных дефиниций.

Теперь по существу обозначенных вопросов обсуждения.

Прежде чем отвечать на вопрос о причинах участия государства в создании общественно-политических объединений, хочу еще раз посетовать по поводу «скользких» категорий в самой постановке проблемы. Конечно, если исходить из формулы, предложенной Людовиком XIV – «Государство – это я!», – то участие администрации Президента и лично Председателя Правительства Российской Федерации, может быть, и следует оценивать, как участие государства в создании общественно-политических объединений. У меня несколько иное понимание государства, по крайней мере, в его конституционной трактовке в российском варианте. Ну, а участие государственных органов и государственных руководителей в решении самых разных общественно-политических вопросов настолько очевидно, что даже и обсуждать особенно вроде бы нечего.

Давайте вспомним, почему отказались в свое время от практики использования на выборах в

Государственную думу избирательных блоков и объединений. Потому, что многие из них были неподконтрольны администрации и представляли потенциальную угрозу в виде непредсказуемых результатов выборов. Поэтому акцент сделали на создании мощной пропрезидентской партии и все ресурсы успешно сконцентрировали на решении данной задачи. В результате получили управляемую партийную систему, которая позволяет администрации Президента решать многие вопросы, в том числе и в первую очередь связанные с сохранением существующей власти.

То есть главная проблема не в том, что правящие политические силы, возглавляющие государственные органы, влияют на процессы общественно-политического структурирования. Это нормальная практика, в том числе и в самых демократических политических системах. Партии власти в любом государстве стремятся сохранить свои позиции и используют для этого все возможности (изменение законодательства, социальные программы, международное лоббирование интересов национального бизнеса, информационно-коммуникативное воздействие и т. д.). Ключевой вопрос заключается в другом – в отношении властных структур к оппозиции, в ее реальном содержании и функциональности, то есть понимании оппозиции как политической силы, имеющей не просто возможность критиковать действующую власть, но законное право и законную возможность прийти к власти на основе легитимных выборов. А это уже вопрос о понимании роли российского народа и его суверенитета в определении своей судьбы.

В нашей стране уже два десятилетия навязывают общественному мнению эсхатологическое понимание и восприятие оппозиции как силы, несущей угрозу гражданской войны, социального хаоса, распада единого социально-политического, экономического и правового пространства. В 1990-е гг. определенные основания для таких опасений действительно были. Но уже в 2000-е гг. оппозицию стали представлять как угрозу стабильности, позитивным процессам, происходящим в обществе. Для укрепления позиций была создана «управляемая», имитационная оппозиция в лице «Справедливой России». ЛДПР сама функционально уже 20 лет играет такую роль. Последний проект – управляемая правая оппозиция – проект, который провалился либо изначально так и планировался для окончательной дискредитации либеральных политических сил.

Отвечая на вопрос о том, не является ли создание подобного рода объединений признанием недееспособности или ограниченной дееспособности российских политических партий, позволю себе вновь указать на некоторую неопределенность постановки вопроса. Что такое дееспособность российских политических партий? С точки зрения классического набора функций партий как институтов, осуществляющих связь между обществом и властью, как институтов, реально

представляющих и защищающих интересы крупных социальных групп, большинство российских партий недееспособно.

Однако с точки зрения тех целей, которые ставили перед собой «конструкторы» и политтехнологи партстроительства в постсоветской России, данные партии вполне технологичны и действенны (как инструменты удержания власти, формирования общественного мнения, легитимации власти). С этой позиции создание ОНФ можно расценивать как свидетельство официального признания ослабления функциональности «Единой России» как партии власти и снижения ее рейтинга.

Говоря о том, в какие организационные формы могут быть преобразованы «пропартийные» общественно-политические объединения после окончания избирательной кампании, могу с определенностью сказать, что шансов на их институционализацию и правовое закрепление очень мало. Скорее, это одноразовый проект для повышения рейтинга «Единой России» и ее лидера перед выборами в Государственную думу и президентскими выборами. Этой ключевой стратегической задаче подчинены и инструментальные задачи (обновление кадрового состава и федерального списка; формирование предвыборной платформы на основе идей снизу – от представителей различных общественных структур; формирование имиджа «Единой России» как «общенародной» партии; подготовка общественного мнения к безоговорочной победе такой партии на выборах). Превращение такого аморфного конгломерата общественных объединений в новый внеконституционный институт политического управления нереально и не соответствует логике развития «Единой России». Скорее, возможна периодическая реинкарнация ОНФ в периоды выборов или каких-либо чрезвычайных обстоятельств (например, как одно из средств против социальных протестов).

Наконец, отвечая на вопрос о том, способствуют ли «пропартийные» общественно-политические объединения позитивному развитию политических институтов (парламентаризм, народовластие, выборы, партии), могу заключить, что с точки зрения стратегических общественных интересов – не способствуют. Несмотря на вовлечение многих институтов гражданского общества современной России в сферу политических интересов и предоставление им определенной возможности заявить о накопившихся общественных проблемах, их роль остается подчиненной и не может существенно повлиять на политическое и социально-экономическое развитие. В системе контроля обществом власти они выполняют декоративную роль, имитируя возможности граждан осуществлять свой суверенитет и свои права в сфере политики. Институты «преемничества», «тандемов», «рокировок» позволяют сохранить власть и видимость ее стабильности, но не устранить наиболее острые российские проблемы – глубокий социальный раскол, про-

пасть между большинством населения и кучкой олигархов, повсеместную коррупцию, стагнацию производственного сектора, превращение России в сырьевой придаток, падение нравственности, алкоголизм, наркоманию и многие другие смертельно опасные болезни.

Константинов И. Б. На мой взгляд, те институты, которые Сергей Геннадьевич охарактеризовал как потенциально внеконституционные, не «вписываются» в его достаточно стройную концепцию внеконституционных политических институтов. Внеконституционные институты направлены на решение системных, «застаревших» проблем, имеющих в обществе. Эти проблемы не могли быть, по разным причинам, решены конституционными институтами. Например, федеральные округа были созданы для восстановления законности в регионах и «стягивания» Федерации. Представленные нам сегодня структуры предназначены для другого и наделены другими качествами. Участие в них государства – критерий не бесспорный для того, чтобы их маркировать как внеконституционные политические институты. Сергей Геннадьевич демонстрирует ситуационный подход, который вряд ли оправдан в данном случае.

Причиной участия государства в проекте ОНФ является борьба за потенциальные голоса избирателей на предстоящих выборах. Создание Фронта и прочих упомянутых структур – это не признание недееспособности соответствующих партий, а попытка компенсировать ими свою электоральную слабость. Как только закончится электоральный цикл, потенциально внеконституционные образования будут «заморожены». Все забудут и о «народном бюджете», и о «пятилетних планах». Никакому позитивному развитию прочих конституционных политических институтов потенциально внеконституционные институты не способствуют, поскольку перед ними ставится другая, и весьма специфическая задача – привлечение голосов на выборах. С точки зрения власти участие граждан в процессе управления государством сегодня нежелательно.

Рязанов А. В. Я во многом согласен с коллегами, поэтому ограничусь ответами на предложенные к обсуждению вопросы.

ОНФ – демонстративная конструкция, внеконституционная по своей сути и характеру, ситуативно необходимая. Будет ли он пролонгирован после выборов? Скорей всего, нет. Фронт нужен ситуативно, его функция – сугубо декоративная. Он является скорее «подпартийной», чем «надпартийной» структурой. Ни одна партия сегодня не заинтересована в регистрации подобных объединений, так как это сокращает возможности ее собственного маневра. Цель их создания – привлечение новой клиентской базы, что дает видимость электоральной поддержки. По сути, это пиаровский ход, имеющий отношение к организации политического управления. Технология создания таких «фронтов» напоминает организацию па-

трон-клиентских связей в новых условиях. Таким образом организуется обратная связь, отчасти привлекаются новые заинтересованные игроки и имитируется поддержка через СМИ.

Труханов В. А. То, что изложил в своем докладе Сергей Геннадьевич, на мой взгляд, укладывается в привычные уже рамки взаимоотношений российского государства и гражданского общества. В условиях демократического режима государство и гражданское общество взаимодействуют «горизонтально». В специфических российских условиях государство во многом вынуждено инициировать формирование структур гражданского общества и выстраивать отношения в «вертикальной» плоскости. Показательный пример здесь – Общественная палата.

Активное участие государства заметно и в партийном строительстве. Получается, что интересы избирателя практически некому представлять. Создание ОНФ в таком случае выступает попыткой создать «институциональный институт» гражданского общества, который бы действительно вообрал в себя максимально широкий спектр социальных групп и интересов. И ничего внеконституционного в этом нет.

Сергею Геннадьевичу надо четко сформулировать определение, дать признаки внеконституционных институтов. Нужно решить вопрос о соотношении внеконституционных институтов и институтов гражданского общества.

Тарасов И. Н. Причина активного участия государства в создании общественно-политических объединений заключается в слабости инициатив, исходящих от самого общества. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в ряду структур, анализируемых в докладе, признано участие государства в создании только одного общественно-политического объединения – ОНФ. То есть участие государства не всеобъемлюще, избирательно.

Если внеконституционные политические институты являются продуктом партийного строительства, то насколько же тогда должны быть мощны сами политические партии, если они способны породить иные институты? Все же, скорее, внеконституционные политические институты не являются продуктом партийного строительства. То, что происходит, – отдельный процесс. Создание различных «союзов», «фронтов», «ополчений» – не более чем предвыборная технология.

Позволю себе возразить коллегам в том, что ОНФ – одноразовый проект. Разве нельзя исключить вероятности того, что формат этого проекта может быть изменен в будущем и ему будут адресованы какие-то новые общественные функции? Долголетие подобных образований обеспечивается их организационной неопределенностью, из них можно сделать все что угодно. В условиях формально заявленной многопартийности различные «фронты» могут существовать достаточно долго.

Кузнецов И. И. Государство в России традиционно – ведущий политический актер, играющий ключевую роль и определяющий формат, темп, направленность политических и социально-экономических процессов. Кроме того, государство в России не просто является политическим институтом, но представляет особую ценность. В силу монопольного положения в целеполагании, определении стратегии и формировании управленческого курса Российское государство имеет широкие возможности для использования практически всех общественно значимых ресурсов. В анализируемом случае мы наблюдаем целенаправленные действия ведущей элитной группы по формированию «коалиций поддержки», то есть соответствующих групп, которые будут реализовывать функции легитимации предложенного политического курса, обеспечивать представительство разнообразных социальных сил в законодательных органах власти и т. д.

Создание организаций такого рода, как ОНФ, может показаться признаком слабости или ограниченности возможностей политических партий в России. Но на наш взгляд, здесь несколько иная ситуация и логика власти может быть реконструирована следующим образом. Уже давно наблюдается процесс, связанный с тем, что публичность в российской политике все в большей степени заменяется администрированием. Технологии воздействия исполнительной власти варьируются от прямого и грубого вмешательства до более умеренного, «рекомендательного» воздействия на участников политического процесса. Опираясь на существующие властные институты, закрепленные правом, власть зачастую не может достичь желаемого эффекта. Во многом именно потому, что не дает им возможности в полной мере функционировать, ограничивает естественный процесс конкуренции политических сил, нарушает последовательность и преемственность реализации конституционных норм. В результате появляется соблазн создания «поверх» и «вне» конституционных институтов новые, призванные восполнять неэффективность первых, служить их функциональным дополнением, развивать их потенциал. Такой процесс отстройки «субститутов» российской политической системы можно назвать политической импровизацией. Власть импровизирует в сложной ситуации принятия решений с «правилами игры», формирует новые, параллельные институты, вынужденные функционировать совместно с теми, которые изначально были созданы как легальные институты. Все это ведет к тому, что наступает момент серьезной «перегрузки» всей системы власти, она не может адекватно реагировать на вызовы окружающей среды.

Российские политические партии вполне могли бы стать адекватными институтами представительства интересов, артикуляции и агрегации социального запроса, школой воспитания по-

литических лидеров. Но такое их развитие могло бы идти только по логике обеспечения реального широкого и равного доступа к выработке государственного курса, усилению влияния парламента на политическую жизнь страны, обеспечения функционирования ответственного правительства. На деле происходит не только сокращение возможностей парламентского контроля, но и серьезное умаление законодательной власти в сфере формулирования приоритетов российской политики, в выработке согласованного курса власти, учитывающего многообразие интересов различных сегментов российского общества. В таких условиях партии – избыточный институт, необходимый лишь постольку, поскольку имеется соответствующая избирательная формула, предусматривающая пропорциональное избрание нижней палаты парламента и есть пресловутое конституционное положение об идеологическом многообразии в России.

Перспективы таких «протопартийных» или «квазипартийных» структур связаны только с выборами. Их возможности призваны восполнить недостатки работы «партии власти», снять ряд проблем с ее имиджем, указать на большую социальную ориентированность. Скорее всего, те члены ОНФ, которые попадут в парламента благодаря спискам ЕР, так или иначе получают в дальнейшем приглашение от партии власти вступить в ее ряды. Либо, как минимум, будут вынуждены согласовывать свою политическую позицию и ее публичное выражение с «партийной линией». Но поскольку гарантировать последнее невозможно, может возникнуть весьма интересная ситуация, когда члены ОНФ или участники праймериз, проведенных под эгидой ОНФ, почувствуют в себе готовность к выражению самостоятельной политической позиции и встанут в оппозицию «партии власти», уже находясь в парламенте.

Жизнеспособность таких образований зависит от эскалации политической ситуации, «фронт» может развиваться, прирастать поддержкой только в ситуации обострения социально-политического конфликта. Поскольку в данном случае речь может идти только о внутриэлитном расколе и противостоянии, то такая вероятность невысока, учитывая полное понимание в российском «тандеме». Кроме того, Фронт изначально не определился с главными «врагами», что заставляет воспринимать все, что делается в его рамках, исключительно в качестве локального предвыборного проекта.

«Позитивное» развитие политических институтов – очень вольная формулировка, отражающая своеобразие личного отношения автора вопроса к предмету исследования. Трудно определить, в какой степени прогресс одних политических институтов связан с развитием/стагнацией других, но главное – сложно установить меру «позитивности» институционализации как политического процесса. Традиционное политологическое понимание «правильности» процесса – сохранение

в течение длительного времени готовности участников политического процесса следовать этим установленным правилам, поддерживать преемственность политических решений и действий, но, может быть, в нашем, российском случае разрыв преемственности является традиционным способом институционализации новой власти. Отсюда может следовать такое наблюдение – «конец» «либерального» политического тренда в политике современной России и «начало» какого-то нового. Само возрождение понятия «фронт» для обозначения, казалось бы, рутинных политических действий, ориентированных на получение нужного большинства, возвращает к тем исторически недавним ситуациям, когда такие «фронты» служили основой консолидации антисоюзных сил в национальных республиках, давали возможность объединения сторонников создания новых национальных государств.

Барашков Г. М. В докладе затронута одна из самых болезненных проблем современной России – взаимоотношения власти и общества. Они анализируются через призму деятельности «фронтов», прежде всего, конечно, ОНФ как наиболее многочисленного и созданного под патронатом власти. Почему власть идет на такие эксперименты? Что это – стратегическое направление власти на построение гражданского общества или политические технологии в преддверии выборов? Мне представляется – и то и другое.

Идея о создании ОНФ была высказана премьер-министром В. В. Путиным, так как «Единая Россия» нуждается в притоке новых людей и свежих идей. А президент Д. А. Медведев вообще заявил, что создание ОНФ «объяснимо с точки зрения избирательных технологий». С точки зрения российского законодательства Фронта не существует. Формально он никем не учрежден и не может быть зарегистрирован, поэтому все, что происходит в рамках ОНФ, – это пропагандистские фантомы. Поскольку ОНФ находится за рамками законодательства, то вступление в него не имеет юридической силы. То, что деятельность ОНФ не регламентирована никакими нормативно-правовыми актами, лишней раз свидетельствует о том, что он создавался с одной-единственной целью – «управляемого» проведения выборов. Это чисто политтехнологический проект «под выборы» 2011–2012 гг., и думаю, что после избирательного цикла он либо исчезнет, либо законсервируется до следующих выборов.

Что касается гражданской самоорганизации в рамках ОНФ, то власть, безусловно, ощущает потребность в ней общества. Она ищет новые формы взаимодействия с обществом. Это объясняется тем, что старая модель построения гражданского общества в целом не вписывается в концепцию о «вертикали власти» и вызывает лишние проблемы для власти. Но провозглашенные с высоких трибун заявления о необходимости построения в России гражданского общества и демократиза-

ции страны должны подкрепляться на практике, что, собственно говоря, и подталкивает власть к поиску модели гражданского общества в России, отвечающей текущему моменту. Образование таких объединяющих «фронтов» должно создать определенную иллюзию тесного взаимодействия власти и общества, соучастия, взаимного интереса на благо общей цели. И именно через такие «фронты» власть может контролировать ситуацию и управлять ею, а общественные организации превратятся в филиал «Единой России».

Создание государством общественно-политических объединений имеет следующие причины: власть хочет показать свое единение с обществом, что она не оторвана от общества, что она слышит общество и готова к взаимодействию с ним. Но обратите внимание – все это происходит в канун выборов, что позволяет сомневаться в искренности власти. В современных условиях власти не нужно гражданское общество, мнение и действия которого отличны от мнения и действий самой власти. Таким образом, с одной стороны, власть пытается имитировать взаимодействие и диалог с общественными структурами, а с другой – жестко контролировать этот процесс, что прекрасно вписывается в концепцию «вертикали власти».

Мне кажется, что российская партийная, а следовательно, и политическая система переживает серьезный кризис. Партии либо создаются по велению администрации Президента, либо не могут быть зарегистрированными. Действующие же партии, даже те, которые заявляют о своей оппозиционности, находятся под давлением властей, что, безусловно, сковывает их инициативу. Все «пропартийные» общественно-политические объединения – это продукт политтехнологий. Поэтому после выборов интерес к ним пропадет и о них забудут на определенное время. Партиям общественно-политические движения нужны для решения конкретных сиюминутных задач, а не в плане стратегического развития страны.

Шестов Н. И. Коллеги, кто еще желает высказаться? Предоставим возможность нашим молодым коллегам.

Давиденко Д., аспирант. На мой взгляд, создание потенциально внеконституционных институтов не может положительно влиять на развитие политической системы. Они созданы для иных целей и не приспособлены для содействия процессу совершенствования конституционных институтов.

Левин А., магистрант. Я позволю себе не согласиться с предыдущим выступавшим. Если мы все же будем исходить из того, что речь идет не только об ОНФ, то очевидно, что создание потенциально внеконституционных институтов обогащает политическую систему, способствует развитию плюрализма и базовых конституционных институтов. Расширяется партийная деятельность, выдвигаются новые люди, появляются новые идеи.

Мишин К., магистрант. Причина создания потенциально внеконституционных институтов заключается в стремлении создать видимость массовой поддержки существующих политических партий. Эффект новизны может сыграть в этом положительную роль. Гражданам важно почувствовать свою востребованность, нужность. Кроме того, при определенных обстоятельствах эти структуры способны стать основой для образования новых партий.

Ныров К., магистрант. Важно, на мой взгляд, произвести лингвистическую экспертизу наименований рассматриваемых нами сегодня потенциально внеконституционных институтов. Милитаризованная риторика показывает, что избирательный процесс видится его участникам как некие военные действия. От избирателей ожидают сосредоточения, мобилизации в решении острых и проблемных вопросов. Думаю, что эти структуры будут распадаться, сливаться, приспособляться к текущим обстоятельствам.

Шестов Н. И. Благодарю за высказанные мнения и предоставляю слово Вере Геннадьевне Семеновой.

Семенова В. Г. Общероссийский народный фронт, по мнению Сергея Геннадьевича, – потенциально внеконституционный политический институт, претендующий на участие в политическом процессе и осуществлении политической власти. Но все же – в чем его потенциал? Если ОНФ потенциально внеконституционен, то каким образом он будет институционализироваться в дальнейшем? Фронт удобен своей текущей конструкцией, которая никого ничем не ограничивает и никого ни к чему не обязывает. Его можно время от времени реанимировать, после чего он может продолжать существовать в аморфном состоянии «до следующего раза». Фронт служит оправданием результатов, получаемых на выборах с помощью административного ресурса.

Шестов Н. И. Спасибо, Вера Геннадьевна. Коллеги, поскольку желающих высказаться больше нет, я позволю себе представить суммирующие соображения по дискуссии и свои собственные.

По тематике внеконституционных политических институтов мы с Сергеем Геннадьевичем общаемся уже довольно долго и достаточно плотно. Сейчас настало время, чтобы он тщательно поработал над исследовательским дискурсом. Речь идет не только о том, чтобы определить само понятие «внеконституционные политические институты». Нужно создать иерархию понятий. В первую очередь необходимо определить собственно понятие «политический институт». Чем, каким смыслом наполнен институт? Кроме того, сама Конституция может пониматься по-разному: как фундамент/стержень всей текущей политики или как один из множества идейных проектов, не обязательных к всеобщему исполнению. «Выпадение» какого-либо института из-под юрисдик-

ции Конституции, как мы сегодня услышали, не обязательно означает его внеконституционность. И в связи с этим Сергею Геннадьевичу остро необходимо сформулировать свое собственное отношение к Конституции, обозначить «авторское» ее понимание. Отмечу – речь не идет о конституции как юридическом документе. Я имею в виду конституцию как ключевое понятие политического дискурса.

Отвечая на сформулированные для обсуждения вопросы, скажу, что причина участия государства в проектах общественно-политических объединений мне видится в том, что существующая политическая система «проседает». Наша сильная государственность стала возрождаться на достаточно слабом социальном фундаменте. Для политической власти сегодня очень важно мобилизовать не только общество, но и политическое сознание самих элит. «Фронт» выполняет такую мобилизующую функцию.

Представленные сегодня в докладе институции – прямая реакция на недееспособность большинства политических партий, которые оставляют российскую власть один на один с очень неприятным для нее противником – КПРФ. В таком случае ОНФ может стать попыткой власти функционировать вообще без опоры на партии, опираясь на такую своеобразно организованную «народную» поддержку по «голлистскому» или «пероновскому» варианту. Поэтому Народный фронт может «пережить» предстоящие выборы и переформатироваться в масштабную структуру, подобную Индийскому национальному конгрессу. Это тем более вероятно, что за последнее десятилетие российская власть вполне успешно освоила практики реализации масштабных политических проектов в онлайн-режиме. Такое переформатирование безусловно скажется на состоянии и законодательной, и исполнительной ветвей власти. Могут измениться характер и содержание взаимоотношений конституционных институтов – Президента, Государственной думы, Правительства.

В завершение нашего сегодняшнего разговора я предлагаю предоставить короткое заключительное слово докладчику – Сергею Геннадьевичу Сергееву.

Сергеев С. Г. Благодарю всех принявших участие в дискуссии за высказанные мнения, критические замечания, предложения. Политическое пространство страны и политическое управление изменяются. Адекватное понимание происходящих изменений возможно только на основе критического анализа текущих процессов, для чего формат наших семинаров, я считаю, весьма удачен. Большое спасибо, коллеги, за участие!

Отчет подготовили:

*Н. И. Шестов, д-р полит. наук, профессор,
А. А. Вилков, д-р полит. наук, профессор,
С. Г. Сергеев, канд. полит. наук, доцент*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андриянова Е. А. – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой философии, гуманитарных наук и психологии ГОУ ВПО Саратовского ГМУ им. В. И. Разумовского Росздрава. E-mail: aranovich@inbox.ru

Аранович И. Ю. – аспирант кафедры экономики и управления здравоохранением и фармацией ГОУ ВПО Саратовского ГМУ им. В. И. Разумовского Росздрава. E-mail: aranovich@inbox.ru

Бегинина И. А. – кандидат философских наук, профессор кафедры социологии регионов социологического факультета Саратовского государственного университета. E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

Богданов А. В. – аспирант кафедры политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета. E-mail: selectedman@yandex.ru

Вилков А. А. – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Саратовского государственного университета. E-mail: vil57@yandex.ru

Горелик Д. С. – соискатель кафедры политических наук Саратовского государственного университета. E-mail: dmitriy.goreli@mail.ru

Гошуляк В. В. – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Пензенского государственного университета. E-mail: vvgoshulyak@rambler.ru

Гусев В. В. – кандидат экономических наук, доцент кафедры антикризисного управления Поволжского института им. П. А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ (г. Саратов). E-mail: vladgus2006@yandex.ru

Голуб О. Ю. – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой связей с общественностью Саратовского государственного социально-экономического университета. E-mail: Golub@ssea.runnet.ru

Данилов М. В. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Саратовского государственного университета. E-mail: super9999@yandex.ru

Жильцова О. Н. – соискатель кафедры политических наук Саратовского государственного университета. E-mail: mui@astranet.ru

Ильина Т. Н. – аспирант кафедры философии, гуманитарных наук и психологии Саратовского медицинского университета. E-mail: KromlL@km.ru

Ивченков С. Г. – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии молодежи Саратовского государственного университета. E-mail: ivchenkovsg@mail.ru

Климов В. А. – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии молодежи Саратовского государственного университета. E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

Кром И. Л. – доктор медицинских наук, профессор кафедры социальной психологии и педагогики Института социального образования (филиал) Российского государственного социального университета. E-mail: KromlL@km.ru

Кулешова Е. Л. – магистрант кафедры политологии Волгоградского государственного университета. E-mail: kateno4-4ek@bk.ru

Масленников В. А. – соискатель кафедры организации работы с молодежью социологического факультета Саратовского государственного. E-mail: vamvim@yandex.ru

Морозов С. И. – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Волгоградского государственного университета. E-mail: si.morozov@mail.ru

Никифоров Я. А. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии регионов социологического факультета Саратовского государственного университета. E-mail: yan@sgu.ru

Николаева О. В. – ассистент кафедры социологии Казанского государственного энергетического университета. E-mail: olgakuzmi@yandex.ru

Новичкова И. Ю. – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы Института социального образования (филиал) Российского государственного социального университета. E-mail: KromlL@km.ru

Новокрещенова И. Г. – доктор медицинских наук, зав. кафедрой экономики и управления здравоохранением и фармацией ГОУ ВПО Саратовского ГМУ им. В. И. Разумовского Росздрава. E-mail: aranovich@inbox.ru

Панкратов С. А. – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой политологии Волгоградского государственного университета. E-mail: s.pankratov@mail.ru

Петров Д. Е. – аспирант кафедры политических наук Саратовского государственного университета. E-mail: baikonur001@gmail.com

Петрович О. Г. – ассистент кафедры социологии регионов Саратовского государственного университета. E-mail: petroviich-Olga-G@yandex.ru

Покатов Д. В. – доктор социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Саратовского государственного университета. E-mail: dvpokatov@gmail.ru

Россошанский А. В. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Саратовского государственного университета. E-mail: up@gtrk.renet.ru

Сергеев С. Г. – кандидат политических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Поволжского института им. П. А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ (г. Саратов). E-mail: vestnik@pags.ru

Соснин Д. П. – аспирант кафедры связей с общественностью Ульяновского государственного университета. E-mail: sharp1974@yandex.ru

Тельнова Н. А. – доктор философских наук, профессор кафедры философии Волгоградского государственного университета. E-mail: telnova07@mail.ru

Трембовецкая В. Л. – аспирант кафедры теории и истории социологии социологического факультета Саратовского государственного университета. E-mail: morne@mail.ru

Хайрулин Р. Р. – соискатель Академии государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан. E-mail: rh-ghost@narod.ru

Хаутиев Ш. М. – аспирант кафедры связей с общественностью Ульяновского государственного университета. E-mail: sharp1974@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrianova E. A. – Doctor of Sociological Science, professor, Head of Department of Philosophy, Humanities and Psychology, Saratov State Medical University named V. I. Razumovsky. E-mail: aranovich@inbox.ru

Aranovich I. Yu. – Post-graduate Department of Economics and Management of Health Service and Pharmacy, Saratov State Medical University named V. I. Razumovsky. E-mail: aranovich@inbox.ru

Beginina I. A. – Candidate of Philosophy Sciences, Professor Chair of Regional Studies, Faculty of Sociology Saratov State University. E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

Bogdanov A. V. – post-graduate student of chair of political sciences of faculty of law of the Saratov State University. E-mail: selectedman@yandex.ru

Danilov M. V. – Candidate of Political Science, Assistant Professor of the Chair of Political Sciences of the Law Department, Saratov State University. E-mail: super9999@yandex.ru

Il'ina T. N. – post-graduate student, chair of philosophy, humanities, and psychology, Saratov Medical University. E-mail: KromlL@km.ru

Ivchenkov S. G. – Head of Chair of youth sociology, Doctor of sociology, Professor, Saratov State University. E-mail: ivchenkovsg@mail.ru

Golub O. Yu. – Head of Chair of public relations, Saratov State Socio-Economical University, Doctor of sociology, Professor. E-mail: Golub@ssea.runnet.ru

Gorelik D.S. – postgraduate student, chair of political science, Saratov State University. E-mail: dmitriy.goreli@mail.ru

Goshulyak V. V. – doctor of law sciences, professor, the dean of faculty of law of Penza State University. E-mail: vvgoshulyak@rambler.ru

Gusev V. V. – Associate Professor of Crisis Management Department, Volga Region Institute named P. A. Stolypin. E-mail: vladgus2006@yandex.ru

Khajrulin R. R. – Graduate student, Academy of State and Municipal Management under the President of the Republic of Tatarstan. E-mail: rh-ghost@narod.ru

Khautiev Sh. M. – postgraduate student, chair of public relations, Ulyanovsk State University. E-mail: sharp1974@yandex.ru

Klimov V. A. – PhD in philosophy, associate professor, chair of youth sociology, Saratov State University. E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

Krom I. L. – Doctor of Medical Sciences, professor, chair of social psychology and pedagogic, Institute of Social Education (Saratov's branch of RSSU). E-mail: gukovaolga2009@rambler.ru

Kuleshova E. L. – undergraduate student of the Chair of the Political Science Department, Volgograd State University. E-mail: katen04-4ek@bk.ru

Maslennikov V. A. – postgraduate student, chair of organization of work with youth, Sociology Faculty, Saratov State University. E-mail: vamvim@yandex.ru

Morozov S. I. – candidate of political science, Associate Professor of the Chair of the Political Science Department, Volgograd State University. E-mail: si.morozov@mail.ru

Nikiforov Y. A. – PhD in sociology, Associate professor of Chair of sociology of regions, Faculty of Sociology Saratov State University. E-mail: yan@sgu.ru

Nikolaeva O. V. – the assistant to chair sociology of the Kazan State Power Engineering University. E-mail: olgakuzmi@yandex.ru

Novichkova I. Yu. – Doctor of sociological sciences, head of the chair of social work, professor at Institute of Social Education (branch) of RSSU in Saratov City. E-mail: KromlL@km.ru

Novokreshenova I. G. – Doctor of Medical Science, Head of Department of Economics and Management of Health Service and Pharmacy, Saratov State Medical University named V. I. Razumovsky. E-mail: aranovich@inbox.ru

Pankratov S. A. – Doctor of Political Science, professor Head of the Chair of Political Science, Volgograd State University. E-mail: c.pankratov@mail.ru

Petrov D. E. – post graduate student of the Chair of Poliltology, the Law Department, Saratov State University. E-mail: baikonur001@gmail.com

Petrovich O. G. – the assistant Regional Studies Deptment, Saratov State University. E-mail: petrovich-Olga-G@yandex.ru

Pokatov D. V. – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor Applied Sociology Department. Saratov State University. E-mail: dvpokatov@gmail.ru

Rossoshanskiy A. V. – Candidate of Political Science, Assistant Professor of the Chair of Political Sciences of the Law Department, Saratov State University. E-mail: up@gtrk.renet.ru

Sergeev S. G. – Candidate of Political Science, docent of the Constitutional and International Law Chair, Volga Region Institute named P. A. Stolypin. E-mail: vestnik@pags.ru

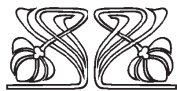
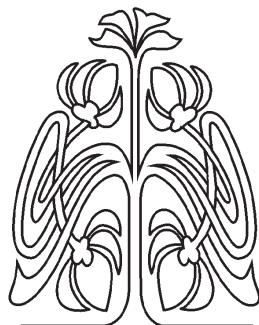
Sosnin D. P. – post-graduate student of Public Relations Department of the Ulyanosk State University. E-mail: sharp1974@yandex.ru

Telnova N. A. – Doctor of Phylosophy Science, professor Head of the Chair of Phylosophy Science. E-mail: telnova07@mail.ru

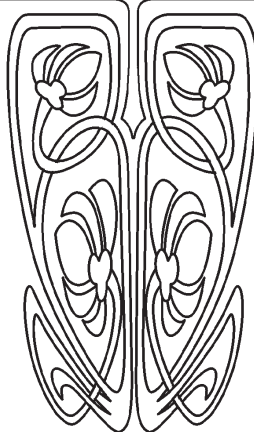
Trembovetska V. L. – Graduate student of the Chair of Theory and History of Sociology, Faculty of Sociology, Saratov State University. E-mail: morne@mail.ru

Vilkov A. A. – Doctor of Political Science, professor, Head of the Chair of Political Sciences of the Law Department of Saratov State University. E-mail: vil57@yandex.ru

Zhiltsova O. N. – Applicant of Chair of Political Science, Saratov State University. E-mail: mui@astranet.ru

ПРИЛОЖЕНИЯ

Подписка на II полугодие 2012 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36016,
раздел 41 «Философия. Социология. Психология. Религия».
Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам
непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: izdat@sgu.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.